МИСТЕРЫ ФАНТАСТИКИ

ЛИ БРЭКЕТТ

САГА О МАРСЕ
И ДРУГИХ МИРАХ

Пути Немезиды
Ли Бреккет

Kb Бреккет. Пути Немезиды
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16

Kb Бреккет
Пути Немезиды

Глава 1

Застыв как изваяние, он стоял в темноте подворотни. За грохотом колотящегося сердца ничего не было слышно, однако глаза Рика, цвета бледного янтаря, из-под белесых бровей напряженно обшаривали тесное ущелье переулка. По зеленоватым лунным лужицам, лежащим на древней мостовой, проплыли тени.

Рик поднял левую руку, прицелился. Эхо выстрелов громовым раскатом заметалось между рядами домов, пристроенных вплотную друг к другу. Две тени безмолвно исчезли; хозяин третьей взвыл и выпрямился в рост.

В тусклых лучах Фобоса Рик сумел его разглядеть. Ну конечно же, чернец!..

Покрытые шерстью твари обитали в морских впадинах и являлись тупиковой ветвью развития жизни — подобные «слепые отростки» эволюции на Марсе встречаешь повсюду. До сих пор по поводу их происхождения велись научные споры. Кто-то из ученых мужей полагал, что раньше они были людьми, но потом выродились в своих изолированных, запустелых деревушках. Другие

ученые утверждали, что это не люди вовсе и не обезьяны, а просто существа, по дороге жизни забредшие в никуда.

Однако нашего героя академические вопросы занимали мало, и лишь один факт науки представлялся ему очень важным — высокая дрессируемость черных обезьян.

Чернецы, подобно овчаркам, хорошо ходили по следу, а потому некая очень серьезная организация под названием «Земная горнорудная компания» обучила их подыскивать персонал для заполнения вакансий в бригадах перфораторщиков.

Рик не желал ломать спину, покуда не загнешься, на шахтах сего славного предприятия. Он бережно взял чернеца на мушку, чтоб теперь уж наверняка.

И грянул гром, и стало тихо…

Рик никогда не слыхал такой всепоглощающей тишины — только на мертвых мирах. Кузнечные цеха Компании сотрясали грохотом весь квартал от кабачков на улице Тридцати трех удовольствий и аж до самой городской стены, но шум паровых молотов был не в силах проломить непроницаемую тишину Руха; вот так же беспомощна колотушка против брони космического

корабля.

Рик двинулся дальше по узкой извилистой улочке. Провалы окон в толстых стенах казались мертвыми глазницами. По ту сторону плотно закрытых ставень прятались обитатели домов. Сотни веков люди, очень-очень много людей, жили здесь, однако в нынешние времена прогулка по городу столь же щедра на встречи, как экскурсия по лунным пещерам…

А всему виной — новые законы. Стоял себе потрепанный временем мир, в котором уставы городов-государств были так немногословны, что каждый мог их запомнить наизусть; и вдруг с Земли является выскочка Эд Фаллон и объявляет, что отныне Компания есть Закон, стоящий превыше старых уложений.

Компания начала диктовать свои правила и обламывать об их железный забор хребты непокорных. Мигранты с Земли натиску сопротивлялись вяло; гуманоидные марсиане, живущие в городах вроде Руха, наглухо позапирали двери и окна, моля Господа, чтобы гром пал на головы алчных пришельцев.

Неожиданно улица уперлась в городскую стену; дальше идти было некуда. Сзади настигали, «гармошка» погони сжималась. По ту сторону

стены, даже если бы Рик сумел взобраться на ее громаду, зияла отвесная пропасть в километр глубиной — до самого дна умершего моря.

Рик повернулся. Глаза его блеснули, отразив свет луны.

Вдали, в двух марсианских милях, считая по дну моря, из космопорта Компании взлетела ракета, трассирующей пулей вонзаясь в черный небосвод. Если обратить взгляд южнее, над плоскими крышами близлежащих построек увидишь полуразрушенные башни Царского Замка, а в доброй миле за Царским Замком — Нью-Таун, крикливый и задиристый пограничный городишко, ворота в ту половину мира, откуда пришел Рик.

Хоть бы один огонек!.. Вдалеке люди ссорились, дрались и орали, но занимались этим невидимо и беззвучно.

Рик привалился к камню городской стены и расслабил мускулы, дав левой руке свободно повиснуть под тяжестью оружия.

Кто-то вскрикнул, видимо, обнаружив мертвые тела на мостовой. Топот каблуков по брусчатке раздавался все ближе и ближе.

И тут Рик заметил свет.

Стой он чуть дальше от ограды, ему бы ни за что этот лучик не увидать. Оказывается, улица

имела продолжение в виде лаза между домами и городской стеной, такого узкого, что человеку едва пролезть, — и там растворилась дверь. Задержанный расстоянием, наконец долетел негромкий скрип петель.

Рик боком скользнул в проход, навстречу сварливому женскому шепоту, бранившему чью-то нерасторопность на старомарсианском наречии. В освещенном прямоугольнике возникла корявая тень, и дверь начала закрываться. Плечо Рика протаранило ее створку, когда уже лязгал засов. Тот, кто находился за дверью, с болезненным воплем отлетел в глубину помещения и звучно упал. Тем временем Рик уже оказался внутри; он лягнул дверь позади себя и правой рукой замкнул запор. Левая сжимала бластер.

Комнатка, устроенная в толще городской стены, была крохотной и вонючей. Крупная голова Рика, покрытая короткими светлыми волосами, едва не скребла потолок. В углу комнатки стояла раскладушка, застеленная множеством потертых пледов, рядом красовался стол древней работы из ирлового дерева с резьбой — за такой на аукционе давали денег больше, чем Рик мог бы добыть, десять лет потея на счастливом шурфе. Еще одной достопримечательностью являлась

пара мягких кресел с проплешинами, как раз по числу обитателей — старухи и лилипута.

Карлик с гримасой боли тихо корчился на полу, пытаясь совладать с последствиями удара ручкой двери. Он был тощий, ростом не выше ребенка, с зелеными раскосыми глазами. Старая женщина лежала на постели; Рик подумал сначала, что это обычная городская замарашка, но, увидев ее глаза, понял свою ошибку. Глаза старухи были сплошь белые, и только в самой середке ярко-красными угольками тлели зрачки.

— Ну-ну, ты полегче, мамаша, что ли! — грубовато сказал Рик, невольно съежившись.

Ответом было молчание, лишь красные буравчики бельмастых глаз ввинтились ему в самое нутро — у Рика аж мурашки поползли по коже.

С улицы доносился шум, показывающий, что ловцы потеряли след. Рик присел на корточки под дверью, грудь его тяжело вздымалась после бега; рубашка — модная, из шерсти венерианского паука — облепила ребра.

— Я побуду у вас, пока они не уйдут.

Лилипут перестал кататься по полу — видать, отпустило; сел на корточки, обхватив колени руками, и бросил на незваного гостя взгляд глаз, вспыхнувших в тусклом свете лампы изумруд-

ным блеском. Старуха не проронила ни слова и даже не шевельнулась. Откуда-то из одеял выскочила маленькая красная ящерка и юркнула по грязному полу.

— Я вижу будущее, — вдруг медленно проговорила женщина на кровати.

— Дорого берешь? — усмехнулся Рик. — Меня выкинули с корабля за разборку с соседом по койке, а все монеты, полученные при расчете, угодили в карманы девчонок, пока я «оттягивался» на вашем берегу. Ну, или не в карманы, а что там у них… — Он кашлянул.

— Я вижу твою судьбу.

Рик хмуро посмотрел на марсианку, затем пожал плечами. Второго пути наружу из комнаты не было, только дверь за его спиной; и вообще, кого пугаться — старушенции да какого-то мальчишки? Уличные голоса, похоже, отдалялись.

— Ты, мать, лучше бы на свою судьбу карты раскинула.

— Что, не веришь?

— Верить в гадание — дело женское. А я верю в то, что делаю своими руками.

Старуха не спеша улыбнулась, сверкнув заостренными клыками на фоне черного провала рта, и уперлась в Рика странным многообещающим

взглядом. Затем медленно встала с постели, подошла к столу и убрала тканое покрывало, под которым оказался серебряный сосуд, наполненный прозрачной водой.

Рик насмешливо присвистнул.

Кроваво-красные зрачки расширились, и марсианка произнесла:

— Ты пришел из космоса.

— Да, я там на свет появился! Как родила меня мать в каюте бродячего судна без приписки, так с тех пор космос мне дом родной. Ни за что бы не ушел с корабля, когда б не поперли.

— А твой корабль, скажи, он привязан цепью к миру, где был построен?

— Бог мой, конечно, нет! Не пойму, к чему ты клонишь?..

— Вот так же, землянин, и мысль не прикована к телу. Разум, словно корабль, он может путешествовать всюду. Мысль способна открыть Врата и бродить по дорогам Времени. Время — такая же реальная сущность, как почва у тебя под ногами, и эту сущность легко постичь, если владеешь знанием.

Рик насупил брови, взгляд его желтых глаз стал решительным.

— Может быть. Только не верится мне в буду-

щее, которое расстелено впереди, плоское, как топчан. Я сам выбираю себе дорогу и делаю собственное будущее. Вдобавок мало ли что может случиться и изменить ситуацию…

— Но из тысячи возможных событий происходит лишь одно. Вот сегодняшней ночью ты убежал от ищеек Компании. Гнить бы тебе в шахте, не отвори дверь мой бедный внебрачный внук, желая узнать, из-за чего на дворе суматоха. И что же? Всего миг — и ты спасен. Ты был на распутье и пошел по этой дорожке. Отныне все варианты твоей дальнейшей судьбы произрастают из мгновения, когда один шанс уступил первенство другому и отошел на задний план, дав второй возможности стать реальностью, осуществиться. Жизнь, землянин, состоит из нескончаемого числа развилок.

— Выходит, ты утверждаешь, что способна забросить свой разум, будто шпионский спутник, на орбиту Времени и подглядеть, куда ведет очередная развилка?

Старуха утвердительно кивнула.

— Ха-ха, неплохо! И отныне дурак-царевич всегда будет осведомлен, какой тропкой идти, а в конце сказки найдет горшок золота, вместо того чтобы шмякнуться носом в коровий блин, да?

— Значит, ты все-таки не веришь…

— Я люблю игру на азарт. Червы выпадут или пики — не все ли равно, в конце концов?

— Все равно… — эхом отозвалась старуха.

Она снова оглядела Рика — его лицо, руки, глаза.

— Противоречив… — Марсианка забормотала, разговаривая сама с собой, словно Рика здесь в помине не было. — Работа сделала его толстокожим и грубым, но кость тонкая… Челюсти, нос, скулы просвечивают сквозь телесную мякоть, как скальные обнажения сквозят через мох. Рот еще не оформился до конца и выражает лишь себялюбие… А глаза — глаза спят!

Рик беззлобно рассмеялся:

— В общем, пожалела несчастного и решила поведать, что ждет его впереди?

Он чувствовал себя спокойно. Мышцы отдыхали; крики и шум на улице смолкли в отдалении. Напряжение гонки исчезло. Рик зевнул.

Нет, спать он не хотел, голова была ясная, как стекло; просто здесь очень уютно… Красная ящерка неожиданно скользнула ему на ботинок и вновь умчалась прочь, словно маленькая комета.

— Может быть, — наконец откликнулась ста-

руха. Голос ее понизился до шепота. Затем она снова склонила голову над водой в серебряном кувшине.

Наступила тишина. Воздух в комнатке был теплым и спертым. Карлик так и сидел на полу, обхватив руками колени; он, по-видимому, еще не оправился после падения. Звук медленного громкого дыхания старой женщины напоминал накатывающийся и отступающий шум моря. Красная ящерица беспорядочными бросками металась по каменному полу.

Рик представил себе картину бескрайней сети дорог, по которым бродит мысль. Ну а если идешь по тропе и она тебе не нравится, что стоит пересечь холмы и перейти на другой путь?..

Дороги почему-то стали кровавого цвета и ожили, зашевелились. Рик пытался уследить за их беготней, но алые линии ускользали от мысленного взора. Рик почувствовал, что у него утомились глаза, и прикрыл веки.

«Да, так лучше, — сказал он сам себе. — Опустим симпатичную темную штору. Ма, разбуди меня завтра в семь».

Рик «клюнул» носом и от этого проснулся, открыл глаза и решил подняться на ноги; даже почти встал.

Женщина у стола, упираясь животом в магический горшок, неподвижным взглядом смотрела на Рика. Рот разинут, в глотке шипит — сущая змея. А уж зубы!..

Лилипут, стоя на полу на четвереньках, замер, объятый ужасом; он смахивал сейчас на кузнечика, окаменевшего в капле смолы. Красная ящерка продолжала суетливо перебегать с места на место.

Рик почувствовал, что замерз, как лягушка под дождем, и решил окончательно встать на ноги, но ему не давали сосредоточиться сумасшедшие броски ящерицы. А главное, он все время видел прямо перед собой старухины глаза — две кроваво-красные звезды в окружении белесых туманностей.

— Ты что замышляешь? — сдавленно выкрикнул Рик. Он попытался выбросить из головы красную ящерицу; разум его наполовину заплутал в алом лабиринте, что вычерчивал ее хвост. — Загипнотизировать меня решила, морщинистая гидра?! Вот, значит, зачем тебе понадобился треп про будущее! Гипнотизируешь!

Пот выступил у него на лбу. Рик с трудом поднялся на ноги и выставил «пушку»:

— Хочешь сделать так, чтобы я отключился, а

затем сдать ищейкам!..

Негодующий взгляд Рика схлестнулся со взглядом марсианки, однако борьба была неравной. Маленькие красные звезды, неподвижные и страшные, выжигали разум и подавляли волю.

— Ты не можешь выстрелить, землянин, — хрипло произнесла старуха.

Рик изо всех сил пытался заставить свой палец нажать на спуск, но проклятая ящерица совсем оплела его мозг алыми нитями…

Неожиданно в руках женщины появился нож.

Ее слова с силою молота крушили Рика: «Ты не можешь выстрелить! — гремели они. — Не можешь!..»

Мускулы Рика напряглись подобно натянутым канатам. Он истекал потом и слезами, рыдая от собственного бессилия.

Гадалка медленно приближалась.

— Я видела твое будущее, землянин. Твое будущее, если ты выживешь. — Она приставила острие ножа к горлу Рика. — Я видела твою тень, покрывшую Марс!

На лбу Рика взбухла жила, лицо кривилось в предсмертной гримасе. Нож вошел ему в горло, и в этот момент комната осветилась синей вспышкой сработавшего бластера.

Ужасные глаза потускнели; старуха рухнула навзничь.

Рик сипло рассмеялся. Это был не смех человека, а скорее торжествующий лай животного, вырвавшегося из западни. По шее текла кровь; нож, который марсианка не успела вонзить глубоко, вывалился из раны и зазвенел по полу.

Рик неловкими пальцами ухватился за засов, наконец отпер его и шагнул на улицу. От холодного ночного воздуха в голове несколько прояснело, но тело не слушалось, будто стало деревянным.

«Моя тень… Моя тень покроет Марс…»

Он поплелся по улице назад, туда, откуда пришел. Трупы черных антропоидов так и лежали на месте, где он подстрелил их. Над Рухом висела немыслимая тяжкая тишина.

Наступила реакция — Рика затрясло, накатила слабость. Он встал, прислонился лбом к стене.

Из-за поворота выскользнули черные фигуры; шорох движения донесся слишком поздно. Резко обернувшись, Рик открыл огонь, но ловцы уже навалились сверху. Он осел вниз под весом четырех существ, по-звериному стремительных и сильных, издающих резкий запах животной шерсти.

Сильно ударившись головой о камень, Рик

некоторое время еще сопротивлялся, инстинктивно отбиваясь вслепую; потом наконец затих.

Один из антропоидов остался лежать на мостовой. Трое остальных бесшумно исчезли в темноте, с удивительным проворством волоча тяжелую добычу.

Некоторое время спустя в узком проходе между городской стеной и домами мелькнула маленькая скрюченная тень. Карлик торопливо засеменил туда, где высились башни Старого города.

Глава 2

Фобос уже спускался с небосклона. Брат его, Деймос, тлел низко в небе над пустыней, подобно угольку гаснущего костра. На фоне угрюмого зарева, подставив башни ветру, чернел безмолвный силуэт — Царский Замок. Пятна ночного света на стенах казались пятнами засохшей крови.

Древний город… Мертвый город. Лишь в нижних ярусах городских башен, где когда-то размещались правительственные службы, библиотека и кунсткамера, теплилась жизнь.

Тронная зала; здесь еще со времен, когда на Марсе шумели синие моря, а на холмах росла зелень, восседали цари из рода Карадоков. Сейчас единственный мерцающий факел освещал высокий трон, окруженный считанными фигурами. Остальное пространство заливала тьма с сухим запахом тлена, полная призраков, еле слышно вздыхающих и шелестящих ветхими стягами, свидетельствами былого величия.

На церемониальном ковре, изготовленном из волос прекрасных дев, чей прах уже много веков назад развеян ветром, в поклоне согнулся

карлик Ллоу. Горбун говорил долго, нараспев; его звенящий голос порхал по зале, отражаясь от каменных сводов, зеленые глаза горели блеском безумия. Сейчас он совершенно не походил на ребенка.

Женщина, стоявшая по левую руку от трона, смотрела на рассказчика. Она была довольно молода, но какой-то внутренний жар, тайный и негасимый, иссушил ее, а надменность и скорбь только добавляли годов.

Справа от трона стоял мужчина — худощавый, крепкого сложения, в воинском одеянии рядового. Его мундир и портупея были поношены и вытерты, однако оружие ярко блестело. Покрытое шрамами лицо дышало отвагой, а глаза казались глазами волка, брошенного в клетку. Бейдах, командир гвардии Руха. Дух его черпал силу в потрепанных старых знаменах, развешанных по стенам залы; сердце принадлежало властителю, равно как и все его знания о различных способах нанесения ущерба противнику. Бейдах глядел на внука старухи-ведуньи, словно узник, наблюдающий, как в замочной скважине его камеры поворачивается ключ…

На троне сидел очаровательный мальчик, смуглокожий и ясноглазый, стремительный, будто

шпага; внутренний огонь, обугливший его мать, полыхал в нем столь же сильно. Харал, последний из династии Карадоков. Гордую шею юноши украшал древний Обруч Власти — массивный железный воротник.

Карлик закончил рассказ; на несколько минут воцарилось молчание. Затем Харал медленно произнес:

— Значит, тень его накроет Марс…

— Моя бабка видела это, властитель! — настойчиво повторил Ллоу. — Она была великой провидицей.

— Древние книги гласят, — в задумчивости сказал царственный юноша, — что ярмо пришельцев падет на наши шеи, дабы остаться навсегда.

Женщина что-то выкрикнула, но человек с глазами плененного волка опередил ее:

— Нет, мой властитель! Настало время восстать, если в крови народа Марса сохранилась хоть капля гордости!

Юный царь медленно поднялся. Багровые отблески пламени факела плясали на его лице.

— Бейдах! — повелительно произнес он.

Человек-волк припал на одно колено, готовый исполнить любой приказ.

— Приведи ко мне Парраса.

Бейдах с решительной улыбкой вышел.

— Ты знаешь, где сейчас этот землянин? — обратился Харал к лилипуту.

— Нет, властитель. Но я отыщу его. — Ллоу облизнул губы. — Это долг крови.

— Да, и он должен быть оплачен.

Женщина взялась обеими руками за высокий подлокотник трона и издала негромкое удовлетворенное восклицание.

Вернулся Бейдах, с ним вошел пухленький, улыбчивый, выглядящий моложаво марсианин в небесно-голубом одеянии. Глаза его были, словно два алых светила в центре опаловых туманностей.

— Мне нужно Слово, которое услышат правители всех городов, платящих дань Руху, — произнес Харал. — Скажем, тот старый лозунг о Двух Лунах — только теперь мы обратим его против тирании землян. Передай в другие города, чтобы там собрали военные силы и привели их в полную готовность. И пусть пришлют в Рух на военный совет своих командующих — тайно!.. Теперь ты, Ллоу.

Карлик вскочил с корточек.

— Пойдешь с Паррасом и дашь ему приметы Рика, чтобы Паррас мог объявить во всех городах

о слежке за этим землянином. Также повелеваю тебе побывать везде и разнести Слово по всему Руху.

Ллоу и Паррас, поклонившись, собрались уходить, но Харал остановил их:

— Подождите. Вы должны зажечь людей кличем! — Он по-мальчишески засмеялся, лицо осветилось воодушевлением. — Дайте им старый клич, самый древний — тот, которым пользовались моряки, когда вздымался океан; тот, что впоследствии стал кличем жителей пустынь, пришедших на место морей. Возвести им, Паррас: «Грянет буря!»

Карлик и ведун удалились. Харал спрыгнул с высокого сиденья трона, подхватил мать и закружил ее, поцеловав, а затем подбежал к Бейдаху, вырвал меч из ножен, висящих у того за плечами, и с воинственным возгласом подбросил оружие под потолок. Меч взмыл, крутясь и отбрасывая во все стороны красные отблески пламени светильника, на мгновение завис высоко в воздухе и полетел вниз. Мальчик не дал мечу упасть, ловко поймав за рукоятку.

Бейдах смотрел на мальчишку, и слезы блестели у него на глазах…

Десятью днями позже Эд Фаллон, глава «Земной

горнорудной компании», стоя у окна, глядел на расстилавшуюся перед ним панораму Марса. Когда скрипнула дверь офиса, Фаллон не повернул головы. По звуку неровных тяжелых шагов было ясно, что это Джаффа Шторм.

— Подойдите, — произнес Фаллон. — Здесь есть на что посмотреть.

Шторм положил стопку докладов на письменный стол шефа и промаршировал к широкому окну. Джаффа был мужчиной двухметрового роста с мышцами гладиатора; бугры мышц перекатывались под черным обтягивающим комбинезоном, и небольшая хромота не создавала ощущения слабости, особенно если принять во внимание «Микки» в кобуре.

Шторм встал позади Фаллона, отгородив его от остального пространства офиса громадой своей фигуры, и тоже принялся смотреть в окно. При этом Джаффа не произносил ни слова, хотя его черные глаза замечали абсолютно все с мрачной обстоятельностью.

— Моя крошка, — сказал Фаллон. Он стукнул рыжеволосым кулаком по ладони и издал довольный смешок. — Подрастает понемногу, а, Джаффа? Очень скоро она будет играть с Марсом, как с мячиком!

В глазах Фаллона сверкали искорки, так радовался он мощи своей подрастающей малютки — ЗГК.

Офис размещался на верхнем этаже административного корпуса, и стеклянные стены позволяли видеть всю территорию — дробильные установки, лаборатории, литейную, кузнечный и станочный цеха, приземистые рудничные постройки с черными пастями шахт… В безопасном отдалении располагался космопорт, откуда груз фаллонита переправляли на Землю.

В стороне от служб, огороженные высоким железным забором, стояли бараки, где жили рабочие. Жили для того, чтобы умереть.

С высоты можно было видеть и другое: сухое дно моря вплоть до размытого палевой дымкой горизонта, проглядывающие сквозь голубовато-серый мох тощие ребра скал, а в южном направлении, на утесе, взмывшем над окрестностями, лежал, подобный искореженной короне поверженного владыки, Старый город. Здесь царило умирание; усталое время будто остановилось.

Однако шеф ЗГК думал об этих грустных вещах не более чем о стоптанных в прошлом году туфлях. Фал-лона занимала жизнь Компании, грохот и масляный выпот ее машин, люди, что управля-

ют ими, — и это была его собственная жизнь, его кровь и пот, его растущая мощь.

Дитя было молодо, но уже стиснуло стальной хваткой цепких лап всю древнюю планету, на которую так бесцеремонно вторглось. Планету, чье центральное правительство являлось лишь немощным символом, а реальную власть делили города-государства, еще цепляющиеся за жизнь в пустынях и на холмах, что терялись в бескрайней шири давно исчезнувших морей.

До того как открыли фаллонит, Марс почти не интересовал чужеземцев. Планета с разрозненными, слабыми государствами стала легкой добычей для первого дельца, сумевшего разглядеть, какие богатство и власть скрыты в девственных недрах.

— Есть на что поглядеть, — тихо повторил Фалл он.

— Да, — также негромко согласился Шторм.

Он, прихрамывая, подошел к дивану и растянулся в рост, вытащив сигареты из нагрудного кармана. Густая шевелюра Джаффы была под стать цвету комбинезона, кожа немного светлее — таковы все уроженцы Меркурия (люди с Земли поселились и там), выросшие в сверкании молний и грохоте грома Сумеречного Пояса. Гово-

рили, в тех местах младенцы рождаются с рогами и хвостом и с выжженным начисто сердцем.

Фаллон окинул неприязненным взглядом груду бумаг на столе:

— Ффу-ух! С удовольствием вернусь в литейку, только бы не ковыряться в этом... — Он поморщился.

— Ладно врать, — произнес Джаффа лежа. — Хитрый старый лис! Вам нравится теперешняя работа; во всяком случае, вы никогда не были в душе человеком физического труда.

Фаллон остро взглянул на гиганта, потом решил обратить все в шутку.

— А вы не слишком удобный собеседник. — Магнат сел за письменный стол и занялся делами. — Как поступили с новым набором?

— Да как обычно. Среди них есть один... желтоглазый дьявол. Наверное, придется ликвидировать. Не хотелось бы — вынослив, словно лошадь.

Фаллон хмыкнул:

— Любая медаль имеет оборотную сторону; также и с дешевой рабочей силой. Ну ничего, пока я держу в руках ниточки от Нью-Тауна, у Компании не будет недостатка в людях — бродягах и безработных, списанных космолетчиках...

Короче, если такие исчезнут, никто и не заметит.

— Покуда не вмешается закон…

Фаллон весело отмахнулся:

— Плевал я на закон!..

Джаффа кивнул:

— Угу. Кстати, хотел бы надеяться, что пока нет особых подозрений по поводу наших визитов в Старый город. Я с большей охотой набираю людей оттуда, с ними легче общаться. Жители Старого Руха просто сидят по домам да тихо ждут, когда мы поссоримся между собой и перебьем друг друга. Зато в Нью-Тауне крепко не любят вербовщиков.

Фаллон равнодушно пожал плечами:

— Это ваша забота, Джаффа. Мне нужно от вас одно — чтобы действовали шахты.

— Я не позволю им остановиться.

Фалл он, удовлетворенно кивнув, зашелестел бумагами. Джаффа Шторм спокойно курил. С улицы доносился грубый грохот кипучей жизни Компании, такой чуждый молчаливому Марсу.

Шторм нарушил тишину:

— Прошлой ночью я был в Рухе. В Старом городе.

— Ну и как, весело провели время?

— Фаллон, я чувствую, назревают проблемы.

Рыжеволосый человек поднял взгляд:

— Какие именно?

— Город стал другим. Заметно изменился с прошлого моего рейда десять дней назад.

— К черту! Что вы меня запугиваете? Замшелые туземцы с нами вообще не контачат, даже не разговаривают. И потом, у здешнего дряхлого народишка просто нет пороха в пороховницах, чтобы затеять бучу.

— Послушайте меня, Фаллон. — Джаффа Шторм подался вперед. — Я провел целый год в Арианроде — пещерном городе, вырубленном в скалах хребта Дарксайд. Конечно, марсиане — не люди, но они многое знают и умеют, и я кое-чему у них научился.

Джаффа слегка дернул щекой и продолжил:

— Вчера я прошел через весь Старый Рух и ощутил нечто, витающее в атмосфере города, проникающее сквозь запертые двери и стены, сквозь темноту и отчужденное молчание. В людях появилось что-то новое: страх, беспокойство, непонятная суетливость. Не могу понять, почему… нет, вернее, что вызвало перемены. Знаете, какие слова шепотом передают из уст в уста обитатели Руха? Они говорят друг другу: «Грянет буря!»

Фаллон долго хранил молчание, затем повторил слова Джаффы, прислушиваясь к их звучанию:

— «Грянет буря»... — и снова замолк.

Неожиданно он рассмеялся:

— Пускай грянет! Старикашке Марсу не хватит ветра в одном месте, чтобы сдуть дом, который построил Эд Фаллон!

Загудел зуммер связи, Фаллон включил экран.

— Вызывает Кахора, — сообщила телефонистка, — Мистер Хью Сент-Джон.

— Давайте сюда мистера Джона. — Фаллон подмигнул Джаффе Шторму и вывесил на лице открытую дружескую улыбку.

— Добрый день, Фаллон, — раздался с телеэкрана голос. — Вы заняты?

— Для такого гостя я всегда найду время. Ну-с, что у вас на уме?

— На уме? Начинаю сомневаться, что у меня вообще есть мозги! — Лицо Сент-Джона выражало обиду и усталость, даже орлиный нос уныло висел. Всклокоченная седая шевелюра и синие пронзительные глаза довершали облик собеседника шефа ЗГК.

— Что, дела идут не так хорошо, как хотелось бы?

Сент-Джон горько усмехнулся:

— Основной целью нашего движения «За единство в радости» является развитие взаимопонимания между земной и марсианской расами, и чтобы каждый давал другим лучшее, что у него есть, а не причинял боль и зло. И чего же мы достигли? Мы добились полного разрыва между коренным населением и «земляками» — теми, кто прибыл с Земли уже давно и ассимилировался на Марсе; причем их взаимоотношения ухудшаются с каждым днем. Да, Фаллон, вы правы. Дела идут совсем нехорошо.

— А каково ваше мнение насчет свежих сплетен — так сказать, о проблемах? Или, точнее, о бунте?

Человек на экране немного замешкался:

— Н-ну… Вы ведь знаете, с нами общаются лишь «земляки». Марсиане избегают их, относятся столь же отчужденно, как и к нам… Так что, конечно, гм-м… Наверное, здесь, в Кахоре, мы плохо осведомлены о событиях снаружи колпака — знаете, на что похож наш город. Мне думается, у вас гораздо больше возможностей узнавать о происходящем «по ту сторону».

— Ах нет, мне совершенно ничего не известно! — невинным голосом воскликнул Фаллон. —

Скажите, «Движению» нужны еще деньги?

Преподобный мистер Хью энергично закивал головой:

— Если развернуть работу в Полярных городах, это был бы верный шанс! Перед тамошними Мыслителями благоговеют все на Марсе, и убедить их в наших ценностях — значит повернуть туземное общественное мнение к нам лицом. Но… вы уже и так столько истратили… Не будет ли это расточительством?

— Успокойтесь, я пока что не нуждаюсь. Итак, сколько?

— М-м… Скажем, пять тысяч интеркредиток. Да, что-то около того.

— Даю вам шесть, а если окажется мало, свяжитесь со мной снова. Посылаю чек сейчас же.

Голубые глаза Сент-Джона затуманились:

— Фаллон, прямо не знаю, что бы мы без вас делали!

— Я не любитель сорить деньгами. Просто Марс для меня значит так же много, как и для вас. — Фаллон покачал в воздухе рукой. — Ну, успехов, друг!

— До свидания. И сердечное вам спасибо!

Экран погас. Магнат с усмешкой откинулся в кресле:

— Болван. Наивный, приторно-сладкий дурак в лиловой рясе!

Шторм поглядел на Фаллона:

— Вы уверены?

— Опять намеки?! — вскипел тот. — Да я с ладони вскормил это «Движение»! С моей легкой руки оно развилось до такой степени, что теперь, стоит подбросить что-нибудь, на чем можно сосредоточить борьбу мнений, и помешанные на единстве идиоты в мгновение ока поотрывают друг дружке головы, не понимая, что именно этого я и хотел.

— Я просто поинтересовался… — повел плечами Шторм.

— О небо, Джаффа, как можно быть таким подозрительным! Удивлюсь, если вы доверяете самому себе.

— Не доверяю, — тихо и мрачно ответил Шторм. — Потому-то я до сих пор жив.

Фаллон пристально посмотрел на него.

Снова зажужжал зуммер — серия коротких нервических сигналов, гриф «Срочно!» Оба присутствующих торопливо подошли к ожившему коммуникатору, с экрана которого человек в испачканной спецовке словно хотел влезть к ним в помещение — настолько он подался вперед, к

зрачку телекамеры. На лице его была кровь.

— Неприятности на Пятом шурфе! Новая бригада, похоже, взбесилась.

— Доложите ситуацию! — властно произнес Фаллон.

— Шахтеры напали на охранников, сбили с ног своими кандалами. Их предводитель — здоровенный малый по имени Рик… Отобрали у охранников четыре «Микки» и забаррикадировались вагонетками… Они вооружены «Микки»! — вопил человек.

— А разукрасили вас тоже с помощью «Микки»? — съязвил Фаллон.

Человек на экране отер пальцами кровь со ссадины на лбу:

— Эти сволочи еще и рудой кидаются!.. Наверное, они будут прорываться к выходу из шахты.

— Хорошо. Я спускаюсь. — Фаллон угомонил бьющегося в истерике спеца, ткнув выключатель связи, и повернулся к Джаффе Шторму: — Большая бригада?

— Тридцать два человека.

Фаллон включил телеэкран и коротко переговорил с рослым альбиносом-венерианцем. За спиной великана стояло составленное в пирамиды оружие, были видны несколько солдат, такие

же громилы, как их командир. Именно Джаффа подал идею нанять подразделение Объединенных вооруженных сил Венеры, чтобы обеспечить «крепкую узду» на шахтах. Будучи чужаками, известные своей воинственностью выходцы из Средних Топей интересовались лишь двумя вещами — чего бы пожрать да кого бы побить. Джаффа Шторм в достатке обеспечивал их и тем и другим.

— Варго, отправьте пятнадцать человек на Пятый шурф, и пусть захватят с собой мощный электронный разрядник. Придурки под землей решили поиграть в крутых парней. Они ваши с потрохами.

Глава 3

Майо Макколл выглянула из прозрачной диспетчерской будки с высоты трех метров. Справа зияло отверстие шахты № 5, откуда на-гора шла руда; слева начинался ярко освещенный туннель, наклонно ведущий под землю, а точнее, под дно морское, вдоль фаллонитовой жилы от места ее выхода на поверхность.

Девушка некоторое время наблюдала за людьми, шныряющими внизу, затем не торопясь протянула руку и отключила луч контроля, который пересекал горловину шахты для проверки вагонеток с пустой породой на содержание фаллонита. Этот химически инертный материал совершил уже не одну промышленную революцию на Земле.

Рядом никого не было; суетившиеся люди, похоже, не обращали внимания на то, что делалось в будке Девушка, опершись ладонями о стол, отвела назад плечи — будто бы потянулась. Рукава ее темно-зеленого комбинезона, единой формы технических работников, съехали вверх, обнажив запястья. На правом висел браслет-часики.

Майо нажала кнопку, и стеклышко часов откинулось; в браслете находился миниатюрный передатчик. Девушка с расстановкой сосчшала до пяти, посматривая вниз на шахтный двор своими карими с поволокой глазами. Кожа ее, оттененная прекрасными каштановыми волосами, казалась белой, как сливки; мешковатая спецодежда не могла скрыть привлекательные формы сильного гибкого тела.

— Поехали, — прошипела рация.

Майо заговорила — негромко, почти не разжимая губ, но отчетливо:

— Происшествие на Пятом шурфе. Приготовьтесь записывать. Я иду вниз... Стоп! Появились «болотники» с большой шок-машиной. Начинается классная заваруха, именно то, чего мы так долго ждали.

— Поосторожнее, Майо! Знаешь, что будет, если тебя схватят?

— Догадываюсь. А вот и Фаллон с сопровождающими лицами. Превосходно! Оставайтесь в эфире.

Майо аккуратно поправила рукав комбинезона и, открыв дверцу будки, встала на пороге. Площадка внизу была пуста. Девушка сбежала по лестнице и двинулась влево, держась поближе

к стене, сложенной из красной пустой породы. В ярком свете фонарей блестели отполированные колесами вагонеток рельсы узкоколейки.

Спереди, из-за поворота туннеля, раздался пронзительный вой — это пришел в действие шокер-электронный разрядник.

Для начала его врубили на малую мощность. Укрывшийся за вагонеткой Рик почувствовал, как шоковая волна пробежала по телу, словно жидкий огонь; сердце заколотилось, как сумасшедшее, но боль пока можно было переносить.

Позади залегли двадцать два шахтера. Остальные из бригады «отдыхали», парализованные пистолетами охранников в самом начале восстания. Электронный разрядник бил широким лучом, чтобы поразить всю группу.

— Нет сил терпеть эту ломку! Мы сдаемся! — пронзительно завопил один из бунтовщиков. — Они сейчас еще поддадут газу!

— Заткнись, — проворчал Рик.

На открытое пространство вышел Варго. Его лицо излучало благость и спокойствие — точь-в-точь дама-воспитательница в ореоле снежно-белых кудрей.

— Вылезайте оттуда, мальчики! — обратился он к шахтерам, но ответа не услышал.

Варго огляделся по сторонам, как собака, которая ищет хозяина. Между тем начальство уже подоспело: огромными шагами, слегка прихрамывая, к месту действия летел Джаффа Шторм, за ним торопился глава Компании.

Фаллон еще издали приветственно помахал солдатам и крикнул:

— Специально для вас представление, парни!

Он встал поодаль и аккуратно, чтобы не запачкаться, оперся о стену туннеля рукой.

— Прибавляйте мощность по единице каждую секунду, — негромко сказал Шторм венерианцу у турели электронного разрядника. Солдат ухмыльнулся и тронул рычажок.

— Считаю до десяти! — громко, чтобы слышали залегшие за вагонетками, произнес Джаффа.

Все замерло в холодном резком свете дуговых фонарей. Рик выглянул из-за колеса вагонетки, слегка звякнув цепями, и поднял «Микки» дрожащей, непослушной рукой. Однако стрелять он не стал. Парализующий пистолет имел дальность боя меньшую, чем расстояние, на которое человек может бросить камень; солдаты не хотели попасть под град каменных осколков, а потому находились вне зоны действия «Микки».

Рик смотрел, как рычажок силы шок-луча пе-

редвинулся вперед. По ободу колеса заплясали маленькие синие огоньки, и тело само задергалось в ритме их танца. Каждый нерв извивался в сверкающей голубыми искрами агонии…

Джаффа начал считать. Голос его, кувыркаясь эхом в каменном туннеле, звучал безлично, будто говорящие часы. При цифре «пять» один из бунтовщиков завизжал, не вытерпев боли:

— Я выхожу!!! Выхожу!

Джаффа остановил счет и простер руку ладонью вниз, приказывая солдату держать эту мощность. В полном молчании шахтер на четвереньках полз через камни, за ним по стене, угольно-черная, двигалась его угловатая тень. Звенели кандалы, волочась по земле.

За первым сдавшимся последовали еще шестеро. Рик со злостью смотрел, как уходят товарищи. Он попытался поднять пистолет, но рука была, как старческая, онемелая и немощная.

Шторм велел продолжать. Трижды он останавливал экзекуцию, и измочаленные люди в цепях ползли к его ногам. На счет «десять» с Риком остался всего один человек из бригады; он лежал немного позади и не шевелился — парень был мертв. Не выдержало сердце.

— Погасить луч, — скомандовал Шторм.

Солдат удивился, однако исполнил приказ. Пронзительный вой аппарата стих, туловище Рика перестало дергаться. Он лежал лицом в землю, дыша как загнанный конь, пот крупными каплями покрывал спину.

— Ну что, парень, — крикнул Джаффа, — готов вернуться?

Рик долго молчал, затем рассмеялся.

— А-а, догадываюсь. Ты считаешь, что я все равно прикончу тебя?

Ответные слова Рика было не разобрать, но смысл их доходил очень ясно. Шторм кивнул — мол, понял вас — и повелительно махнул рукой венерианцу; тот отошел в сторону, и Джаффа сам занял место за рычагами электронного разрядника.

Солдаты, а с ними шахтеры, сейчас такие смирные, рвотно-зеленые от полученной порции шоковой терапии, отодвинулись подальше и прижались к стене. Никто не произносил ни слова, слышалось только надсадное дыхание тех, кому досталось больше всего. Мертвенно-белый свет заливал туннель.

Джаффа Шторм неторопливо закурил. Затем взял коробок со спичками, запихнул его в пачку с оставшимися сигаретами, прикинул вес на руке и

швырнул туда, где лежал «желтоглазый дьявол». Он проделал это без заметного усилия, однако пачка громко стукнулась о стену над Риком. Тот зашевелился и встал на колени. Подобрал сигареты и сел, привалившись спиной к камню, втягивая дым глубоко в легкие. В тишине было слышно, как под потолком гудят осветительные трубки. Рик задрал голову — посмотреть.

Прямо над ним находилось вентиляционное отверстие, закрытое толстой проволочной сеткой. Рик знал: проникнуть туда нет никакой возможности. С самого начала, попав в шахту, он испробовал все пути выбраться — безрезультатно. Главный рубильник освещения располагался у самого выхода из туннеля; были еще выключатели по стенам, они управляли отдельными секциями трубок, но и до них не добежать.

Рик находился почти на перегибе, откуда туннель начинал наклонно уходить под землю, однако заканчивался он тупиком; боковые ответвления отсутствовали, не было и никаких люков. Из-за своих плавных поворотов практически весь туннель насквозь простреливался лучом.

Почти прямо перед собой Рик увидел в противоположной стенке чернеющее отверстие

заброшенной боковой галереи. Скорее всего, она вела в «слепой мешок», хотя могла открываться в один из бесчисленных лабиринтов, что нарыли под землей доисторические гигантские червяки, чьи норы окаменели после того, как высохли моря. В первом случае Рика ждала смерть быстрая, во втором — медленная. Да и проскочить в эту галерею было примерно так же легко, как допрыгнуть до луны…

Джаффа Шторм бросил сигарету и растоптал окурок. Затем наклонился к пульту электронного разрядника, нежно тронул рычаги… Жерло машины поднялось вверх. Джаффа дал пробный залп. Теперь луч был сфокусирован в иглу. Аппарат издавал истерически пронзительный вой.

Тонкая струя белого потрескивающего пламени лизнула стену и погасла. Камень задымился и оплавился, став, как стекло.

Один из людей в оковах отвернулся к стене и начал блевать.

Рик скорчился под защитой металлического колеса вагонетки, его желтые глаза светились жестокостью, словно кошачьи. Он расслабил мышцы и застыл в неподвижности.

Джаффа Шторм аккуратно наводил дуло шокера; темное лицо гиганта не выражало ни

удовлетворения, ни интереса. Он направил луч на диск колеса, за которым укрывался Рик, и зафиксировал наводку.

Близкий разряд обжег Рика. Колесо стало горячим, по нему заплясали светлячки. Пот выступал у Рика на лице и тут же высыхал, кожа покраснела. Нестерпимо болели глаза. Рик попытался быстро перескочить к другому колесу, но вспышка над головой заставила его броситься на землю. Он откатывался из-под огня в поисках другого укрытия, однако луч был быстрее. Пришлось вернуться за колесо. Луч нашарил диск и снова замер.

Рик взглядом измерил расстояние до входа в боковую галерею, тихо хмыкнул и собрался.

В этот момент из-за спин солдат и Фаллона донесся женский крик:

— Прекратите!

В туннеле эхом раздались торопливые шаги, голоса смешались в возбужденный галдеж. Синие огоньки перестали скакать по ободу колеса, жар спал. Рик осторожно высунулся из-за вагонетки и увидел девушку.

Она была прехорошенькая, под уродским снецбалахоном легко угадывалась точеная фигурка. Красотка поспешно шла к Джаффе Шторму, кудри

подпрыгивали вокруг лица в такт шагам, карие глаза сверкали. Разъяренная, как тигрица, девушка явно собиралась задать всем перцу.

— Прекратите! — кричала она. — Сейчас же прекратите!

Вслед за девушкой подошел Фаллон и встал немного позади с удрученной миной.

— Я прекратил, — мягко произнес Джаффа.

— Мало того, что вы отнимаете у этих людей свободу, заковываете в цепи и превращаете в рабов! Вы еще и убить их готовы!

Джаффа Шторм лениво встал, легонько подтолкнув венерианца, чтобы тот занял свое место у электронного разрядника, и произнес:

— Неужели я делаю такие ужасные вещи, мисс?

— Перестаньте дурачиться! Вам известно, что я говорю правду.

— С чего вы взяли?

— Все знают!

— Да, все знают… Действительно все. — Джаффа молниеносно выбросил вперед руку, ухватил девушку за ворот балахона и подтянул к себе. — А может, вы хотите заставить меня подтвердить это, и чтобы услышал кто-то еще? — тоном теплого дружеского участия спросил Шторм, свободной

рукой деловито ощупывая карманы девушки. Та сопротивлялась и била его левой рукой. Джаффа понимающе усмехнулся, поймал девушку за другую руку и сжал запястье; раздался металлический звук.

— Да. Я так и думал. — Джаффа Шторм задрал рукав ее комбинезона, сдернул браслет и раздавил каблуком.

Фалл он тихо присвистнул:

— Пожалуй, лучше отвести ее в офис.

Шторм кивнул. Его черные глаза потеплели. Девушка перестала трепыхаться у него в руках. Воротник ее темно-зеленого комбинезона оторвался, и стала видна нежная кожа шеи.

— Какой вы сильный, — прошептала девушка. Она дрожала, миленькая головка ее склонилась Джаффе на грудь, глаза были закрыты. — Похоже, я влипла…

— М-мм…

— Вы меня убьете?

— Это будет зависеть… м-мм… от обстоятельств.

Девушка распахнула ресницы:

— Знаете, я пока не хочу умирать.

Джаффа засмеялся, развернул ее лицом к себе, так, чтобы смотреть девушке в глаза:

— Не слишком ли быстро работаешь, крошка?

— В таких обстоятельствах время не играет роли.

— Ой, врешь, милая девочка. Такая хорошенькая, прелестная лгунья.

Девушка ничего не отвечала. Губы ее были розовые и нежные.

— Я читаю все твои мысли, — сказал Джаффа.

— Вы, должно быть, очень проницательный человек, — проворковала она. — Я сама в своих мыслях путаюсь.

Шторм снова засмеялся мягким смехом, наклонился и поцеловал девушку, поняв, что сейчас самое время.

Поцелуй длился долго, до тех самых пор, пока красавица, все еще прижимаясь к его губам своими, не провела удар коленом снизу — жестко, с убийственной точностью.

Рик восторженно заорал. Джаффа Шторм согнулся пополам с искаженным лицом, окаменевшим от боли. Девушка ударила его ногой еще раз, теперь под коленную чашечку, и вырвалась.

— Я разобралась со своими мозгами! — крикнула она на бегу.

Солдаты заходились хриплым лающим смехом, наблюдая, как тошнит Джаффу, зажавшего

руками больное место; им вторили шахтеры. Фаллон сделал попытку поймать девушку, но та увернулась. В конце туннеля показался кто-то из охранников. Выход был заперт…

— Выключи свет! — закричал Рик из-за вагонетки.

Девушка на бегу бросила взгляд на Рика, затем на рубильник — в этом месте охранника не было.

— Не стрелять! — приказал Фаллон. — Она нужна мне живой! — И побежал за девушкой в сопровождении шестерых венерианцев — «болотников».

Фигура в темно-зеленом комбинезоне неслась быстрее метеора.

Джаффа наконец ожил. Он еще не мог распрямиться, но держался на ногах гораздо тверже, чем Рик мог ожидать, судя по собственному опыту. Лицо Шторма не выражало ни злобы, ни боли. Ударом кулака великан вышиб солдата с сиденья машины и схватился за рычаги управления огнем, даже не взглянув на свалившегося без чувств бедолагу. Луч прошил пространство между двумя венерианцами, слегка поджарив им бока, и ударил о стену в метре слева от девчонки — та не дрогнула, продолжала мчаться к рубильнику.

— Прекратить! — заорал Фаллон. — Я буду ее допрашивать!

Шторм выстрелил снова. Венерианцы разлетелись в стороны с пути луча. Девчонка упала на землю и покатилась. Луч едва не задел ее, еще бы чуть-чуть, и…

Рик вскочил на ноги и бросился через рудный конвейер. Он крикнул, чем слегка отвлек внимание Джаффы, а затем, не сбавляя шага, швырнул в Шторма тем, что оказалось под рукой, — крупным зазубренным куском руды. Прямым попаданием в ухо Джаффу выкорчевало с сиденья шокера, и он повалился рядом с венерианцем, поверженным им же самим минуту назад.

Свет в туннеле погас.

Оставшийся без управления электронный разрядник сверлил тьму мистическими сполохами призрачно-голубого свечения. Рик быстро сориентировался в темноте. Тело Джаффы Шторма еще не коснулось земли, а Рик уже со всех ног рванул в сторону выхода; в голубом мерцании он различил тень девушки, мчащейся навстречу. Вокруг все суетились и кричали наперебой, как во время предпраздничной неразберихи.

Никто не преследовал беглецов — каждый опасался попасть под луч бестолково ворочающего

смертоносным рылом неуправляемого орудия. Слышно было, как о стену ударяют камни и идет драка. Кто-то, оседлав электронный разрядник, с криком «Берегись!» начал поливать огнем во все стороны.

Рик и девушка с разбега налетели друг на друга и упали на пол. Пламенная игла с потрескиванием прошла над их головами, но, прежде чем луч вернулся, они нырнули в плотную тьму бокового ответвления.

Галерея делала поворот. Не разглядев его в темноте, беглецы врезались в стену и, обдирая кожу, завалились за угол; и сразу вслед за этим проход, по которому они только что бежали, со злобным визгом пронзила струя синего огня.

— Вставай живее! — поторопил Рик девушку.

Они двигались вслепую так быстро, как не осмелится ни один человек в здравом уме, ударяясь о каменные стены, налетая на кучи мусора, сталкиваясь друг с другом… Трижды Рик думал, что галерея закончилась, но каждый раз нащупывал руками угол, и они торопились дальше. Вдруг, совсем неожиданно, дно забоя изменилось — стало не плоским, а круглым, как в трубе, и неровным. Завалы мусора пропали. Стены тоже стали округлыми и странно гладкими при при-

косновении.

Через некоторое время беглецы замедлили скорость, а затем и вовсе остановились. Тишина давила на уши и была такой же полной, как и темнота; тяжелое прерывистое дыхание казалось здесь святотатством наподобие болтовни в усыпальнице.

Инстинктивно парень и девушка придвинулись ближе друг к другу.

— Они не пошли за нами, — прошептала девушка.

— А зачем? Натравят чернецов, вот и все.

Тишина. Только гул крови в голове.

— Это нора одного из тех червей, что ползали миллион лет назад? Мне приходилось слышать…

— Ты не ошиблась.

— Отсюда есть выход?

— Не знаю. Иногда ход червя попадает в шахту, а иногда упирается в скалу. Бывает, что крыша туннеля идет очень близко к поверхности, и земля в этом месте трескается и проваливается. А как обстоит дело с нашим туннелем — понятия не имею.

— Не слишком хорошие шансы, да? — Девушка произнесла это без особого страха.

— Ага. Я бы на нас не ставил.

Они помолчали. В тишине смешивались два стремления выжить, жар разгоряченных тел.

— Как тебя зовут? — спросил Рик.

— Майо Макколл. А тебя?

— Ричард Гунн Уркхарт. Но короче — Рик.

— Здравствуй, Рик.

— Здравствуй, Майо. — Он потрепал ее по плечу. — А ты смелая, крошка. Ха, ловко ты лишила наследства этого здорового гада!

— Да и ты неплохо прочистил ему мозги.

— Чувствую, что не насмерть. Жаль. А вообще… нет, надо бы еще разок с ним встретиться при других обстоятельствах.

— А с Фаллоном?

— И с ним, и со всей его вонючей Компанией. — Голос Рика стал свирепым. — Вышибить их отсюда к…

Майо прошептала:

— Может быть, Рик, ты осуществишь это, если все пойдет как надо.

— Что ты имеешь в виду? Ну-ка, объясни.

— Вот останемся в живых, тогда расскажу. А сейчас пора идти. Только в какую сторону?

— За которую руку я тебя держу? Она слегка пошевелила ладонью:

— За левую.

— Вот туда и двинемся. И, девочка, молись, чтоб тебе повезло!

Глава 4

Меж разрушенных стен со вздохами носился в сумерках ветер. Фобос низко висел над далекими западными пустынями, отражая последние вялые отблески солнца, зашедшего за горизонт. Рух настороженно и безмолвно затаился, замкнувшись на все запоры и закрыв ставни. В городе никто не спал.

С наступлением темноты на улицах началось тайное движение. Через секретные ворота в городской стене просачивались блеклые тени в неброских одеждах и направлялись к холмам Царского Замка, где исчезали.

Сбрасывая темные накидки перед входом в Тронную залу, городские нищие преображались в воинов. Этих воинов — разных возрастов и цветов кожи, великанов и пигмеев, в мундирах разных городов-государств — объединяла общая черта: взгляд волка, загнанного в клетку.

Прибывшие разместились вокруг стола из кроваво-красного дерева, поверхность которого была отполирована локтями поколений военачальников. Мальчик-царь Харал сидел на своем троне,

напряженный, словно тетива боевого лука; по правую руку его, как всегда, стоял Бейдах. Стальным отсветом сверкали его очи.

Среди блеска эполетов и амуниции в зале шмыгала серенькая неприметная фигурка, сутулая, но проворная, с изумрудно-зелеными раскосыми глазами. Карлик Ллоу переходил от человека к человеку, спрашивая шепотом одно и то же, и среди его слов звучало имя: Рик.

А наверху, в полуразвалившейся башне под названием Башня судьбы, ближе к звездам, провидец Паррас склонил моложавое лицо над магическим сосудом, посылая свой разум через высохшие моря, через песчаные пустыни и тысячелетние холмы, и разум его прикасался к умам других и задавал все тот же вопрос: «Рик?..»

И оба они — зеленоглазый карлик и провидец — получали один ответ. И ответ был: «Пока нет».

«Ждите, — говорил Паррас. — Следите в оба. Долг крови должен быть оплачен. Грянет буря!»

А в это время в подземной галерее Рик коснулся рукой плеча Майо и шепнул:

— Стой! Кажется, я что-то слышу…

Беглецы замерли. Звук становился все более отчетливым. Он шел сзади и был похож на шум, создаваемый большой группой торопящихся

вдогонку живых существ.

— Что будем делать? — спросила Майо.

— Двигаться вперед, что же еще… У нас лишь один маленький «Микки», с его помощью чернецов не остановишь. Устала?

— Нет, я в полном порядке. А что произойдет, если нас поймают?

— Вот поймают, тогда и будешь спрашивать.

Беглецы тронулись дальше. Идти было легко — пол гладкий, повороты плавные. Рик догадывался, что они давным-давно покинули первую нору червя и прошли уже Бог знает сколько перекрестков. До каких пор придется еще бродить — об этом оба не имели понятия; была лишь одна четко оформленная мысль: только бы странствие не оказалось слишком долгим. Рик и Майо просто шагали в темноте, потому что ничего другого не оставалось.

Черные антропоиды шли на запах. С каждой минутой они подходили ближе и ближе. Рик чуть отстал, пропустив девушку вперед.

Неожиданно Майо издала сдавленный крик и упала. Послышался сухой хруст. Рик хотел остановиться, споткнулся и тоже упал.

Поверхность под ним оказалась странно гладкой и в то же время какой-то зазубренной, словно

состояла из сегментов. Впереди необычная поверхность плавно уходила вверх, одновременно расширяясь в стороны.

Снизу раздался голос Майо.

— Туннель кончился, — задыхаясь, сообщила она. — Рик, туннель заблокирован!

— Ладно. Давай лезь сюда. — Рик подтянул девушку наверх и пополз вперед по гребню. Наконец голова его коснулась потолка. Весь туннель действительно был наглухо заблокирован странным препятствием.

Рик с шумом выпустил воздух из груди и лег, пытаясь расслабиться и слушая стук собственного сердца Оно гремело на весь туннель; холодный пот выступил на коже. Рядом с Риком на узком гребне, прерывисто дыша, залегла Майо.

Снова послышались звуки; они становились все отчетливее. Рик, подождав немного, отодвинулся по гребню назад и сел с «Микки» в руке, повернувшись в сторону преследователей. Тело было тяжелое, как свинец. Он протянул правую руку, насколько позволяла длина цепи, и отыскал тонкие пальчики Майо. Та сжала его руку своей, холодной, как лед. Они сидели и прислушивались к торопливым крадущимся шагам.

Вдруг Майо спросила:

— А что это, Рик?

— Откуда я знаю? — Он провел костяшками пальцев по зазубринам — таким же, как на полу, где только что растянулся, и воскликнул: — Нет, знаю! Это же тот самый парень, который и сделал здешнюю шахту. Старый Выползень, собственной персоной. Рыл-рыл, да и помер. А потом окаменел.

Рик невесело рассмеялся и постучал стволом «Микки» по шкуре доисторического чудовища. Звук получился глухой, как от пустой бочки. Рик ударил сильнее и вдруг вспомнил про хруст, раздавшийся при падении Майо. Он встал на колени, соединил кулаки вместе и ударил что было сил. От сотрясения они оба чуть не свалились со своего уступа.

— Ах ты, черт побери! — прошептал Рик. — Сюда бы кирку или кувалду! — И снова рассмеялся, затем придвинул кольца наручников как мог близко к кулакам, обмотал вокруг цепь и начал работать.

Шкура червяка уже дала трещину, когда стаей набежали антропоиды и начали карабкаться наверх. Майо взяла в руки пистолет, приготовившись стрелять, а Рик продолжал молотить окаменелую кожу. Они забились в такую узкую

щель между стенкой туннеля и туловищем чудовища, что чернецы могли подобраться к беглецам только спереди, и не все сразу.

Майо хорошо управлялась с «Микки». Лидеры погони, впав в летаргию, полетели с крупа червя вниз, увлекая на пол второй эшелон. Схватка шла вслепую. Резко пахло животными. Из звуков были лишь топот ног да шорох движущихся тел. Хорошо выдрессированные ищейки работали молча. Рик заглушал все шумы грохотом ударов.

— «Микки» выдохся, — сообщила Майо. — Кончился заряд!

— Перебирайся сюда! Я проделал дыру!

Майо нашла отверстие.

— Сможешь расширить дальше?

— Попробую.

Рик услышал, как девушка изо всех сил замолотила по каменной оболочке. Куски отваливались и падали внутрь.

Лапа чернеца ухватила Рика за ногу и потащила вниз. Он вывернулся. Руки больше не существовали — сплошная кровоточащая плоть вперемешку с металлом. Он ударил перед собой этой кровавой массой и впервые за все время услышал болезненный визг.

— Опять лезут! — крикнула Майо.

Тьма кишела мохнатыми телами. Каждый раз, когда Рик размахивался, он в кого-то попадал; кулаки покрылись нутряной слизью чернецов. Появился новый запах — теплый, сырой и сладковатый.

Нет, их слишком много… Тяжесть тел тянула Рика вниз. Он размахивал цепями, пока мог напрягать руки, потом стал лягаться. Размозженные твари летели вниз, но на их месте тут же возникали новые. В какой-то момент они цепко обхватили Рика за ноги. Тот, извиваясь, пытался освободиться. Некоторые из лап дрожали, хватка их была не столь крепка. На мгновение он почти вырвался, сделал несколько сильных ударов, и снова его потащили вниз…

С изрядного расстояния послышался голос Майо:

— Рик! Рик, давай сюда!

Он пытался, но ничего не выходило… И вдруг будто налетевший вихрь сбросил пыхтящую груду тел, и несколько лап отцепилось. Майо с визгом потянула Рика к себе.

Нечеловеческим напряжением — откуда только взялись силы! — он высвободился. Девушка наполовину скрылась в проделанной дыре и тащила Рика за ногу вслед за собой. За ним, упи-

раясь свободными конечностями, волочился намертво прицепившийся антропоид. Рик оглушил его своими железяками и нырнул внутрь окаменелости. Двое чернецов полезли в отверстие одновременно и застряли, беспомощно барахтаясь.

Майо помогла Рику встать на ноги, и беглецы, пошатываясь, исчезли в глубине червя.

Там было по колено мусора — потроха мумии усохли и отвалились, а затем превратились в прах, в то время как шкура затвердела. В облаках поднявшейся пыли антропоиды теряли нюх и двигались значительно медленнее. Рик и Майо полубессознательно брели вперед, движимые единственно инстинктом сохранения жизни…

До Рика смутно дошло, что случилось что-то новое.

— Обвал, — просипел он. — Такие вибрации бывают, когда рушится кровля галереи!

Это было ужасно — темнота, удушливая пыль, со всех сторон хруст потерявшей прочность породы… Оболочка червя неразделимо срослась с затвердевшим илом, и, по-видимому, все это обваливалось огромными кусками. При разработке рудной жилы шахтеры всегда опасаются подобных предательских глиняных прослоек, тем

более если рядом нет прочной скальной опоры.

Сзади послышался жалобный визг придавленных человекоподобных.

— Когда мы достигнем головы червя, — неожиданно произнесла Майо, — уходить будет некуда. Начнется сплошной камень.

Вдруг наверху с треском пробежала трещина, и оторвавшаяся глыба поранила Рику плечо; он поспешил вперед, увлекая за собой девушку. Пыль, осевшая в легких, превратилась в каменную корку, молодые люди задыхались.

Раздался сокрушительный грохот; он наползал лавиной все ближе и не прекращался.

Проход сузился, пришлось опуститься на четвереньки. Пыль стала совсем густой. Майо хрипло простонала. Впереди тупик…

Хью Сент-Джон стоял на балконе своих апартаментов, занимавших верхний этаж самого высокого здания Кахоры — города, служившего торговым центром Марса. Выразительное лицо Сент-Джона выглядело изможденным и угрюмым. Он нервно курил тонкую импортную сигарету, присланную с Венеры.

Кахора располагалась на планете точнехонько на противоположной стороне от Руха и Компании Фаллона; когда над Рухом светило солнце,

то здесь, как сейчас, в разгаре была ночь. Деймос низко висел в пурпурно-черном небе над гласситовым куполом, защищающим город и его многоязычное население от не слишком ласковой марсианской погоды.

Далеко внизу цепочками огней разбегались улицы. Мистер Сент-Джон прислушивался к пульсу города — слабому, медленному, словно вялое существование организма поддерживалось размеренно работающим оборудованием. Люди здесь занимались не живой работой, а стерильно-бесплодной перетасовкой вещей и продуктов, уже где-то изготовленных. Цифры прироста вписывали в бухгалтерские книги прилизанные люди, проводящие свое свободное время во Дворце Грез или в экзотических ночных клубах. Даже воздух в городе был ненастоящий, тщательно очищенный, ароматизированный и в нужной степени прогретый.

То ли дело — Виа, торговый центр Венеры… Там жизнь идет совсем по-другому, бьет ключом, Сент-Джон видел это собственными глазами. Венера — планета юная, крепкая и энергичная; купол, возведенный над Виа, не мог полностью изолировать жителей от свирепого напора дождя и избавить от ощущения жарких джунглей. И

люди там под стать планете — они горели своим делом, являлись сердцем и мозгом коммерции в яростном, агрессивном мире. Даже враждебность туземного населения была на Венере полнокровной, а не вялой, как сморщенный гриб…

Здесь же все выглядело каким-то дряблым, пассивным, притушеванным и истощенным. Ненависть марсиан к непрошеным гостям с Земли затаенно вызревала во мраке отчуждения. Да и поток торгового бизнеса сочился по деловым артериям Кахоры подобно холодной крови старика, на три четверти умершего.

Уголки рта Сент-Джона горько опустились. Единственным активно действующим существом на Марсе казался Эд Фаллон вместе со своим вторым «я» — Компанией. Смертельно опасный хищник, голодный, ядовитый, ни от кого не зависящий и несущий гибель остальным обитателям.

В дверь постучал робот-слуга, сообщив о визите, которого мистер Хью как раз ждал.

— Мак! — воскликнул Сент-Джон, не успел гость появиться на пороге. — Ну, удалось найти что-нибудь?

Эран Мак отрицательно покачал головой. Марсианин выглядел именно так, как подобало

выглядеть уроженцу Нижних Каналов, что по пути к Джеккаре: слегка окультуренным бандитом. Его соотечественники заслужили пресловутую известность, пожалуй, со времен, когда на Марсе еще ключом била жизнь. Небольшого роста, Эран Мак имел сложение крепкое и жилистое; на темном с мелкими чертами лице с подвижными, будто две капли жидкого золота, глазами постоянно держалась открытая дружеская улыбка. В левом ухе висела гроздь маленьких бубенчиков, что вместе с одеждой — белой туникой служащего Кахоры — придавало ему несколько сатанинский вид.

— Боюсь, надежды мало, — негромко произнес Мак. — Я наконец связался с Христи. С тех пор как стало известно про Майо, он ходит зеленый от страха. А известно следующее. Майо и тот парень, Рик, скрылись в заброшенном штреке, но вот что произошло потом… Христи говорит, за ними послали черную обезьянью свору, но почти никто из ищеек не вернулся, а немногие пришедшие обратно изуродованы. Похоже, там случился обвал. Так что, думаю, эти двое отправились в лучший мир… — Мак развел руками, скорбно подняв покатые плечи.

Сент-Джон отвернул печальное лицо.

— Ты любил ее, Хью? — Эран Мак на правах лучшего друга мог задавать подобные вопросы.

— Не знаю… Если бы любил по-настоящему, наверное, не послал бы Майо на такое дело. Однако когда ее схватили… когда передатчик неожиданно смолк, у меня сердце заледенело. — Сент-Джон вздрогнул, будто вдруг стало холодно. — Слушай, если Майо мертва… Получается, это я ее убил!..

— Она знала, на что идет, — неуклюже пытался утешить друга Эран Мак.

Плечи Сент-Джона снова дрогнули, он уселся и спрятал лицо в ладонях. Его собеседник пересек балкон и сел рядом; колокольчики в ухе при каждом движении тихонько звенели. Некоторое время Мак молча курил, затем брови его нахмурились.

— Теперь Фал л он начнет подозревать всех подряд.

Сент-Джон испустил протяжный вздох:

— Это верно… Но я все равно буду тормозить его колымагу, пока остаются силы и возможности. Кстати, последний чек Фаллона я уже обналичил. — Он резко поднялся. — Не представляю, как бы мы вели работу без его крысиных денег!

— Наши труды могут обернуться ничем. Назревает буря, Хью. То, что произошло, — первое

дуновение бушующего урагана. Нынче вроде бы все кажется тихо, но небольшие порывы тут и там предупреждают о приближающемся торнадо, который снесет и меня, и тебя, и Фаллона прочь с лица планеты…

— …и мир лишится последнего шанса на выживание. Это провал, Мак. Мой план был дурацкой выдумкой с самого начала… — Сент-Джон стиснул перила, глядя на мерцающие городские огоньки внизу. — Ты не представляешь, Мак, сколько мы можем дать людям, живущим здесь, только бы они допустили нас до себя! Силы, новые идеи, новые пути для продвижения вперед!.. Увы, они не хотят. Они запирают двери перед нашим носом, а Правительство не выдворяет нас лишь потому, что опасается открытого противостояния с Землей и Венерой.

Хью, постепенно разгораясь от собственного красноречия, с нажимом продолжал:

— И лишь Компания проникла везде! Фаллон намерен через несколько лет целиком прибрать к рукам Марс, и все из-за этой проклятой руды… Он щедро трясет мошной перед Планетарным правительством, и по сравнению со звоном его монет призывы других людей звучат не громче грошовой свистульки на фоне пароходного гудка.

В общем, Марсу не жить, какой бы путь ни был выбран!

Сент-Джон сильно стукнул кулаком по перилам и зашагал туда и сюда.

— Когда Майо попалась, не успев рассказать людям о тех злодеяниях, что творят Фаллон и его подручные, я потерял единственную возможность избавить планету от выскочки. Будь у меня доказательства, я бы обратился в Межпланетный координационный комитет, началось бы расследование, а потом… Нет, все пропало! — В расстройстве Сент-Джон снова сел.

Эран Мак длинным ногтем мизинца потеребил колокольчики у себя в ухе.

— Знаешь, что я думаю? — сказал он. — Мне кажется, задача требует человека покрупнее, чем ты или я. Тут нужен гигант — объединить планету, собрать вместе ее разобщенные осколки, от Джеккары до Полюса, всех людей, которые сидят порознь в замкнутых скорлупках-городах, засыпанных пылью веков, лелея свои воспоминания. Появится у нас такой Голиаф — тогда, может быть, возникнет шанс для Марса выздороветь.

— Это так же невозможно, как заставить молчать твои болтливые колокольчики.

Сент-Джон откинулся на спинку кресла и за-

крыл глаза. Он выглядел неописуемо огорченным и уставшим.

— А кроме того, — со слабой усмешкой добавил Сент-Джон, — даже если мы найдем Голиафа, кто-нибудь обязательно разыщет Давида.

Глава 5

...Был свежий воздух, и была боль. Еще была темнота, пронизанная зеленоватым свечением...

Рик пошевелился. Затем он долго стоял на четвереньках, кашляя пылью. В метре от него чернела едва различимая во тьме масса обвалившегося грунта. Рик напряг зрение и заметил пятно света, который просачивался через иззубренную щель откуда-то сверху.

В этом слабом свете Рик увидел лицо Майо, белое как полотно. Он потрогал ее горло — теплое. Пульс бился! Это открытие сделало Рика счастливым. Он позвал девушку. Майо тихо застонала и смолкла.

Рик подполз к щели и начал расчищать проход. Глинистая масса пахла тленом. Сотрясение, вызванное обвалом, сделало ее подвижной; Рик раскачивал глыбу, и та оседала, пока щель не стала достаточно широкой, чтобы пролезть в нее.

Удивительно, почему передний конец мумии червя не сплющило обвалом. Света луны хватало, чтобы разглядеть, насколько недалеки от гибели были они с Майо.

Рик, почти касаясь носом, рассматривал стены и потолок спасительного блиндажа и вдруг понял. Голова червяка была составлена из костных пластин, примерно так же, как устроен череп, и даже сейчас сохраняла прочность гранитного свода.

Рик постучал по окаменелой кости, прощаясь с ископаемым червем, благодарно улыбнулся и выполз на свободу, волоча за собой бесчувственную девушку.

Он оказался на склоне высокого полуразрушившегося утеса, бывшего когда-то подводной горой. Червь решил умереть, когда до поверхности дна моря оставалось не более полуметра. Теперь вместо волн здесь разгуливал ветер, частокол теней лежал на скалах, освещенных неверными ночными лучами, и чувствовался холодный сухой запах мертвой земли.

К подножию утеса вел пологий спуск, поросший серо-зеленым лишайником, а дальше шла пустыня, которая простиралась, покуда хватало взгляда. Гонимые ветром, волны песка перекатывались в лунном свете, будто морские.

За пустыней, далеко на горизонте, виднелся город. Город стоял посреди моря, подняв к небу необычной формы мраморные башни, словно

руки взывающего к Богу. Город этот был и одновременно не был, он мерцал, как мираж, в воздухе, где клубились мириады тонн пыли…

Призрачный город являлся единственным намеком на присутствие тут жизни. Рик встал на негнущиеся ноги. Все тело ломило, но он хотя бы мог заставить мышцы работать, и это уже было хорошо. Он спускался с холма, то сползая, то падая, и тащил за собой безжизненное тело спутницы. Громко звенели кандалы, ударяясь о камни.

Потом Рик поднял девушку на руки. Шея Майо под луной казалась белее пены; густые каштановые волосы прикасались к его коже. Оба беглеца были полураздеты, в пыли, перемешанной с запекшейся кровью.

Рик двинулся через пески, упрямо переставляя не желающие идти ноги. Цепи болтались и звенели в тишине, как надтреснутый коровий колокольчик.

Он подошел уже близко к городу, когда увидел маленьких крылатых людей, и вспомнил рассказы о них. Так же, как чернецы, крылатые люди были забредшей в тупик ужасно древней расой, могущественной в прошлые века, а ныне почти вымершей. Их оставалось лишь несколько

десятков, от силы сотен, цеплявшихся за жизнь во всеми забытых городках, затерянных в бескрайнем море песка, — в городах, имевших в незапамятные времена статус островных королевств.

В сиянии двойной луны было видно, как крылатые люди слетают с белых башен города. Они будто излучали свет, и это было неописуемо красиво: крылья искрились, словно туманные опалы. Стайка летучих людей сопровождала Рика, паря в воздухе подобно огромным цветочным лепесткам, совершенно беззвучно; слабо фосфоресцировали в темноте их огромные глаза.

Из тумана соткалась мраморная стена, преградив путь. Рик остановился, бережно уложил Майо на землю и огляделся вокруг, не зная, что делать дальше. Призрачные создания приземлялись на зыбкий песок; теперь он мог разглядеть их вблизи.

Чрезвычайно похожие на людей, они были миниатюрны, ростом не выше полутора метров и полны грации в движениях. И мужчины, и женщины из одежды носили только короткую юбку-кильт, а не мерзли потому, что тела их покрывал тонкий белый шелковистый пух, наподобие гагачьего.

Один из летучих людей опустился совсем неподалеку. На его приятном лице не было написано ни дружелюбия, ни враждебности.

— Ты — Рик, — произнес человек звонким ясным голосом, а затем выхватил из-за пояса небольшую трубку и навел ее на перепачканного пылью окровавленного беглеца в кандалах.

Дальнейшего Рик не помнил. В мозгу почему-то запечатлелся не человек с трубкой-пистолетом, а худенькая женщина, парящая, подобно валькирии, в зеленоватом свете луны. Она глядела сверху на Рика громадными неподвижными очами…

Эти глаза Рик запомнил навсегда.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит на груде мехов, покрытой неким подобием шелковой простыни. Рик чувствовал себя отдохнувшим, боль ушла, лишь руки и ноги немного гудели. Кандалы никто с него не снял.

Рядом сидела маленькая женщина; ее пуховая шубка золотилась на солнце, лучи которого падали через высокое арочное окно. Взглянув еще раз, Рик понял, что это совсем молоденькая девушка, прелестная той красотой расцветания, присущей всем, кто стоит на пороге между детством и юностью. Девушка прижимала маленькую теплую

ладонь к груди Рика.

— Я искала в тебе жизнь, — сообщила она, — и обнаружила, что ты необычайно живой.

Рик засмеялся и сел:

— Как тебя зовут?

— Мое имя Кира.

Он взял ее миниатюрную, будто кукольную, ладошку в свою шершавую непослушную лапищу и услышал, как кто-то рядом завозился и зевнул.

— Твоя супруга воспрянула ото сна, — произнесла Кира. Разговаривала она на древнем наречии, и Рику порой было нелегко понять ее слова.

— Супруга? — Он покачал головой: — Нет, это просто отличная девчонка; мы с ней чуть было не погибли.

Рик встал. Майо восседала на такой же, как постель Рика, груде мехов и ярких тканей.

— Привет. Скажи, ради Бога, где мы и как сюда попали? — Говоря это, она разглядывала крылатую девушку.

Рик рассказал все, что помнил.

— Наш город называется Кара-Эбра, — пояснила Кира. — Мой народ живет здесь со дней сотворения. В те времена он был очень многочислен.

Рик осмотрелся. Широкая терраса, служившая местом действия, была выложена цветным

камнем, названия которого Рик не знал. Причудливо бесконечный узор на полу, если долго его разглядывать, создавал странное ощущение. Потолочные своды имели отделку из мрамора с прожилками. Солнечный свет шел через единственное во всем помещении огромное окно и падал на барельефы, вылепленные очень живо, которые изображали мужчин и женщин, похожих на Киру, только крупнее, как Рик и Майо. Там были деревья, цветы, птицы и звери, а в одном месте — море и корабли.

Рик обратил внимание на низкие резные перила с лестницей посреди помещения. Ступени, величественно спускавшиеся в синеватую тень, были так широки, что по ним могла развернутым строем маршировать армия.

И вдруг — песок… Он заполнял обширное помещение внизу; здесь стояли скульптуры, утонувшие в песке по пояс. Там и сям беспомощно тянула руку или, словно в удушье, высовывала голову из желтой крупы статуя, не вышедшая ростом. Песок вползал через окно помещения и заливал ступени.

Отовсюду доносился шелестящий звук, похожий на сонное дыхание исполина; это пустыня терлась своим боком о стены здания.

— Внизу еще много этажей, — сказала Кира. — Мой отец ребенком играл здесь. Тогда песка не было.

Она выглянула в окно, и ветерок вырвал из ее покрова несколько крохотных перышек, разлетевшихся по террасе.

Рик поежился от прохладного дуновения и только сейчас заметил, что и он, и Майо чисто вымыты и умащены какой-то мазью.

Кира поставила перед ними еду, принеся ее со стола у массивной бронзовой двери.

— Объясни, что вообще происходит? — спросил Рик с набитым ртом. — Я помню, как один парень из ваших выстрелил в меня из трубки. Откуда ему было известно мое имя?

Кира рассказала, и лицо Рика стало каменным.

— Долг крови, говоришь? Клянусь всеми чертями, если вы собираетесь принести меня в жертву, то очень сильно не правы!

— Люди моего народа вернутся сюда на закате, чтобы препроводить вас обратно в Рух. — Лучистые глаза Киры наполнились слезами. — Там тебя убьют, — прошептала она. — А ты живой, так сильно живой!..

Кира неожиданно схватила Рика за руки и привстала на цыпочки, стараясь дотянуться до него.

— Я слышала, о чем они говорили. Я знаю пророчество. Твоя тень покроет Марс. Они ненавидят и боятся тебя.

Последующие слова Киры утонули в потоке слез.

— Мне кажется, что ты принесешь нам жизнь, а не смерть, — бессвязно бормотала девушка. — В тебе так много жизненной силы, а мы умираем… Не дай им убить себя, Рик!

Он улыбнулся и взъерошил ее мягкие перышки:

— Лучше, чтобы люди твоего народа не слышали этих речей. Они знают, что ты здесь?

— Нет. О, Рик!..

Она взглянула на него снизу вверх. Рик наклонился и поцеловал маленькие трепещущие губы; Кира отпрянула с побледневшим лицом и, расправив крылья, стрелой взмыла в воздух. Мелькнув в солнечном луче, она исчезла из виду.

Рик сел и беспомощно воззрился на Майо.

— Эх! — произнес он. — Ну и дела!.. Что называется, из огня да в полымя!

Майо глядела на него скорее с любопытством, чем встревоженно.

— Постой, я ничего не поняла насчет прорица-

ния. Рик рассказал Майо про старуху-ведунью.

— Я не собирался никого убивать! Но она совсем лишила меня рассудка. А напоследок вообще пырнула ножом. — И он задрал голову, показывая рубец на горле.

Майо ничего не ответила. Она сидела и рассматривала Рика таким пристальным и потусторонним взглядом, что тот в конце концов почувствовал себя неуютно.

Не то чтобы взгляд девушки взволновал его. Просто ее волосы горели на солнце так ярко, а кожа так напоминала венерианский туман на рассвете, лучащийся перламутром и предвещающий знойный день… На скулах парня заиграли желваки.

Майо встала, подошла к Рику и, накрыв его руки своими, продолжала изучать взглядом.

— Старуха была права, — наконец произнесла она. — И Кира права. В тебе заключена сила, но она дремлет. Однако главное, что она есть! Ты мало что совершил в своей жизни, не так ли?

— Я просто жил в свое удовольствие, и все тут… Ну и творил всякие вещи… Много чего натворил.

— Но ничего не создал. И не собирался создать. Слушай, Рик, тебе не приходило в голову, что в этом пророчестве что-то есть?

Он засмеялся:

— Считаешь, в мантии супергероя я буду смотреться лучше, чем в наручниках?

— Просто мне кажется, — тихо промолвила Майо, — что такая одежда тебе очень пойдет.

Она так это сказала, что Рик замер. Он даже дышать перестал, а придя в себя, подхватил Майо на руки…

Наконец они отпустили друг друга.

— Рик, нам следует поговорить. Осталось очень мало времени, пора что-то предпринять!

— Нечего предпринимать, кроха. Когда-нибудь позже, может, и появятся варианты, а сейчас, раз мы не умеем махать крылышками, как эта девчоночка, остается просто сидеть и ждать. Во всяком случае, против тебя они ничего не имеют. Ты, как говорится, чиста.

— Даже думать такое стыдно! — Майо передернула плечами. — У меня нет страха за свою жизнь. Я совсем о другом. Там, под землей, ты мечтал вышвырнуть вон Фаллона с его сворой.

Рик кивнул, кошачьи глаза метнули искры.

— А согласен ли ты пойти вместе с нами, с Хью Сент-Джоном? Я тебе точно скажу: наше движение — последняя надежда для планеты. Может, ты именно тот человек, который воплотит идею

единства в реальность Старуха не болтала языком попусту, наподобие истеричной гадалки с магическим кристаллом. Она говорила дело. Учение о веерообразно расходящемся будущем принято даже на Земле. Там оно называется «теорией зондирования».

В возбуждении Майо сильно, до боли, сжала ладонь Рика:

— Поймай за хвост свое будущее! Отлей его в форму, построй его, сделай свое будущее великим, чтобы люди помнили тебя до тех пор, пока у них есть голос, чтобы передавать из уст в уста легенду о Рике Урк-харте!

Рик глядел на Майо во все глаза, ничего не видя. Он взволнованно смотрел куда-то сквозь нее, далеко-далеко… Затем резко поднялся и стал мерить террасу шагами.

— Моя тень… Весь Марс…

Майо медленно откинулась назад, наблюдая за ним, и ее лицо приняло вдруг странное выражение. Девушку кольнул какой-то неопределенный страх.

— А почему бы и нет?.. Клянусь небесами, почему нет? — Рик остановился, обращаясь к Майо не как к собеседнице, а словно разговаривал с неодушевленной точкой пространства. Он весь

пылал; внутренний жар сделал его похожим на разгоряченного ковкой Талоса из древних мифов. — Почему нет? Фаллон, Шторм, Сент-Джон… Почему не я? Ухватить свое будущее — так! Будущее, а вместе с ним — целую планету… Планету, которая ждет, кто возьмет ее. Почему не мне быть этим человеком?

Слова его гулко взлетали под мраморные своды.

— Рик!.. — прошептала Майо.

Он едва ли ее слышал.

— Вам известно, кто такой Ричард Гунн Уркхарт?.. — Рик говорил медленно, с достоинством, а последние слова произнес, будто магическое заклинание. — Никогда раньше я не осознавал себя… Я просто не понимал, зачем живу!

Запрокинув голову, он торжествующе рассмеялся; эхо вторило раскатам его хохота. Майо сидела перед ним посреди мехов и ярких шелковых тканей, неподвижная и молчаливая. Сноп солнечного света бил из окна.

Рик опустился на колени и взял Майо на руки.

— Мы пойдем вдвоем. Ты именно та женщина, какая нужна мне, — сильная, готовая быть рядом, словно отточенное оружие. Вместе, Майо! И я украшу тебя ожерельем, главный камень в

котором — планета Марс!

Он поцеловал девушку.

Но губы Майо не отвечали. На них была холодная горечь, привкус слез.

Рик отпрянул, внезапно остыв.

— Что случилось?

Девушка взглянула на него. Слезы текли по ее щекам, оставляя дорожки, блестевшие в свете угасающего дня. Она не плакала — чувства, бурлившие внутри, были слишком глубоки для рыданий.

— Я люблю тебя, Рик, — выговорила она.

— Конечно. А я — тебя.

— Нет… В тебе нет любви — такой, которую я имею в виду. Половина тебя уже проснулась — та твоя часть, что была подмечена старой марсианкой и напугала ее. Это — сила. Но к ней еще нужна душа.

Глаза Рика сузились:

— О чем ты говоришь?

— Я думала, что ты — такой человек, который всем нам необходим. Сильный, способный вдохнуть новую жизнь в умирающую планету… Но ты даже краешка не понял из того, о чем шла речь. Ты вместо жизни принесешь Марсу смерть… Смерть и разрушение, если останешься в живых.

Рик медленно опустил девушку.

— Что-то не пойму. Ты ведь хотела, чтобы я овладел Марсом, так?

— Я хочу, чтобы ты его спас. Во имя создания новой жизни.

— А я разве сказал, что не буду этого делать?

— Будешь ли?!. — с ударением на последнем слове произнесла Майо.

Рик не выдержал ее взгляда и раздраженно отвернулся:

— Боже правый! Да я еще и поразмыслить-то как следует не успел. Мне нужно время.

— Дашь ли ты возможность Хью Сент-Джону принять участие в возрождении планеты? В этом для него смысл всей жизни.

Рик стремительно обернулся, глядя на девушку с безобразной свирепостью.

— Слушай, Майо! Я никогда не носил ошейник и не дам тебе никаких обещаний. Совершенно неизвестно, как все пойдет, во что выльется. Но, что бы я ни создал, я построю это сам, по собственному замыслу. — Он яростно втянул ноздрями воздух. — До чего же все это по-бабьи! Впервые в жизни человек понял, какие возможности предоставляет ему судьба. После стольких лет существования, когда на меня сыпались тумаки

тех, кто повыше, я увидел дорогу к тому, чтобы стать надо всеми. А тут сразу же начинают вязать руки, — он потряс цепями, — городят заборы на моем пути!

Рик облокотился на перила и замолк, хмуро разглядывая песок внизу. Затем повернулся к Майо:

— Ладно, буду до конца откровенным. Все это совершенно для меня ново, хотя, догадываюсь, мой мозг обдумывал старухино предсказание где-то на задворках сознания. Но я не дам зацепить себя ни Марсу, ни тем, кто его населяет, ни преподобному Хью. Прежде всего я беспокоюсь о Ричарде Гунне Уркхарте — и правильно поступаю, потому что, кроме меня, никто этого не делал и делать не будет. Я желаю осуществить две вещи — уплатить по счетам Шторму и Фаллону, а также посмотреть, что удастся слепить из беспризорной планеты. Слепить, разумеется, для себя.

Майо покивала головой:

— Да. Я поняла.

Он молча изучал ее взглядом.

— Как вспомню все эти драки, в каждой из которой я мог запросто погибнуть!.. — Рик рассмеялся и плюхнулся на груду мехов рядом с Майо. — Слушай, девочка, мы нашли друг друга и отныне навсегда связаны, потому что люди не

могут выйти из такой, как наша, переделки, не сплавившись душами хотя бы отчасти. Однако имеется нечто большее. Мы совсем незнакомы, нельзя ожидать, что нам все друг в друге будет нравиться. Но в каких-то обстоятельствах мы срабатываем как одно целое, вот что важнее всего. Ни с кем раньше я не испытывал этого ощущения — как будто в тебе не хватало какой-то детали, и вот теперь она встала на место.

Рик посмотрел на Майо с комическим изумлением.

— Эй! А знаешь, что ты первое существо, с которым я так долго объясняюсь на словах? Любой другой, будь то мужчина или женщина, уже через пару минут схлопотал бы по морде!

Майо вдруг расхохоталась тем нервным смехом, который обычно переходит в рыдания, и обняла Рика.

— Ты просто мальчишка, — сказала она, — и никогда не станешь взрослым. — Опустив голову, она тихо прошептала: — Может быть, там, в глубине, у тебя есть душа. Может быть, ей нужна любовь, чтобы пробудиться…

Их губы встретились как раз в тот миг, когда тишину сумерек расколол звон открываемых высоких медных дверей.

Глава 6

По усеянному звездами небу, такому близкому, что становилось неприятно, ползли две маленькие злые луны. Резкий ветер сек лицо. Рик неподвижно лежал в гамаке из широких полос ткани и наблюдал, как бьют по воздуху четыре пары крыльев. Справа от него летела Майо в такой же люльке, которую за углы несли воины народа Кара-Эбры.

Внизу медленно проплывал марсианский пейзаж: пески, движущиеся по воле ветра, горные цепи с вершинами, придавленными пятой несчетных тысячелетий, пустые пространства бывших морей. Иногда, напоминая бледно-восковым цветом лицо покойника, из скудных зарослей ползучей растительности возникала мраморная стена, окружающая какой-нибудь город.

Далеко в стороне Рик видел свечение широко разбросанных огней «Земной горнорудной компании».

Крылатые люди начали снижение по плавной дуге, и наконец на фоне ночного неба поднялись

темные силуэты башен Руха.

Зубцы на башнях — словно каменные пальцы: ждут, чтобы схватить на лету того, кто приблизится… У Рика засосало под ложечкой.

Мелькнул смутный свет вперемежку с тенями, резные монстры чиркнули рогатыми головами по дну люльки, и вот Рик с Майо оказались на площадке широкого портика. В полутьме стояли стражники в коротких кильтах с мечами наголо.

Воины Кара-Эбры сложили крылья и с непринужденной грацией людей почитающих, но не раболепных, поклонились сухощавому марсианину — крепкому, с лицом волка и светло-серыми, в искорках зеленого пламени глазами. Незнакомец был перепоясан видавшей виды небогато украшенной портупеей.

— Развяжите им ноги, — приказал сухощавый.

Он окинул Майо медленным взглядом, от которого краска бросилась девушке в лицо, и повернулся к Рику, наблюдая, как тот встает и складывает на груди руки, скованные железной цепью.

Рик выжидал. Он ничего не говорил, только смотрел отчужденно-враждебным взглядом, как плененный тигр.

Молчание длилось долго. Наконец худощавый

марсианин коротко усмехнулся и слегка наклонил голову.

— Мое имя Бейдах, — тоном, каким обращаются к равному, произнес он. — Идем, повелитель ждет.

Бейдах церемонно поклонился воинам Кара-Эбры и жестом пригласил их вперед себя. Стражники подошли ближе. Майо придвинулась к Рику, локоть ее связанных рук коснулся его локтя.

Пленники, а с ними и стража, последовали за Бейда-хом внутрь башни. Никто не заметил тени, беззвучно скользнувшей, словно ночной мотылек, в лунном свете на расправленных крыльях. Тень метнулась к окну башни, уцепилась за каменную химеру, украшавшую проем, и затаилась в темноте.

…А в это время по пустым улицам Старого города беспокойно бродил человек. Он был огромен и грузен, одет во все черное; каблуки выбивали неровный такт на камнях мостовой. Человек шел без сопровождения. Из-за запертых ставен за ним следило множество глаз, но никто не трогал черного человека — полированные рукояти бластеров поблескивали у него на обоих бедрах. Незнакомец шел, проклиная вслух неизвестно

кого, со странным отсутствующим выражением лица.

Неожиданно он остановился, медленно поднял голову и немного повернул ее, как зверь, почуявший что-то. Взгляд его устремился в направлении башен Царского Замка, глаза вспыхнули фосфорическим блеском.

Человек удовлетворенно хмыкнул и быстро двинулся прочь, за пределы стен, окружающих Старый город…

Тронная зала выглядела необычно. Перед запертыми бронзовыми ставнями окон неровным огнем горели факелы; дым их качался у потолка. В голубоватом мареве тусклыми пятнами багрового и золотого оттенков представали взору знамена и потемневшие щиты, развешанные в глубине по стенам.

Вокруг стола цвета крови расположились двенадцать человек — военачальники основных городов-государств, подчиняющихся Руху. Мальчик-царь Харал восседал на высоком троне; его темноликая, иссушенная своим душевным пожаром мать сидела слева, с немой и горькой яростью наблюдая за происходящим.

Когда вошли Бейдах с гостями и стража, ведущая пленников, в зале воцарилось молчание.

Однако по надменным и мрачным лицам сидевших Рик понял, что за минуту до этого здесь кипели страсти и звучали не самые лучшие слова. Даже сейчас в воздухе витал ревнивый дух борьбы за первенство. Марсианские предводители ссорились из-за власти, вместо того чтобы думать о судьбе планеты…

Бейдах занял свое место по правую руку от повелителя, воины Кара-Эбры расселись за столом; Рика и Майо оставили стоять. Стража отступила к стене.

Из глубокой тени у подножия трона послышался быстрый злобный вздох, будто зашипела, свиваясь в кольца, змея, и на освещенное место выступил ухмыляющийся карлик Ллоу.

Рик стоял в непринужденной позе, прямо глядя всем в глаза. Рядом, касаясь его локтем, стояла Майо. Лицо Рика выглядело бесстрастным, хотя внутренне он был напряжен.

— Ты знаешь, почему оказался здесь? — задал вопрос царственный юноша.

— Да. Я знаю.

Харал поднялся, трепеща от волнения.

— Люди! — воскликнул он. — Борющийся народ Марса! Перед вами землянин, с помощью которого, согласно пророчеству, захватчики

должны осуществить свое владычество над нашим миром.

Мальчик выбросил вперед руку. Его театральный жест мог бы выглядеть смешно, но сейчас и здесь — нет… Слишком много было достоинства в юном царе.

Рик склонил голову, невольно восхищаясь силой и зрелостью его духа.

Голос Харала звенел, как серебряный горн:

— Смотрите же на этого землянина, о люди Марса! Сегодня ночью мы находимся на перепутье. Завтра перед нами будет только одна прямая дорога, ведущая к победе — ек свободе для планеты!

Поднялся шум. В гвалте возбужденных голосов перед троном предстал Паррас-провидец.

— Повелитель, — произнес Паррас. — Я должен повторить тебе снова: я посылал свой разум в будущее и видел третий путь. Черную дорогу, она очень близка к сегодняшней ночи. Лишь одно говорю тебе — поторопись!

Харал рассмеялся в лицо предсказателю. Он был юн, этот властитель Слишком юн.

— Мы ухватили судьбу за шиворот, Паррас! — Царь повернул голову к карлику: — Твой долг будет отдан, Ллоу. Согласно правилу кровников,

ты вправе выбрать способ уплаты. Вот землянин. Посмотрим, чем он будет рассчитываться!

Карлик спрыгнул с возвышения — безмолвно, со смертоносной грацией охотящейся кошки.

— Постойте! — подал голос Рик.

Волчьи глаза Бейдаха разочарованно сверкнули. Харал шевельнул рукой в удивлении:

— Ты собираешься молить о пощаде?..

Рик засмеялся:

— Это бы мне очень помогло, не правда ли? Нет, царь, о себе я молить не намерен. Я обращаюсь к тебе с просьбой о девушке.

Харал сосредоточенно сдвинул брови, как будто только сейчас заметил, что рядом с Риком находится кто-то еще.

— Я прошу, чтобы ее отпустили. Она не причинила вам никакого вреда.

Бейдах одобрительно кивнул царю.

— Но, повелитель, это же его соратница! — запротестовал карлик.

Рик, не обращая внимания, продолжал:

— Мы встретились в неординарных обстоятельствах и вместе спасали свою жизнь, вот и все. Я едва с нею знаком. — Рик старательно не смотрел на Майо, лишь надеялся, что выражение лица девушки не дает повода сомневаться в его словах.

— Сейчас это не имеет значения, — отмахнулся Харал. — Ллоу!

Рик в ярости разинул рот.

Карлик шевельнул рукой, призывая стражей. Те стали надвигаться на пленников.

Рик, оскалившись, сцепил зубы и оттолкнул Майо в сторону.

Троих он уложил своими цепями и еще двоих — с помощью ног, но затем кто-то ударил его плашмя мечом по виску. Прежде чем тьма окутала мозг, он ощутил еще два или три удара. В последний момент перед потерей сознания Рик увидел в свете факела лицо Бейдаха — тот с отвращением смотрел на карлика.

...Тьму пронзали зубчатые багровые прожилки. Они появлялись, следуя за странным регулярным ритмом ударов металла по металлу. Где-то далеко визжала женщина — не в истерике или от страха; так кричит животное, терзаемое когтями хищника.

Рик открыл глаза. Красная колеблющаяся завеса скрывала от него Тронную залу. За этим маревом, отдаленное и нереальное, происходило какое-то движение; именно оттуда раздавался женский крик, и оттуда же слышен был ритмичный металлический звон. Неожиданно Рик

осознал, что красный занавес — это боль. Боль такая сильная, что он почти видел ее.

Рику показалось, что он находится высоко-высоко и смотрит вниз на покрытое красной дымкой море.

Крики прекратились, и на некоторое время наступила тишина. Когда Рик снова очнулся, он слышал только беспокойное бормотание. Боль, сводящая с ума, перешла в такое измерение, где Рик понимал, что ему больно, но был как бы отключен от ощущения собственно боли. Он снова поднял веки.

Голова его бессильно свисала. Он видел свое тело — вытянутое, нагое, блестящее от пота, в потеках крови. Ноги его стояли на отделанном орнаментом бруске из синего дерева, потрескавшегося и темного от старости; к этому бруску двумя большими кинжалами были пригвождены ступни Рика. Лезвия ярко блестели в факельном свете. Ослепительно ярко…

Далеко внизу был каменный пол.

Рик медленно повернул голову; движение давалось с большим трудом и заняло много времени. Он увидел свою левую руку, простертую вдоль стены. Скрюченные пальцы почти касались эфеса еще одного кинжала, вбитого между костями

запястья в камень.

Расходовать силы, дабы убедиться, что правая рука точно в таком же положении, не имело смысла. Рик опустил голову. На каменном полу под ним стояла Майо. Глаза девушки были устремлены на Рика; он ободряюще улыбнулся ей.

Затем Рик увидел Ллоу — карлик сидел на корточках, обняв руками колени, в позе человека, любующегося результатами своего труда. Больше рядом никого не было. Взгляд уродца зачарованно застыл на распятом — взгляд немигающий, горящий огнем безумия.

Дальше, в глубине, вокруг кроваво-красного стола сидели двенадцать военачальников и люди народа Кара-Эбры. Они пили и вели тихую беседу, избегая смотреть друг на друга и на стену, где висел пригвожденный Рик. Харал, забившись поглубже под балдахин трона, буравил взглядом священный ковер, сотканный из волос девственниц. Лишь царица-мать хладнокровно взирала на истекающего кровью. В ее представлении он не был человеком; марсианка испытывала по отношению к Рику чувства такие же, как к пойманному опасному животному. Животному из ядовитой породы землян.

Бейдах неожиданно встал; холодное бешенство

светилось в глазах воина, ладонь лежала на рукояти оружия.

— Во имя всех богов нашей расы! — произнес он вспыльчиво. — Неужто тебе недостаточно?!.

Ллоу, не шевелясь, таинственно улыбнулся в ответ. Из зала раздался голос Парраса:

— Ваше величество, прошу вас, скорее заканчивайте все это!

Харал поднял голову так, чтобы не видеть стену и человека на ней.

— Ну что, Ллоу?

— В согласии с правилом кровников, властитель, — вкрадчиво отозвался карлик, — выбор принадлежит мне.

Харал вновь спрятался в спасительной тени под навесом трона.

Бейдах устремил взгляд наверх; глаза его встретились с потемневшими от мучений глазами Рика. В зале стало так тихо, что все услышали, как шлепаются о камень капли крови.

— Мне стыдно… — произнес Бейдах. — Я стыжусь за свой народ!

Он повернулся и, неожиданно подцепив Ллоу носком сапога под подбородок, заставил карлика опрокинуться навзничь, насколько тому позволял горб. Затем обнажил кинжал.

— Долг крови или нет, землянин, но ты заслуживаешь человеческой смерти! — воскликнул Бейдах и замахнулся для броска.

Ллоу взвыл, как бешеный кот, вскочил и с завидной проворностью бросился на воина. Тот покачнулся, но устоял на ногах. Кинжал сверкнул под потолком, ударился о стену справа от Рика и со звоном упал на камни. Бейдах, зарычав, схватил кровожадного карлика за горло.

Истошный вопль огласил залу и, словно внезапно выключили звук, оборвался на самой визгливой ноте. Все, кто был за столом, повскакали с мест, выхватив клинки. Бейдах резко обернулся на шум, оторвав взгляд от маленького тела, которое, извиваясь в железной руке, отбивало каблуками последнюю чечетку между широко расставленных ног старого воина.

Швырнув труп в сторону, Бейдах бросился к Харалу, на ходу вынимая меч из ножен за спиной.

Майо у стены тянулась связанными руками, но, как ни старалась, не могла достать до кинжалов, пронзающих Рику ступни. Она смотрела ему в лицо и хотела произнести что-то, но из горла не выходило ни звука. Капли пота и крови падали сверху на ее белую кожу, прочерчивая блестящие и красные дорожки.

Губы Рика шевельнулись в словах «люблю тебя!». Он улыбался.

В этот миг бронзовые двери с грохотом упали и в залу ворвался Джаффа Шторм со своими венерианцами и черными антропоидами, сгрудившимися позади хозяина.

Глава 7

Рик смотрел на происходящее сверху. Сознание полностью вернулось к нему, мысли были ясные, однако что-то в мозгу Рика перевернулось. Изменился и его взгляд. Похожим образом меняется пластичное железо, после закалки и ковки ставшее клинком. Никогда отныне он не вернется к прежней своей беззаботности и не будет топать по жизни наудачу…

Рик видел, как марсиане дрались и падали, сраженные лучами бластеров. Подоспела замковая охрана, и Тронная зала наполнилась воинами; среди них мелькали белые кудри венерианцев и черные тела обезьян. Резня Варфоломеевской ночи бледнела по сравнению с развернувшейся бойней.

Снаружи — в других помещениях и на улицах города — рос звериный рев, покрываемый грохотом взрывов и надсадным воем шокеров, исчертивших темноту синими лучами смерти.

…Один за другим падали воины; были сорваны и затоптаны факелы. В зале стало тихо. Лишь один, последний, факел посылал дрожащий свет

в глубину залы, туда, где висел на стене пришпиленный к ней человек. Воинство Джаффы Шторма исчезло, унося своих раненых и погибших. На улице борьба еще шла, но шум ее все отдалялся. Майо стояла недвижно, прижимаясь к камню подле ног Рика.

Поднявшись на ритуальный помост, Джаффа Шторм долго стоял, молча рассматривая Рика снизу. Затем по губам Джаффы проползла усмешка, он потянулся всем телом — мускул за мускулом, как это делает пантера. Черные глаза светились удовлетворением.

— Стало быть, поднялась буря?.. — негромко произнес Шторм. — И вдруг — бах! — сама себя вымела. Эти трупы на полу — бывшие лидеры Марса. Кто там еще в живых — горстка варваров да Мыслители, что обитают на полюсе. Ничтожества! — Джаффа засмеялся. — Я знал, что они здесь. Да! Я знаю столько же, сколько их провидцы. А может быть, и еще больше…

Майо незаметно сползла вниз, шаря в темноте по полу связанными руками.

Шторм продолжал изучать Рика взглядом.

— Ну что, не слишком удачное сочетание пророчества с кровной местью? — Он покивал головой. — Ты задал мне массу неприятностей,

мальчик. Этот ужасный камень в голову… Главное, ты выставил меня дураком, сумев убежать, и подтолкнул многих на повторение твоего проступка. Я не говорю о кое-чем другом, еще…

Рик засмеялся — беззвучно, лишь отрывистые толчки воздуха вырывались из его уст.

— Насчет кое-чего ты прав. Я видел твои проблемы, после того, как она, — он показал взглядом на Майо, — дала себя поцеловать.

Шторм согласно кивнул, шагнул вперед и ухватил сидящую девушку за плечо. Та резко поднялась, блеснул кинжал Бейдаха, который она подобрала. Шторм сделал резкий выдох, последовала буря эмоций и криков, кинжал звякнул о камни, а Майо повисла над землей в руках Джаффы.

— У тебя крепкий организм, Рик. Ты еще проживешь какое-то время. Не думаю, что кто-нибудь сюда зайдет — из обитателей Царского Замка в живых не осталось никого, а другие сейчас очень заняты там, внизу. — Шторм качнул головой в сторону выхода. — Короче, если даже кто-то и появится, вряд ли он станет тратить на тебя время.

— Эта мысль греет твою душу? — прохрипел Рик.

Шторм улыбнулся:

— Естественно. Ты собирался править планетой, поверив в предсказание? Они тут помешаны на расходящихся веером дорогах будущего. Видать, дружок, на какой-то развилке ты свернул не туда!

Джаффа вышел, унося в охапке Майо. Рик, пока мог, следил глазами за жарким отблеском пламени факела в волосах девушки и слышал, как пропадает в отдалении неровный стук каблуков.

Он остался один.

Рик попробовал расшатать лезвия, пригвоздившие его к стене, и после этого долго висел неподвижно, тяжело дыша.

В темноте на полу что-то шевельнулось. Это был Бейдах. Он медленно высвободился из-под груды кровавых тел. Ползая на четвереньках по зале, старый воин переворачивал трупы и заглядывал в лица. Сберегая дыхание, он не произнес ни звука даже тогда, когда нашел того, кого искал.

В мерцающем свете Рик наблюдал, как воин берет маленького царя на руки. Смерть выбелила кожу Харала, сделав ее цвета слоновой кости. Бейдах встал и понес тело мальчика к помосту. Спина воина была пряма, шаг тверд. Он усадил Харала на трон, опер голову мертвеца о резную

спинку и уложил руки вдоль подлокотников. Глаза Бейдаха и пуговицы его мундира отражали красноватый блеск пламени факела.

Найдя меч, Бейдах положил его Харалу на колени и только после этого осел на помост. Некоторое время спустя он поднял голову и посмотрел на Рика глазами, сияющими светом предсмертного пророческого озарения.

— Ты не умрешь, — торжественно прошептал Бейдах.

Распятый отвечал беззвучно:

— Нет, не умру…

— Ты будешь править миром.

— Я… буду… править…

Наступило молчание. Оба копили силы. Наконец Бейдах снова поднял голову.

— К добру или к худу, но путь избран. Ты, человек!.. — Его голос прервался.

— Бейдах, — позвал Рик.

— Я слышу тебя.

— Моими руками, Бейдах… Моими собственными руками!

Марсианин перевел взгляд с Рика на тело мальчика и обратно. Он улыбался. Затем неимоверным усилием слез с помоста на пол и пополз к Рику, превозмогая боль.

Неожиданно он замер и прошептал:

— Кто-то идет!

Из темноты коридора донесся шорох, затем послышался потрясенный сдавленный возглас:

— Рик! Рик!..

Быстрый шум крыльев в полутьме — и Кира повисла рядом с пленником, удерживаясь за резное украшение на стене и глядя на распятого огромными неподвижными сухими глазами.

— Я летела следом, — тоненьким голоском говорила она. — Думала, что сумею чем-нибудь помочь тебе… О, Рик!

Он улыбнулся:

— Действительно сможешь, девочка. — Слова выходили из него медленно и тускло. — Попытайся выдернуть эти ножи.

Лицо Киры побелело, но она отважно кивнула. В это время Бейдах подал голос:

— Погоди… Он упадет… Здесь… есть лестница. Помоги мне…

Кира спорхнула вниз. Вдвоем им удалось поднять легкую металлическую лестницу, по которой стражники затаскивали Рика на стену, выполняя команды горбуна Ллоу.

Медленно, очень медленно Бейдах взобрался наверх и выдернул кинжалы из стоп Рика. Тот

почти потерял сознание от боли и уже не чувствовал, как Бейдах с Кирой освобождают его руки, только слышал частое биение крыльев по воздуху и ощущал жилистую, упорную силу Бейдаха. Рик пытался помочь им; было очень холодно, в ушах стоял грохот…

Потом горло обожгло вино. Рик полулежал, прислоненный к стене, а Бейдах склонился над ним с фляжкой. Трясущимися от утомления руками Кира бинтовала Рику раны полосками ткани.

Бейдах выронил флягу; лицо его покрывали крупные капли пота. Он нагнулся и поднял с пола какой-то предмет.

— Слушай, землянин. Наше время ушло. Начинается новое, совсем иное время для Марса… Каким оно будет — не знаю. Но оно будет твоим. — Воин остановился, переводя дыхание. — Этот Обруч — символ власти над половиной планеты. Куда поведет Рух в лице того, кто носит железный Обруч Власти, туда пойдет за ним Марс. Сейчас я надену Обруч на твою шею. В его замке спрятано отравленное жало… Только один или два человека в каждом поколении знают секрет замка, и если кто-то другой попытается открыть его, он погибнет, а замок останется заперт. Обруч Руха будет гарантией подчинения людей Марса твоей

воле. От того, как ты распорядишься полученной властью, зависит и твоя собственная судьба…

Бейдах снова надолго замолк.

— Почему ты надеваешь мне ошейник? — хриплым шепотом спросил Рик.

— Потому что к этому привела дорога Времени. Потому что ты должен уничтожить Компанию и людей, явившихся сюда незваными. Потому что нет марсиан, имеющих силу носить Обруч. Сейчас нет… Может статься, не будет и всегда, но пусть грядущее позаботится о себе само…

Бейдах сомкнул края Обруча на горле Рика. Железо еще хранило телесное тепло юного царя.

Марсианин долго глядел в бесстрастную желтую глубину глаз Рика. Один раз он даже протянул руку, чтобы снять Обруч Власти, но в конце концов все-таки закрыл замок.

— Здесь есть тайный выход в безопасное место. Надо приподнять, а потом опустить шестнадцатый камень слева от входа… Не один правитель Руха спасся этим путем. Поспеши!

Бейдах взглянул на Рика и поднял палец:

— Однако помни, землянин. Обруч не сохранит жизнь предателя.

Лицо спасенного не выразило никаких чувств при этих словах.

Кира подхватила Рика под мышки и, наполовину поддерживая его, наполовину волоча, двинулась к узкому черному прямоугольнику, открывшемуся в стене.

Бейдах глубоко вздохнул. Медленно, будто укладываясь спать, воин повалился на бок и затих, уронив голову на колени своего мертвого повелителя…

Послышался скрипучий звук — это встал на свое место камень, закрывший потайной ход, и вокруг Рика сгустилась черная тьма.

Джаффа Шторм лениво курил, развалясь на диване в офисе под самой крышей административного корпуса Компании, и как будто не замечал шефа, бегающего перед ним взад и вперед короткими злыми шажками с обезображенным от ярости лицом.

— Да провались все пропадом! — наконец не выдержал Фаллон. — Устроили акробатические трюки ради какой-то девки! Сколько людей мы потеряли из-за вашего сорвиголовства?

Шторм пожал плечами:

— Это же венерианцы. Они счастливы погибнуть в бою. Теперь болотники передерутся, чтобы попасть в наше подразделение.

— Ну, допустим. А как насчет марсиан, которых

вы настреляли на улицах? Идиот! Понимаете, что теперь нас запросто вытурят?

Шторм насмешливо поднял брови:

— Вытурят? Кто же осмелится на такой подвиг?

— Правительство Марса пожалуется на Землю и в Межпланетный координационный совет!

— Бросьте!.. — Шторм спустил ноги с дивана и смерил Фаллона взглядом. — Я уже сам подал жалобу на Правительство.

Рыжий горнопромышленник замер как вкопанный, его глаза превратились в щелочки.

— Судите сами, — продолжал Шторм.-Они захватили двух наших соотечественников, правильно? Причем одна из них женщина. Оба — служащие Компании. Но этого мало, они приколотили мужчину к стене! Что, не так? И одному только дьяволу известно, что намеревались сотворить с девушкой. Ясное дело, мы просто обязаны были заняться их спасением. А какая могла быть поддержка со стороны закона? И еще. У меня есть доказательства, что марсиане готовились устроить массовую резню на расовой почве. Планетарное Правительство само получит неприятности. Я прижал его к стене. — Джаффа засмеялся. — А вместе с жалобой я послал

хороший чек на восстановление разрушенного жилого фонда в Старом городе!

Фаллон изобразил на лице покровительственную улыбку:

— До чего неглупый молодой человек!.. А что скажет Рух? Что скажут все марсиане по эту сторону Ка-хоры? Какие чувства они будут испытывать к вам, расстрелявшему в прах их царя и высшую знать?

— А, пускай чувствуют, что хотят, — отмахнулся Шторм. — У меня оружие. На стенах города стоят электронные разрядники; солдат более чем достаточно, и еще большее их число рвутся ко мне на службу. На Марсе один закон — сила, и у меня она есть.

Фаллон не на шутку обеспокоился, почувствовав в голосе Джаффы новые, наглые нотки. Он вернулся за стол и сел в кресло.

— Ну хорошо, Шторм. Возможно, вам хватит ума, чтобы выбраться из кучи, которую вы сами навалили.

— Ха, он еще будет прикидывать шансы!.. Послушайте, Фаллон, те люди в Тронной зале намеревались снять с вас скальп. Раньше или позже, но нам пришлось бы с ними схлестнуться. Я решил сделать это раньше.

— Вы решили! Ну да, использовать моих людей и технику, рисковать самой Компанией и всем, что я вложил в этот пыльный мешок под названием «планета Марс», — и лишь потому, что вы имели личный зуб на кое-кого! И ни единого слова мне не сказать, не предупредить ни о чем! Может, вы надеетесь, что прославитесь после такого шумного представления?

Шторм скользнул по фигуре Фаллона задумчивым взглядом:

— Спектакль шел, по сути дела, сам по себе. Не я его режиссер, — Он подался вперед и раздавил окурок о край пепельницы.

— Вы становитесь брюзгой, Фаллон, — небрежным тоном заговорил Джаффа. — Превращаетесь в типичного магната, который сидит за столом, выращивает цветы в оранжерее, а в конце концов получает апоплексический удар в самом разгаре своих умственных занятий. Я наблюдал за вами, когда ставил к стенке неисправимых нарушителей трудовой дисциплины. Вам не по себе. Вас тошнит. А то, что произошло сейчас в Рухе, вас так напугало, что вы едва не обделались. Дряхлеете, Эд! Теряете темп, излишне осторожничаете. Сегодня случилась первая драка, за ней последуют еще. Появятся конкуренты, пойдут

похищения, люди будут грызть друг другу глотки! Марс — не то место, где можно спокойно ожидать прихода старости.

Фаллон с шумом втянул в себя воздух:

— Вы лжец, Джаффа.

— Можете думать, что хотите! — с нарочитой резкостью ответил его собеседник.

— А думаю я о том, чего хотите вы, Джаффа! Вы мечтаете завладеть Компанией.

— Компания — это Марс, Эд. Мне нужен Марс.

Фаллон ждал этих слов. Он наклонил голову, как бы переваривая сказанное Джаффой, и сделал неуловимо быстрое движение. Однако Шторм оказался быстрее. Эхо двух выстрелов, слившихся в один, тут же угасло, поглощенное звуконепроницаемой обивкой кабинета.

В офисе на первый взгляд ничто не изменилось, лишь на бетонной колонне, рядом с головой Джаффы красовалось опаленное пятно. Фаллон, как и раньше, сидел за столом. Правда, у него не было лица, а заодно навсегда исчезли интересы в будущности Компании.

Шторм встал, включил телеэкран и дал Варго кое-какие инструкции, а затем вышел, заперев дверь офиса, и направился в другое крыло огромного комплекса Компании, туда, где на заднем

дворе располагался небольшой жилой отсек, скрытый от посторонних глаз.

Услышав звук открываемого замка, Майо Макколл поднялась с кушетки, на которой только что лежала, упершись взглядом в противоположную стену. Без трепета, без слез и ругани она молча стояла перед Джаффой. Темно-карие глаза были мертвы.

Джаффа уселся на кушетке, откровенно любуясь девушкой. По его распоряжению из квартиры, где раньше жила Майо, принесли одежду, и теперь вместо драного комбинезона на ней была обтягивающая туника из ткани золотистого оттенка; на таком фоне волосы ее казались огненными. Разрез подчеркивал великолепие фигуры, которое раньше можно было только угадывать под темно-зеленым мешком.

— Я принял от Фалл она дела, — будничным тоном сказал Шторм.

Майо ничего не ответила, лишь брови ее слегка поднялись.

— Тебе не интересно, как я намерен с тобою поступить?

— Это не имеет значения.

— Пожалуй. Потому что я ничего не собираюсь делать.

Майо внимательно поглядела на Шторма.

— Не собираюсь — пока. — Он не торопясь, с полуулыбкой разглядывал девушку. — Ты как-то раз обратилась ко мне с предложением.

— Вы считаете, что оно до сих пор в силе?

— Очень может быть… — Джаффа подался вперед. — Послушай, Майо. Я теперь хозяин Компании. Компания скоро приберет к рукам Марс; почва здесь девственная, и ее разработка даст урожай, невиданный со времен освоения дальних континентов на Земле многие века тому назад. Даже больший, потому что там были всего лишь части света, а здесь — целый мир.

Черные глаза Шторма вспыхнули.

— Я не встречал женщины такой, как ты. Не знаю, что со мной… Я видел их множество — на любой вкус. Но в тебе есть что-то другое, только твое. И я этого желаю. Желаю настолько сильно, что не буду пытаться овладеть тобой, пока ты сама не попросишь. Я открыл карты, можешь играть ими, как хочешь.

Он встал.

— У меня есть время; я способен ждать. Мне это даже нравится. Только помни: я всегда получаю то, чего хочу, — тем путем или иным, но в конце концов получаю.

Глава 8

Рик покойно лежал на неширокой лавке, застеленной шкурой. Над ним было маленькое окно, через которое проникал ночной свет, позволявший видеть очертания комнатки, смахивавшей на тюремную камеру. По иронии судьбы комната как две капли воды походила на ту, где Рик встретился со старухой-ведуньей и ее помешанным на мести внуком. Она также была устроена в толще городской стены, и со стороны ее оконце казалось не более чем выщербиной в каменной кладке.

Единственная дверь вела в подземный ход, по которому Рик выбрался из Тронной залы. Туннель раздваивался, и Кира после осторожной разведки выяснила, что ответвление оканчивается люком, запертым камнем-перевертышем, на задворках квартала, именуемого в просторечии Воровским.

Маленькое убежище было оборудовано с умом — видимо, в бурные годы городской истории его всегда держали наготове. Здесь имелись провизия и одежда, вино и оружие, а также все необходимое для ухода за раненым.

Рик поднял ладони к свету и согнул пальцы. За

четыре дня, проведенные им здесь, раны затянулись; так же неплохо дело обстояло и с ногами. Кинжалы, к счастью, были острыми и не ржавыми, они удачно прошли между костями и тяжких повреждений не нанесли.

Рик слабо улыбнулся, довольный результатом «медосмотра», и снова задремал. Спал он сейчас почти все время; организм, сильный от природы и закаленный, быстро входил в норму.

Раздался шелест крыльев, и в окно скользнула Кира. Раненый тут же открыл глаза:

— Ты ее нашла?

— Да! Ах, Рик, Майо так обрадовалась, услышав, что ты спасся. Она сказала: «Только лишь знать это, и больше ничего не надо!»

— А как она сама? Шторм не трогал ее?

— Отныне Майо вне опасности, — важно объяснила Кира. — Я дала ей нож! Она просила передать, чтобы ты не беспокоился, был осторожен, а еще… еще передала тебе вот это…

Девочка прижала свои нежные губки к губам Рика — и вдруг разрыдалась, припав к его груди. Рик ласково погладил ее по мягкой, пушистой спинке.

— Бедняжка, устала, — сказал он. — Ты так много сделала для меня, впутавшего малютку

в неимоверные опасности. Надо возвращаться домой…

Крылья Киры громко зашуршали.

— О, что ты, Рик! Я нужна тебе!

— Мне уже нетрудно обходиться без посторонней помощи. Ты спасла мою жизнь, дитя. А теперь отправляйся туда, где тебе ничто не грозит.

— Я не могу возвратиться! Они… я не знаю, что они со мною сделают. А кроме того, отныне в Кара-Эбре не осталось ничего мне дорогого.

Кира запрокинула голову. Лунные лучи очерчивали ее юное личико, нежную линию шеи.

— Ты понимаешь, что сейчас сказала, Кира?

— Да.

— И ты знаешь, что я должен тебе ответить?

— Да…

— И хоть без пользы твердить, что это не любовь — то, что ты себе вообразила; что, как и все в юности, ты должна переболеть этим…

— Я не хочу домой, Рик! — перебила его Кира. — Не заставляй меня. Ты прогонишь, а я отлечу недалеко — и снова вернусь.

Она встала, расправив крылья. Тело ее блистало серебром, крылья просвечивали, как матовые опалы.

— Я люблю тебя, Рик, но есть еще нечто гораздо

более важное — моя любовь к Марсу. Ты обещаешь превратить Марс в планету, где люди будут с надеждою глядеть вперед. Ты представить себе не можешь, что такое быть молодым в мертвом городе, где не на что взглянуть, везде одно только прошлое!.. Я тоже хочу строить новый мир. Пусть мое участие будет ничтожным; одного лишь знания, что я помогала, уже достаточно. Ты не отнимешь этого у меня!

Рик безмолвно, долгим взглядом изучал крылатую девушку. На мгновение лицо его странно окаменело; в глазах появилась чуть ли не жестокость, когда он сжал челюсти.

Через секунду он вздохнул, разведя руками:

— Да, пожалуй, отнять не сумею; легче убить… Ну, хорошо. Давай играть по твоим правилам.

Кира, нога на ногу, с победной улыбкой уселась на лавке, заставив Рика потесниться.

— Кто-нибудь из Компании видел тебя?

— Нет.

— Узнала что-то дополнительно про Шторма, про их оборону?

— Сверх того, что уже рассказывала, — ничего. Рик, по-моему, после атаки никого в живых не останется! С нашей стороны, я имею в виду…

— Посмотрим. Что происходит в Рухе?

— Я видела факелы на улицах, когда возвращалась сюда. Похоже, начинаются беспорядки. Да, Рик, я подслушала один разговор, спрятавшись на крыше. Шторм уже дважды ходил в Нью-Таун — пополнять бараки. Шахты работают в три смены; люди мрут как мухи.

— Он не теряет время даром. — Рик сел на постели и поболтал ногами. — Приготовь бинты, детка, и покрепче обмотай мне мослы.

Кира начала было протестовать, но Рик так глянул на нее, что девушка повиновалась.

— Нельзя ждать, понимаешь? — Рик говорил это больше для себя. — Когда начнется восстание, будет поздно что-то переделывать!

Камень, прикрывающий выход на улицу, бесшумно повернулся, и уже через минуту двое осторожно шли по крысиной тропке вдоль городской стены. Тропинка лежала в густой тени, была загажена и безлюдна. В воздухе стоял густой запах ночных животных, и отовсюду из темноты слышалось их испуганное, недовольное ворчание.

Кира взмыла вверх и тут же вернулась с сообщением, что на Толчке — самом популярном месте Воровского квартала — собралась толпа и что туда направляются во множестве люди из приличных районов.

— Там тебя убьют! — шептала Кира, расширив без того огромные глазищи и уцепившись за локоть Рика. — Разорвут в клочки!..

Рик улыбнулся. В странной его ухмылке не было ни веселья, ни намека на что-нибудь человеческое.

— Веди туда! — приказал Рик.

Кира понуро шла впереди; концы ее крыльев тащились по грязным камням. Они шагали узкими извилистыми улочками меж домов, таких дряхлых, что пыль разрушения кучками лежала у стен в закрытых от ветра уголках. Жители будто исчезли, единственными признаками обитаемости были стираные простыни, подобно флагам вывешенные на палках из задних окон, да вонь от помоек.

Фобос уже зашел за горизонт на востоке; Деймос, пока еще не сползший с неба, висел над Рухом так низко, что, казалось, вот-вот сядет, словно на кол, на одну из башен Замка.

Рев толпы стал громче; но совсем не те чувства, которые нужны сегодня, слышались Рику. Вместо яростного боевого клича толпа завывала погребальную песнь.

Конец улицы… Крик тысяч глоток ударил в уши. Мятущееся пламя факелов освещало широкую

квадратную площадь, запруженную народом. Площадь обрамляли приземистые кривоватые дома. Изо всех окон высовывались люди, они гроздьями висели, подобно роящимся пчелам, на балконах, водосточных трубах — везде, где можно было держаться.

Гомон толпы неожиданно взорвался общим криком и так же внезапно стих. Донесся голос оратора, пронзительный и горестный, словно труба горниста армии, проигравшей битву.

Рик заработал локтями, прокладывая дорогу. Никто не оборачивался, чтобы окоротить нахала, все взгляды были прикованы к подмосткам посередине площади.

На помосте возвышалась виселица, здесь жители Воровского квартала вершили свое собственное правосудие. Там же стоял оратор — щуплый, костлявый и злобный, облаченный в обтрепанный мундир, когда-то расшитый золотом. Его искаженное лицо, все в шрамах, пылало, скошенные топазовые глаза метали огонь.

— Вы знаете, почему мы здесь! — выкрикнул он. — Вы знаете, какое злодейство свершилось. Вам известно, что люди, которые могли принести нам освобождение, мертвы… А с ними погиб наш юный король.

Человек на помосте сделал паузу, чтобы дать затихнуть угрюмому отклику толпы.

— И вам известно, — продолжил оратор тихим голосом, — что теперь нам остается делать…

Вопль, вырвавшийся из сотен ртов, означал только одно: «Кровь за кровь!»

— У них оружие. Они укрылись за крепостными стенами. У них сила. Пусть! Им нас не остановить Нам не сносить голов, да, но прежде чем испустить последний вздох, мы сотрем с лица планеты мразь Компании и землян!

И тут, в миг затишья, предшествующий, как это бывает всегда, урагану эмоций, Рик возвысил голос над площадью:

— Погодите!

Щуплый человек посмотрел вниз с помоста, ища взглядом того, кто крикнул. Глаза его расширились, он со всхлипыванием втянул в себя воздух и простер руки, взывая к молчанию. Тишина кругами распространялась по толпе от его воздетых рук; возбужденные, искаженные лица приобретали вменяемое выражение, и постепенно вся площадь была затоплена тишиной, словно неподвижною водою. Стало слышно, как трещат, обгорая, факелы.

Рик подымался по ступеням помоста. Он шел

медленно, но держался прямо и не хромал. С широких плеч его свисала пурпурная мантия, украшенная на груди символом Двойной Луны на фоне пылающего изумруда.

Рик взошел на платформу под раскачивающиеся цепи виселицы, поднял забинтованные руки к застежке ворота и сбросил мантию.

Никто не проронил ни слова. Только вздох, единое многотысячное «Ух!..» прокатилось над толпой, и наступила мертвая тишина.

Рик стоял неподвижно. Мышцы мускулистого обнаженного торса бугрились под крест-накрест надетой воинской портупеей; на шее, темный, отполированный временем, тускло блестел символ власти Руха.

Глаза первого марсианина Воровского квартала вылезли из орбит.

— Кто ты?.. — только и смог произнести он.

Рик отвечал, не повышая голоса, но слова его гулко раскатились от края до края громадной площади.

— Ричард Гунн Уркхарт, ваш вождь, согласно пророчеству.

Стон раздался над толпой — стон зверя, почуявшего кровавую добычу. Главный вор простер руки:

— Стойте! Стойте, вы!.. — Он подошел вплотную к Рику, сжимая рукоять кинжала, висящего в ножнах на поясе. — Где ты, землянин, добыл Обруч Власти?

— Его надели на мою шею руки Бейдаха, после того как был убит Харал. Тебе известен секрет замка на Обруче?.. Тогда вы должны верить мне.

— Бейдах… — прошептал щуплый марсианин.

По толпе вполголоса зашелестело: «Бейдах… Сам Бейдах!»

— Землянин!.. — воскликнул предводитель воровской гильдии. — Землянин, который носит ошейник Власти?! — И обнажил лезвие.

Рик стоял бесстрастно, даже не взглянув на кинжал. Его глаза были устремлены поверх голов народа, заполнявшего площадь.

— Слушайте же, люди! Когда Бейдах закрыл замок на Обруче, он сказал: «К счастью или к беде, но путь избран». И это так! Из всех путей, по которым могла пойти планета, свершился только один. Вы не в силах ничего изменить. Кое-кто пытался. Ваши вожди распяли меня на ножах в Тронной зале — и оказались беспомощны.

Голос Рика звучал со странным спокойствием — не яростно, не угрожающе, не просительно, а так, как говорит человек совершенно уверенный,

когда уже нечего обсуждать, и сейчас он просто повторяет то, что хорошо известно и ему, и всем остальным.

— Я не землянин. Я рожден в открытом космосе, и порт Джеккара был первой твердой почвой, на которую я ступил. Я не принадлежу ни к одному из миров, не отношусь ни к единой из рас. Я принадлежу только самому себе и лишь себе присягаю на верность.

Рик замолк, затем продолжил:

— Марс не пропал, покуда вы сами не потеряли его. Вы проиграете свою планету, если будете бороться с Компанией так, как задумали ваши лидеры. Кира! Поднимись сюда и расскажи всем, что ты видела.

Море лиц всколыхнулось, когда из темноты боковой улицы выпорхнула белая бабочка, пролетела над площадью и опустилась на помосте подле Рика. Кира, робея под тысячью взглядов, коснулась Рика, как бы в поисках поддержки. Тот мягко обнял ее за плечи и повернул к толпе.

— Человек с Земли — один из главарей Компании — видел меня, распятого на стене, и оставил там умирать. Зато Кира меня спасла. Она — и Бейдах. Я обязан Марсу своей жизнью.

Рик ободряюще улыбнулся и шепнул:

— Давай, девочка!

Кира рассказала об укреплениях, выстроенных Компанией, а закончила следующими словами:

— Вы погибнете, так и не сумев нанести удар.

По площади пополз говорок. Предводитель в мундире с золотыми позументами подался к Рику, все еще сжимая в руке кинжал — просто забыл убрать на место. Глаза главного мошенника светились любопытством.

— А ты, — начал вор, — что ты можешь предложить?..

— Если я начну болтать языком, Джаффа Шторм узнает все даже раньше, чем вы. У него способности такие же, как у ваших ясновидящих. Каменные стены — и те не преграда для его дьявольского разума Каким еще иным способом он смог бы узнать о том, что ваши вожди собрались в одно место, где с ними удобно расправиться? Да и сейчас, если бы он не чувствовал себя в полной безопасности и не был занят работой в Компании, то бродил бы по Руху и шпионил за вами.

— Выходит, мы должны просто верить тебе и все? — негромко спросил марсианин, поигрывая кинжалом. — Бейдах-то ведь был при смерти, когда украшал тебя ошейником. Может, он…

— Кира, скажи! — прервал его Рик.

Девушка, расправив крылья и привстав на цыпочки, яростно крикнула в толпу:

— Слышите, вы, марсиане! Джаффа Шторм заковал Рика в кандалы и хотел сделать его рабом на своей шахте. Когда Рик не покорился, Шторм пытался убить его. Четыре ночи назад он оставил Рика висеть распятым на ножах, обрекая его на мученическую смерть, и похитил подругу Рика. Неужели все это не доказывает искренности его желания отомстить?

Кира буквально светилась, ее юный голосок звучал подобно флейте.

— Он приведет Марс к вершинам! Он вернет жизнь умирающим. Он даст нам единство и силу.

Воцарилась долгая тишина. И вдруг грохот салюта и радостные крики сотрясли окрестности.

Рик торжественно повернулся к вору в лохмотьях, расшитых золотым позументом:

— Держите людей наготове. Ждать придется недолго, я передам сигнал к выступлению через Киру.

Предводитель согласно кивал головою. Рик протягивал руки к толпе и улыбался. Глаза его оставались холодными и отстраненными.

В общем гвалте он и Кира исчезли с подмостков

так же внезапно и загадочно, как появились.

А в это время в кабинете, которым раньше владел Фаллон, Джаффа Шторм был занят работой, занят так сильно, как Рику и не снилось. Нет, физически Джаффа ничего не делал; он неподвижно сидел с закрытыми глазами, уперев локти в колени и прижав к вискам костяшки особым образом переплетенных пальцев.

Шторм раньше уже вступал, в контакт с мозгом Рика, и теперь «настроиться на волну» было легко — не пришлось обыскивать весь ментальный эфир. Джаффа лишь тихонько посмеивался, слушая, как Рик расписывает его экстрасенсорные способности и умствует по поводу опасности разглашения плана битвы.

Шторм сидел не шелохнувшись, пока Рик не кончил представление, а затем исследовал невысказанные мысли, копошившиеся у того в голове. Завершив работу, Шторм встал, потянулся и, кивнув головой, сказал вслух:

— Хороший план. Все рассчитано отлично! Большая вероятность успеха. Противопоставить грубой силе такую же — что ж, поиграем в азартную игру!

Джаффа набрал код на визоре, и перед ним возникло объемное изображение полярной об-

ласти планеты — превосходная рельефная карта. Шторм снова уселся в «позу кучера». Глаза его были направлены на голограмму, но видели они гораздо более отдаленные предметы…

Глава 9

Хью Сент-Джон вздохнул, вытянулся в высоком кресле и прикрыл веки.

— Значит, так, — произнес он, обращаясь к Эран Маку. — Последний патрон в револьвере, последняя монета на банковском счету… Я выбываю из борьбы.

Марсианин ничего не ответил, сидя на балконных перилах, куря и наблюдая рахитичную жизнь Кахоры, протекавшую внизу. Его смуглое пиратское лицо казалось еще темнее от угрюмости.

— Я надеялся, что тебе как коренному жителю повезет больше, — глухо промолвил Сент-Джон. — Но и ты не продвинулся ни на шаг дальше, чем я. Ну не допускают они до себя, что тут будешь делать!..

Колокольчики в ухе Мака зазвенели, когда он покрутил головой.

— Ладно. На них не весь свет клином сошелся. Вот, например, Мыслители… Послушай, Мак, что за дьявольщина — ваши Мыслители? Почему все их так прославляют?

— Точно это никому не известно. Считают, что они — самая первая раса, истинные марсиане; это означает, что все остальные, и мы в том числе, — здесь чужаки. А еще говорят, что они не человеческой породы и остались с прошлого витка эволюции. Лично я думаю, что это просто компания умных людей, которые любят спокойствие и уют и поэтому спрятали себя и свою жизнь за густым туманом легенд, восторгов и страхов.

Сент-Джон нашел силы улыбнуться высказыванию.

— Что мне больше всего импонирует в тебе, Мак, — это простота. Однако же Мыслители нет-нет да и сделают для планеты что-нибудь очень хорошее…

Мак кивнул:

— Точно. Они — так по крайней мере гласит теория, сам я этого не наблюдал — направляют общественное мнение всей планеты.-Марсианин выпустил дым. — Если, конечно, сочтут нужным вмешаться. Вот, например, когда у нас была большущая распря, война между этим и тем полушариями пару веков назад, тогда Морские Короли имели крупные неприятности.

— Как ты думаешь, Мыслители — это сила?

— Боюсь, — тихо ответил Эран Мак, — что они состарились вместе с остальными…

Наступило тягостное молчание. Внизу шуршал шинами город. Теплые солнечные лучи струились из-под высокого купола, разбрасывая сверкающие, яркие брызги по крышам домов из разноцветного пластика, покрывая деликатно притушеванными красками паутину пешеходных дорожек и изогнувшиеся над ними изящные арки автомагистралей. Воздух был мягок и в меру ароматизирован.

Эран Мак выругался, сохраняя невозмутимое лицо, и со звоном бубенцов оттолкнулся от перил.

— Хватит! Я возвращаюсь в Джеккару! — рявкнул он. — Хочу дышать нормальным воздухом и носить одежду, не заставляющую встречных взглядывать на меня дважды, чтобы понять, какого я пола! Присоединяешься?

— Да… Спасибо! Я тоже, пожалуй, уеду. — Сент-Джон вскинул глаза на Мака и смущенно улыбнулся. — Не знаю, почему Марс имеет для меня такое значение… Будто изменяешь старому другу. — Он опустил взгляд. — Если бы знать, что с Майо…

Мак положил руку на плечо Хью и легонько

подтолкнул в комнату — паковать чемоданы. Неожиданно загудел сигнал вызова.

— Да черт с ним! — произнес Сент-Джон и ушел в спальню за вещами.

Зуммер продолжал наяривать, сменив размеренный ритм на взбудораженное стаккато срочного сообщения.

Сент-Джон, бормоча проклятия, пихнул кнопку пальцем; на экране возникла внутренность будки автомата, разрисованной всякими гадостями, исцарапанной ключами, которыми пытались записать номер, и покрытой каракулями типа: «Я тут был. А.Е.». В будке стоял незнакомец — белобрысый верзила с желтыми глазами, одетый в яркую шелковую рубашку и обтягивающие брюки космолетчика, сошедшего на твердую землю поразвлечься. У громилы были перебинтованы руки.

«Нет, это не простой моряк с разбитого корабля...» — Сент-Джон подавил взволнованную дрожь.

— Здесь Хью Сент-Джон, — произнес он в трубку.

— Уркхарт, — откликнулся человек в будке. — Ричард Гунн Уркхарт. — Затем он расстегнул воротник пестрой рубашки. — Вам известно, что

это такое?

Эран Мак, стоявший за плечом Сент-Джона, потрясенно выдохнул:

— Дьявольщина! Обруч Руха!

Рик кивнул:

— Символ власти Марса. Единого Марса. Майо говорит, что единство планеты — вещь, ради которой вы живете.

— Майо!.. — Сент-Джон вцепился в края экрана. — Где она? Что с ней?

— Майо схватил Джаффа Шторм, но она в порядке. Это долгая история, расскажу позднее. А сейчас я должен кое о чем спросить. Желаете ли вы единства так сильно, что готовы рискнуть ради этого головой?

Сент-Джон судорожно вздохнул и быстро оглянулся на Мака.

— Говорите, — ответил он. — Я слушаю.

— Отлично. — Рик обрисовал подробности резни в Рухе. — Марсиане готовы выступить. Парни из Нью-Тауна поднимутся тоже, как только я поговорю с ними. Шторм все время рыскает там со своими чернецами, и народу это очень не по нраву. Но атаки в лоб будет недостаточно, кто-то должен помочь изнутри. Если мы сцапаем Шторма, сделать остальное будет легко.

Сент-Джон воинственно нахмурился:

— А Фаллон?

— Джаффа Шторм убил его несколькими днями раньше. Никто, кроме Шторма и Майо, не знает об этом; может быть, только Варго, командир подразделения наемников с Венеры. Как считаете, вам удастся получить у Шторма разрешение приземлиться на вертолетной площадке Компании?

Сент-Джон задумался.

— Не знаю, связал ли Шторм Майо и нас в своей голове, но, думаю, он всегда подозревал меня. Пожалуй, он даст такое разрешение, а затем, когда сядем, разнесет нас в клочья.

— Так попробуете или нет?

— Вы уверены, что Майо там?

— Уверен. Об этом я вам тоже расскажу.

— Хорошо. — Сент-Джон придвинулся к экрану. — Теперь только одно… Кто вы, черт возьми, такой, и что вам надо от всего этого?

Рик потряс забинтованными руками:

— Сдавить этими пальцами глотку Джаффы!

Эран Мак тихонько зазвенел колокольчиками:

— Я вас знаю. Вы — Рик. Тот, которого пытался Уничтожить Джаффа Шторм. Тот, кто помог Майо спастись в лабиринте.

Рик только теперь обратил внимание на мар-

сианина, стоявшего у собеседника за спиной.

— Ну, так.

Подвижные глаза Эран Мака застыли на железном Обруче.

— Я сам родом из Джеккары. Да, если Бейдах, командир гвардии Руха, собственноручно надел вам сию штучку — это очень многое значит… — Мак, пожимая плечами, обратился к Сент-Джону: — Что мы, собственно говоря, теряем, Хью?

Руки Сент-Джона слегка дрожали; он сидел, вцепившись в края телемонитора, и с напряженным вниманием изучал Рика.

— Ничего, — наконец произнес он тихо. — Ни единой дерьмовой крупицы… Хорошо, Рик. Я как-нибудь улажу вопрос со Штормом. Что далее?

— После этого жду вас в Нью-Тауне, все необходимое будет уже готово. И действуйте быстро! Надо успеть, прежде чем до Шторма дойдут какие-нибудь слухи.

Между тем Джаффа Шторм завершил мозговую разведку. Эта деятельность истощила его, несмотря на всю недюжинную психическую энергию, которой он обладал. Сегодня Джаффа стал единственным на планете из всех марсианских созданий — людей, полулюдей и недочеловеков, — кто сумел проникнуть за вуаль тайны, окутывающую

Полярные города и самих Мыслителей…

Шторм был доволен тем, что увидел его «третий глаз». Отдав распоряжения, он отбыл в северном направлении на одноместном флаере. Возвратился Джаффа только через сутки, усталый, но торжествующий. В руках его был предмет, завернутый в необычную сверкающую ткань, предмет небольшой, но колени черного гладиатора подгибались под его тяжестью…

Закончив переговоры с Сент-Джоном, Рик отправился на главную улицу Нью-Тауна. Уже был вечер — Рик специально ожидал, покуда жизнь города не развернется в полную силу. Подошвы вздымали облачка охряной пыли. На немощеных улицах, образовавшихся сами собой между рядами хижин и забегаловок, бурлил народ — гуляющие космолетчики, свободные от смены шахтеры с домочадцами, бродяги, зеваки, жулики, крестьяне, воры… Все эти сословия были представлены как мужчинами, так и женщинами. В большинстве своем они прилетели с Земли, но встречались уроженцы и Венеры, и Пояса астероидов, и разных колоний.

Строения на главной улице представляли собой преимущественно салуны или грубые копии дорогих развлекательных заведений. То

это был Дворец Грез, где предлагались «умопомрачительные наркотики по разумным ценам», то «трехмерка» с фильмами семилетней давности, то стриптиз-бар с вывеской «Экзотические красавицы из сотни миров. Вход с несовершеннолетними воспрещен». Шум на улице стоял ужасный.

Рик удачно «отрулил» от затевающейся на самой середине мостовой драки и, остановившись в сравнительно тихой подворотне, стал наблюдать.

В толпе чувствовалась напряженность, злоба, не знающая, куда себя излить. Все мужчины были вооружены, многие — бластерами.

Рик поглядел на небо, прикидывая расстояние между лунами, затем кивнул самому себе и, двинувшись дальше, наконец завернул в двери заведения, гордо величавшегося: «Горнило. Самая горячая точка планеты». Точка эта была вдобавок и самой посещаемой в Нью-Тауне.

Группка утомленных девиц с Венеры механически извивалась блестяще-изумрудными телами в монотонном танце, который Рик видел лет пять назад в Лос-Анджелесе, когда»сходил с корабля на Земле. Скверно выглядящие мужчины в различных стадиях опьянения, навалившись

грудью на круглые столики, вели с девицами односторонние переговоры. К длинной стойке, декорированной преимущественно напитками в межпланетном ассортименте и простеньким флорентийским зеркалом-смотрелкой, позволяющей видеть в инфракрасных лучах, испускаемых живым телом, что давало интересные результаты, — было не протолкнуться.

Попихавшись немного, Рик отыскал свободный табурет и, заказав крепкое сине-зеленое пойло под названием «Бык», которое гнали в Джеккаре соотечественники пирата с колокольчиками, стал смотреть в зеркало.

Неожиданно кто-то ударил Рика локтем под ребро:

— Рик Уркхарт! Смотрите-ка, точно, Рик!

Шум рядом немного затих — соседи по стойке слегка удивились тону, каким были сказаны эти слова, и продолжение разговора услышали многие.

— Бог мой! А я — то думал, ты давно загнулся на шахтах Компании!

При последнем слове все «Горнило» обратилось в слух.

Рик поискал в зеркале отражение говорившего и увидел долговязого сухопарого типа, яростно

машущего ему рукой.

— Тексус!

С громким воплем Рик выпростал тело из плотной кучи любителей зрелищ и вспрыгнул на стойку. Теперь-то, он был уверен, все в зале обратили на него внимание, даже замученные девицы из данс-группы.

Рик прогарцевал между кружек и бокалов, наклонился и затащил долговязого к себе наверх. Они стояли на виду и изо всех сил лупили друг друга ладонями по спинам.

У Тексуса были скверные зубы, открытое лицо со скулами, едва не протыкавшими кожу, и ботинки на высоком скошенном каблуке. Еще одной неотъемлемой его чертой был спиртовой дух; он как будто существовал независимо от хозяина, просто ходил рядом, и все. Тексус работал гуртовщиком мясного скота в Поясе астероидов и был первым, кого бы Рик мог занести в список своих друзей за все время скитаний по космосу.

— Корова тебя забодай, это ты, в самом деле! — кричал Текс на всю таверну. — А я уж решил, что старина Рик попал в лапы чернецов, когда мы в тот раз шлялись по Старому городу.

— Так оно и случилось, — ответил Рик. — Но я устроил маленький сабантуй в шахте и сумел

удрать оттуда. — Рик старался, чтобы его слова были слышны всем. — Говорят, Джаффа Шторм опять собирается в город — «пополнять персонал».

Это замечание «Горнило» встретило медвежьим ревом.

— Оттуда еще никто не возвращался, — донесся голос сзади. — Как же это удалось тебе?

Рик показал свои запястья:

— Видите эти метки? Что, думаете, я носил наручники, чтобы вас поразвлечь? Да, мне повезло. Я убежал через заброшенный шурф. Зато остальные — нет. Знаете, что против нас использовали? Электронный разрядник на полной мощности. Я видел, что происходит с теми, кого уводят чернецы! Я жил вместе с остальными в бараке, надрывался в забое. Из меня, так же как из остальных, выдавливали жизненные соки. Просто мне выпала удачная карта. И вот теперь я говорю вам: если мы не расправимся с Джаффой Штормом и его бандой, то все перемрем в шахтах Компании!

— Точно, — согласился Тексус, когда шум поутих. — Но у Шторма сплошные тузы на руках. Я бы и сам с дикой радостью открутил ему шар, да вот только кто сможет пробраться к ним за

ограду?

— Я смогу, — сказал Рик. Он окинул взглядом подавшихся к нему разгоряченных мужчин. — Слушайте, парни! Вы, небось, знаете о недавних беспорядках в Старом городе. А я сам был там. Я видел, как Джаффа Шторм ворвался со своими людьми и расстрелял марсианского короля, а вместе с ним кучу их вождей. Марсиане собираются сегодня ночью напасть на Компанию. Неужели вы допустите, чтобы им достался пирог целиком?

Пришлось немного подождать, пока Рик не стал снова слышать собственный голос.

— И еще скажу вам. Пока мы не начнем действовать заодно с марсианами, Джаффа будет нас делать. Как котят!.. Да и почему бы нам не объединиться? Черт возьми, они ведь тоже люди! И мы, и они достаточно уже натерпелись от поганой Компании! Рано или поздно, но придется нам вступить с ней в борьбу. А если мы будем драться на два фронта — и с Джаффой, и с Рухом, — долго ли мы протянем, как считаете?

Рик дал мужчинам время обдумать проблему, а затем, понизив голос, перешел к конкретному делу:

— Я устроил так, чтобы пробраться сегодня

ночью на территорию. Есть у меня небольшой должок перед Джаффой. который я намерен ему отдать. Сколько людей хотят прогуляться по двору Компании, когда мы откроем изнутри ворота?

В воздух поднялось множество кулаков.

— Бери их, Текс. Идите к забору быстро, но без шума. Пока не началось дело, держитесь в стороне от марсиан, но потом действуйте вместе. По их части все уже улажено. Возьмите добровольцев, поднимите все коптеры и атмопланы, какие только есть, и сшибите электронные разрядники со стены около ворот. Если у меня не получится то, что задумано, используйте все оружие, которое сможете найти. Тогда вместе с марсианами вы разнесете ворота, это точно!

В тот же самый час Кира пыталась склонить своих соотечественников к совместным с землянами действиям, правда, пока не столь успешно. Вор в расшитом позументами мундире угрюмо хмурился; он вел себя с упрямой враждебностью.

— Земляне! — ворчал он. — Люди становятся братьями, если вместе пролили кровь за общее дело. Как мы можем брататься с землянами?

Собравшиеся вокруг стола испустили вопль.

— Никогда! — воскликнули все пятеро — представители от разных кварталов и сословий Руха.

Кира, теряя терпение, била крыльями:

— Эти земляне не причиняли вам вреда. Они не хотят нам зла! Они страдают от Компании так же, как и вы. Так же, как и вы, хотят возместить свой долг крови! По нашим же собственным законам, неужто мы откажем им в возможности исполнить это?

Люди вокруг стола задумались. Предводитель Воровского квартала хотел что-то сказать, но Кира опередила его:

— Вместе, марсиане и земляне, мы сумеем покончить с Компанией. Вместе мы — сила. По отдельности и мы, и они неизбежно проиграем бой. А объединившись, даже если… даже если Рик будет убит, мы пойдем в наступление и победим. — Она подождала немного, а затем воскликнула: — Земляне выступят независимо от того, поднимемся мы или нет! Неужели вы захотите отдать им победу целиком?

Марсиане вскочили из-за стола, крича:

— Нет!

— Мы вступаем в борьбу! Долой Компанию!!!

Глава 10

Рик нашел Сент-Джона и Эран Мака на взлетном поле.

— Добились разрешения?

— Да. Я сказал Шторму, что есть новости из Полярных городов, настолько важные для него и Фалло-на, что их можно передать только при встрече. Не знаю, поверил он или нет…

— Когда мы там окажемся, это уже будет неважно. Медленно шло время. В Нью-Тауне гасли огни, город затихал.

Сент-Джон отбросил окурок:

— Пора?

— Да. Поехали.

Они погрузились в маленький верткий флаер. Эран Мак окинул взглядом небо:

— Слияние двух лун, Рик. Благоприятный знак для Марса. Случайность или так было задумано?

— А вы как считаете? Захлопывайте люк, корова вас забодай, и вперед!

Рик внимательно следил за окрестностями и видел, как по дну моря из Руха двинулись толпы. Люди шли без огней, стараясь не группироваться,

и придерживались тени. Рик надеялся, что изрезанная местность и обманчивый лунный свет помогут незаметно подойти под самые стены Компании.

Здание административного корпуса сияло огнями, все службы работали на полную мощность. Из космопорта взлетели два грузовых корабля-гиганта, оставляя за собой хвосты оранжевого пламени. Миниатюрный флаер бросило в сторону струей воздуха от ракетных лайнеров.

— Стоп! — вдруг воскликнул Рик. Остальные двое в кабине недоуменно обернулись. — Почем знать? — забормотал он. — Шторм читает наши мысли… Раньше читал… Почем знать?..

И Рик без всякого предупреждения, разразившись хулиганской балладой про дочку космонавта и страдающую от одиночества комету, спихнул Сент-Джона с пилотского кресла и сам ухватился за рычаги. Глаза его блестели воодушевлением.

— Вы что, спятили?!. — возмущенно гаркнул Сент-Джон.

Однако Эран Мак остудил праведный гнев пострадавшего.

— Есть много вещей на небе и под ним, мой друг, — произнес он, — которые вам, землянам, неизвестны. Например, телепатия. — Мак прики-

нул, куда теперь они направлялись. — Вставайте с пола, Хью. И давайте споем.

Прикрывая песней, как щитом, свои мысли, Рик повел флаер к космопорту и низко завис над темной пустошью на хозяйственных задворках. Возвратив Сент-Джону право управлять машиной, он пояснил:

— Может быть, Шторм не так сильно загружен работой, как я думаю. Тогда он выудит из моей головы замыслы и подстроит ловушку. Так или иначе, возникла идея получше, а значит, будет больше шансов прорваться. Возвращайтесь как можно быстрее и велите людям остановиться подальше от стен и ждать, пока я не пробью брешь. А затем — пусть идут с песней!

— Как же мы узнаем, что вы пробились?

— Что-что, а это вы узнаете!

Сент-Джон нахмурился и быстро глянул в сторону космопорта. Лицо Рика стало жестким.

— Не беспокойся, он не сбежит, — тихо шепнул Эран Мак. — Давай, трогаем.

— Простите… — пробормотал Сент-Джон.

Рик ухмыльнулся и выпрыгнул из люка с трехметровой высоты. Флаер, быстро набрав скорость, пропал из виду.

Рик постоял. Похоже, за этим участком наблю-

дение не велось и высадку ночного десанта не обнаружили — какого дьявола кому-то сажать вертолет здесь, вдалеке от поля? Осмотревшись, Рик направился к рядам ангаров в полумиле отсюда.

Судя по размерам ангаров, в них стояли небольшие личные суда начальства Компании. Именно то, что нужно. Свет нигде не горел, а это означало, что в ангарах никого нет.

Последние несколько сотен метров Рик не шел, а полз по-пластунски, опасаясь невидимых лучей системы сигнализации, которые обычно направляют над землей на высоте колена, и наконец оказался в тени одного из ангаров, имевшего вид толстого наклонно поставленного цилиндра. Отсюда был хорошо слышен шум космопорта, где велась погрузка фаллонита и выгрузка поступившего с Земли оборудования.

Ворота были не заперты. Рик проскользнул внутрь и через сдвоенные двери воздушного шлюза вошел в корабль, стоящий на пусковой каретке. Это была красивая, даже шикарная, легкая в управлении машина, приспособленная и для космоса, и для атмосферы. Потея от спешки, Рик запихнул себя в скафандр, обнаруженный в шкафчике для одежды, пристегнулся в пилот-

ском кресле и начал колдовать над приборами и рычагами.

На шум прогреваемых двигателей неизбежно должны были прибежать, но Рик даже не бросил взгляд на поле — после того как мотор космического корабля завелся, всем — и внутри, и снаружи — остается только начинать обратный отсчет.

Рискуя оставить половину мотора внизу, Рик стартовал на холодных дюзах, с ужасным воем пронесся по взмывающей ввысь дуге и быстро вышел за пределы плотной атмосферы, затем развернул корабль носом вниз, подождал, пока гироскопы встанут на режим стабилизации, и ввел машину в пике, нацелив ее на территорию Компании. Одновременно он сбрасывал лишнее топливо, внимательно следя за расходомером, — хоть импровизированная тюрьма, в которой томилась Майо, и располагалась в противоположном административному корпусу крыле огромного комплекса, неприятную случайность необходимо было исключить вовсе.

«Космической бомбе» следовало упасть как раз там, где административный корпус подходил к северной стене, огораживающей территорию. Рик убедился в точности наведения, закрепил

рукоятки курса, дал полный газ и, катапультировавшись, поскорее включил ранцевый двигатель скафандра — приземляться в жерло действующего вулкана, да еще созданного собственными руками, совершенно не хотелось.

Ударная волна от взрыва закрутила Рика в воздухе даже на таком расстоянии. Это было прекрасно — административный корпус приобрел вид торта, на который сели. Могучей стене взрыв вреда не нанес, а деликатно положил ее гребнем наружу. Что происходило потом, разглядеть не удалось, потому что видимость резко упала из-за пожара, клубов дыма и густой тучи пыли с обломками.

Рик улыбнулся, по-волчьи оскалив зубы, и двинул на ранце к дальнему крылу комплекса зданий Компании. Сверху он видел, как черная лава выползает из моря и через брешь в стене вливается на огороженную территорию. Люди Земли и Марса вместе бежали вперед, топча серый мох; вспышки бластеров и лучевых шпаг перемешивались с блеском мечей, и уж, конечно, там, внизу, нашлась работа для шипастых кастетов, любимого оружия соотечественников Эран Мака.

Рик удовлетворенно подумал: «Заставь людей

пролить кровь за общее дело, и сделаешь из них братьев. Хотя бы на некоторое время… А мне дольше и не нужно».

Он нырнул вниз, в темень и тишину заднего двора комплекса, пользуясь вместо карты словесным описанием, что дала Кира, нашел домик Майо и освободился от скафандра, подсмеиваясь над дрожью в коленках и тревожно бьющимся сердцем. «Что-то ты больно разволновался, парень!» — пытался успокоить он себя.

Домик не был заперт; уже толкая дверь, Рик знал, что там пусто. Он ходил по комнатам, крича: «Майо, Майо!» — и вдруг увидел кровь на ковре. След был совсем свежий. Рик похолодел и потерял голос.

Капли вели из домика наружу и обрывались у небольшого сарайчика, скорее всего — гаража для коптера, припрятанного на случай чрезвычайных обстоятельств.

Рик побежал обратно. Он стал звать Киру, но ответа не дождался, хотя ей был дан наказ скрытно находиться здесь и помочь Майо бежать, если потребуется.

Невдалеке шел бой между гвардией Шторма и совместными силами земной и марсианской черни. Действия неорганизованной толпы были

ужасно шумными, но неэффективными, и обученные «болотники» без особого напряжения держали оборону.

Рик побежал навстречу бою; раны на ногах стали настойчиво напоминать о себе, пришлось перейти на шаг. Вот и рабочие бараки — распахнутые настежь, как он и приказывал, ворота скрипели на ветру.

Это, правда, оказалось единственным, что прошло согласно плану; остальное утонуло в неразберихе большой драки.

Азарт боя захватывал, и все-таки Рик не столько орудовал бластером, сколько искал, не попадется ли на глаза Сент-Джон или его приятель. Рику нужен был их коптер, а не они сами. Мысль о Майо сводила его с ума.

Ударами с трех фронтов — обитателей Старого и Нового Руха, а также освобожденных шахтеров — сопротивление охраны Компании было довольно быстро сломлено. Выходка Рика с кораблем — «тараном» с самого начала предрешила исход дела, а когда исчез Джаффа, венерианцы потеряли стимул к бою. Короче говоря, битва за освобождение планеты закончилась на удивление быстро.

Сент-Джона Рик нашел возле огромной ворон-

ки, образовавшейся в результате космического бомбометания. Административный корпус превратился в гигантскую кучу строительного мусора. Хью и Эран Мак, нагнувшись, рассматривали искореженный металлический предмет.

— Бог знает, что это такое, — говорил Сент-Джон. — Никогда раньше не видел у Фаллона ничего подобного. Скорее всего, что-то секретное.

Эран Мак прикоснулся к вещи и слегка вздрогнул.

— Его сделали для смерти. Ты тоже должен это чувствовать…

Марсианин, заметив Рика, приветственно замахал рукой, но очень быстро изменился в лице:

— Что-то случилось?

— Шторм увез Майо. У него был спрятан коптер… Где ваша машина?

— Наша не полетит, — выпалил Сент-Джон с неожиданно побелевшим, напряженным лицом. — Осколками повредило винт. Давайте лучше немедленно свяжемся с Планетарным Правительством, а заодно с межпланетными властями. Если Шторм покинул Марс, его схватят в месте высадки. — Сент-Джон съежился, поймав полный невысказанной ярости взгляд Рика. —

Это единственное, что мы можем сейчас сделать! Идемте.

Они нашли телеэкран в лаборатории, не пострадавшей от взрыва. Пока Сент-Джон посылал сообщения, Рик беспокойно ходил по комнате, морщась от боли в ногах, однако не в силах усидеть на месте. Кроме Эран Мака, который стоял, прислонившись спиной к двери, курил и следил своими подвижными глазами, как Рик меряет расстояние от стены до стены и обратно, в помещении никого не было.

Сент-Джон выключил связь.

— Ну-с, теперь перейдем к делам.

— К черту дела! — гаркнул Рик. — Мне нужна Майо. А что касается остального… — Рот его скривился в ухмылке. — Это мои люди. Я собрал их, я и буду командовать — Он постучал костяшками пальцев по металлу Обруча Руха. — На Марсе один закон — сила. Теперь сила у меня. Я не прочь играть с вами в одной команде, только не слишком путайтесь под ногами. Могу обещать, что не буду вести дело гак, как Шторм…

— …До тех пор, пока вас не вынудят люди или обстоятельства, — прервал Сент-Джон инаугурационную речь Рика. — Или пока вы не превратитесь в него Стало быть, Марс — ваша

игрушка?

Лицо Рика сделалось неподвижным, взгляд как бы обернулся внутрь. Он произнес задумчиво:

— Я обещал Майо, что подарю ей Марс, словно жемчужину на шейной цепочке… А'болыне пока и не знаю, что с ним делать. Для меня все выглядит здорово — и то, и это… Да черт с ним, с вашим Марсом! — вдруг, становясь прежним Риком, воскликнул он. — И с вами тоже. Может, на взлетном поле есть живой коптер — надо приказать, чтобы поискали…

С этими словами Рик протянул руку к выключателю. Он слышал, как колокольчики в ухе пирата тинькнули и вдруг разразились перезвоном, и резко обернулся. Болячки на руках и ногах сделали его немного неповоротливым, иначе лежать бы Эран Маку с большущей дырой во лбу…

Сейчас на полу оказался Рик.

Марсианин стер ладонью несколько светлых волосков, прилипших к тяжелой рукоятке его оружия. Сент-Джон облизнул губы и сказал укоряюще:

— Не надо было так!

— Почему же? — Пират, деловито связывая лежащего, говорил совершенно спокойным тоном. — Этот верзила безответствен, словно дитя.

Делать с ним политику — то же, что играть с тигром. Без намордника… Представь себе, во что превратится Марс через пять лет его правления!

Сент-Джон медленно кивнул:

— Да… Император-варвар не сможет принести ничего, кроме войн и жестокости. Но, с другой стороны, без Рика мы бы ни за что не победили.

— Все правильно, однако скажи, за что он боролся? За Марс, за тебя, за меня?.. — Мак выпрямился и, сдвинув брови, разглядывал «императора», задумчиво теребя свое музыкальное ухо. — Как с ним поступить — вот закавыка! Убить нельзя, это приведет к возникновению культа поклонников. Чертов Обруч!..

Внезапно Эран Мак возбужденно щелкнул пальцами:

— Надо достать кислоты. Мы же в химлаборатории! Растворим пружину — и дело сделано. Без Обруча Власти он превратится для марсиан в ничто. А землянам скажем, что Рик нагрел их на столько-то миллионов, запустив лапу в фонды Компании. После этого Рик Первый, он же Великий, кончится, не начавшись.

— Как грязно, Мак! — с отвращением воскликнул Сент-Джон.

— Иногда проигрыш в честной борьбе приво-

дит к грязи большей, нежели победа с помощью обмана. Подумай не о Рике Гунне Уркхарте, а о Марсе. Ну давай же, Хью! За дело!

И Хью Сент-Джон принялся за дело.

Глава 11

Ричард, Гунн и Уркхарт никак не собирались в единое целое. Наконец, после серии титанических умственных усилий, троица снова стала Риком.

Судя по расчлененности сознания, а также по ощущению, что в голове болтается маятник от стенных часов, а во рту лежит дохлая жаба, Рик сообразил, что его накачали цамо — наркотиком, имевшим на Марсе широкое хождение.

Потолок — в те минуты, когда Рик обретал способность видеть и соображать, — выглядел закругленным с боков, как в космической каюте. Подсознательно фильтруя и анализируя на основе многолетнего опыта звуки, приходящие извне, одурелый мозг Рика с натугой, но выдал решение, которое гласило, что корабль стоит в порту под погрузкой и в стартовую зону пока не отбуксирован.

Тело колотила дрожь. Рик не спешил просыпаться до тех пор, пока не обнаружил, что его правая рука с помощью «браслетов» соединена с ножкой койки. Только после этого чувства

начали постепенно возвращаться к нему. Цамо изрядно отравил мозги, и связное мышление давалось с трудом — Рик даже вспотел, пытаясь не дать разбежаться мыслям. Он с кряхтением и стонами сел на койке, сотрясаясь крупной дрожью и сыпля проклятиями, полный ярости и отчаяния.

На вопли никто не откликался; до двери каюты дотянуться не выходило. Поборовшись некоторое время с цепочкой, он сдался и затих, прекратив внешние проявления бури, бушевавшей внутри.

Сидя на койке и бешено озираясь по сторонам, Рик обратил внимание на письмо, «домиком» стоящее на столе у изголовья. Письмо было адресовано ему. Рик разорвал конверт и прочел:

«Согласен: бессовестно грязный трюк с нашей стороны, но вы не оставили нам выбора. Будущее целого мира стоит больше, чем вы или мы. Итак, на вашем счету в нью-йоркском отделении Межпланетного банка лежат пятьдесят тысяч интеркредиток. Надеюсь, деньги помогут вам подлечить шишку на голове. Не пытайтесь возвратиться на Марс — все жители планеты получили вполне правдоподобные объяснения ваших действий, и вас, скорее всего, пристрелят, как утку, еще при подлете. Кроме того, как вы сами говорили, нет на Марсе закона, есть одна

сила. Теперь сила в руках у нас. Постарайтесь проявить благоразумие и больше не совать голову в отверстия таких предметов, для которых она не годится. Желаю успехов. Эран Мак».

Далее шел постскриптум:

«Насчет Майо не беспокойтесь. Мы перевернем небо и землю, но поможем ей».

Рик взревел, словно разъяренный Кинг-Конг, скомкал письмо и швырнул его в угол. Неожиданно он почувствовал себя ужасно больным.

Он лежал, обливаясь холодным потом, и слушал, как идет погрузка. Ушей достигал приглушенный шум работ — рокот моторов, крики докеров, тупой грохот сбрасываемых в трюмы тяжелых предметов. Затем Рик снова начал бушевать.

Наконец вошел бой с подносом в руках. Обыкновенный стюард, мальчишка, каких миллионы служат на судах. Из обтрепанных бридж торчали худые лодыжки, на лице была написана привычная осторожность. Вел паренек себя, как уличная собака, уже знающая, что такое человек не в духе. Он опустил поднос на столик, стараясь держаться вне пределов досягаемости.

— Где я? — хрипло спросил Рик.

— Порт Джеккара. — Паренька явно впечатля-

ли габариты и матерость пассажира.

— Что за судно?

— «Мэри Эллен Доу», пункт назначения Земля. Отбываем через три—четыре часа.

Рик вскочил, забыв, что прикован к койке.

— Значит, сейчас начнут буксировку, и тогда я влип! Позови капитана.

— Невозможно. Кроме меня, до взлета в пассажирском отсеке никого не будет. Приказ. — Мальчишка повернулся к двери, не спуская взгляда со здоровенной, дочерна загорелой забинтованной ручищи.

Рик усмехнулся:

— У тебя, вижу, тоже есть боевые шрамы, — и показал на фонарь, сиявший под глазом паренька. — Кошечкина лапка, бьюсь об заклад!

И хоть никакая это была не «лапка», а просто у кока не прошло похмелье, паренек сказал, надувшись от важности:

— Ага. Схлопотал тарелкой у мадам Кан. Бывали?

— Смотри-ка, разбираешься в бабах! Лучшее место на Марсе.

— Да ну-у! — Парень снисходительно глянул на Рика. — Местные девицы не в моем вкусе. Больно кожистые.

— Зато темпераментные… — Рик поморщился. — Боже, как трещит башка! Кто это меня так наширял?..

— Не знаю. Когда вас несли, вы уже были синенький. Это произошло три дня назад. Попробуйте глубоко дышать. Ну как, легче?

— Ладно, сам догадаюсь.

Впрочем, особенно ломать голову не приходилось. Сначала Эран Мак оглушил его, а затем накормил зельем. И Обруч Руха тоже никто больше снять не мог.

Рик с интимной дружелюбностью поглядел на боя:

— Прикрой дверь и подойди сюда. Есть разговор.

— У меня… у меня нет ключа! — скороговоркой сказал парень.

— Да знаю я… Не спеши. Ты, вот что, подними вон то письмо и прочитай его.

Мальчишка с опаской повиновался. Глаза его забегали по бумаге и вдруг распахнулись.

— Пятьдесят кусков!.. — простонал он.

— Снял бы мадам Кан на ночь, будь у тебя столько?

— Не-е… — Взгляд паренька устремился далеко-далеко, лицо стало мечтательным. — Нет. Я

бы выкупил у хозяина свой контракт и завел собственный корабль… Ну, половину. И летал бы на нем аж до самого Пояса, а то и до Юпитера…

— Считай, что корабль у тебя в кармане.

Стюард, очнувшись, посмотрел на Рика; плечи его обвисли, уголки рта печально опустились. Он повернулся и хотел уйти, но Рик сказал вдогонку:

— Я не смеюсь. Да постой ты, чучело! Я играю в игру, где ставка повыше, чем жалкие пятьдесят тысяч, и если уйти отсюда не удастся, я потеряю нечто, намного более ценное. Предлагаю тебе — продай ключ от наручников за пятьдесят тысяч интеркредиток.

Мальчишка застыл, выпучив глаза. Трижды он открывал рот, пока наконец оттуда не вышли слова:

— Нету ключа… у меня…

— Я сам служил судовым боем. Найди!

Парень запустил обе пятерни в прическу. Ему стало трудно дышать.

— Я не хочу валяться по ночам под скамейкой на улице! — выкрикнул он. — Меня с восьмыми склянками вышибут отсюда, если только вы сбежите!..

— Дай сюда письмо. — Рик пошарил по кар-

манам и нашел огрызок карандаша. — Как твое имя?

— Янки. Уильям Ли Янки. — Стюард, не подходя близко, положил скомканную бумажку на койку.

Рик разгладил письмо и аккуратным почерком вывел на обороте:

«Настоящим подтверждаю, что Уильям Л. Янки исполнил для меня работу на сумму пятьдесят тысяч интеркредиток. В связи с этим мой счет в Межпланетном банке (номер см. на обороте) прошу перевести на имя вышеупомянутого Янки Уильяма Ли».

Рик поставил подпись и отдал письмо. Паренек, медленно становясь пунцовым, скрутил бумажку в трубочку и спрятал поглубже.

— Подождите секунду…

Рик ждал целую вечность; сердце колотилось гак, словно было намерено пробить дыру в груди. Он смотрел в стену, а перед глазами стояло лицо Майо — такое, каким он в последний раз его видел: с кровавыми и сверкающими дорожками на матово-белой коже, с темными глазами, полными сострадания, страха и любви… Парень вернулся. У него был ключ!

— Нашел в запасных брюках кэпа, — ухмыльнулся он. — Надо спешить, уже подводят бук-

сиры.

Рик услышал, как мощные электромагниты рокочущих буксиров со стуком прилипли к обшивке корабля. Все было готово к перетаскиванию судна в стартовую зону. Установка на разгонную тележку должна занять несколько часов, но после начала этой операции выбраться наружу будет невозможно.

Клацнул замок «браслетов», и Рик, сбросив оковы, вышел вместе со стюардом из каюты. В коридоре было пусто — офицеры находились на мостике, команда лежала в гамаках. Зачастую буксировка проходит тяжелее, чем взлет.

По всему кораблю гремели звонки. Воздушные шлюзы уже вставали на запоры.

Бой дернул Рика за рукав.

— Мусоропровод! Вон туда.

Они побежали. Ноги Рика были как ватные, но он, чертыхаясь, работал ими изо всех сил.

Вот и люк мусоросборника; толчком сжатого воздуха Рика и стюарда мягко выбросило наружу, где с оглушительным ревом тужились буксиры, пытаясь сдернуть исполинский корабль с места. Рассвет еще не наступил — Деймос издыхал на западе, а солнце на востоке пока не родилось; никто не заметил двух людей, пробегающих под

корпусом «Мэри Доу».

Рик притормозил в тени, которую отбрасывал титанических размеров стартовый ускоритель, скромно называемый «тележкой», и вдруг обнаружил, что паренек бесследно исчез.

«Ишь, недоверчивый, — криво усмехнувшись, подумал беглец. — Решил, что я его прирежу и отберу письмо. Соображает!»

Заботы, как бы угнать коптер, заставили быстро забыть и о мальчишке, и о пятидесяти тысячах. В одежде космолетчика Рик мог чувствовать себя относительно спокойно, если только Сент-Джон с приятелем не расклеили его фотографии на всех углах.

В голову ничего путного не приходило, и Рик, плюнув, поступил самым примитивным образом — двинулся открыто и не торопясь, как будто это был его родной порт. Лишь раз он остановился подобрать увесистую железяку, превосходно уместившуюся в широкой ладони, и зашагал дальше, непринужденно поигрывая груженым кулаком. Однако как ни старался, добродушный вид напустить на себя он не мог.

Вертолетное поле располагалось милях в полутора от погрузочной площадки космодрома. Между двумя этими точками сновали джипы,

останавливаясь то у складов, то около мастерских или каких-то сараев. В этот ранний час порт Джеккара жил напряженной трудовой жизнью.

Проезжавший мимо пикап притормозил, и шофер крикнул:

— Давай, командир, подвезу!

Отказаться было опаснее, чем сесть, — ни один нормальный летчик не согласится как угодно хорошо идти, если можно доехать.

— Только что оттуда? — Водитель показал пальцем вверх.

— Угу.

— Так ты не знаешь, небось, какие дела тут у нас творятся! — радостно воскликнул парень.

— Нет. — Рик старался пореже раскрывать рот.

— «Земная горнорудная» испустила дух. Точнее, из нее дух вышибли. Наши ребята, не будь дураками, взяли управление в свои руки. А то уж выходило, что Компания вот-вот подаст заявку на владение всей планетой. Теперь парни все там расследуют — кто, кого, за что и чем. Чудные дела, чего и говорить! На днях новое правительство собрали — толково действуют, молодцы! — Шофер неожиданно рассмеялся: — Одно только непривычно — мы теперь будем ходить в одной упряжке с марсиками! Ну и ладно, ведь это их

пирог, и если они отрежут мне кусочек, я не возражаю.

— Угу, — промычал Рик. — Здорово!

— Знаешь, как кому, а мне подходит. — Шофер, щурясь, смотрел на дорогу.

Стало заметно светлее.

— Про птичку Уркхарта тоже ничего не слыхал? Смех да и только! Рик — такая, значит, у птички кличка. Насвистел всем про будущее Марса, завел песни — то да се… Раскрутил людей-то, устроил стрельбу, а сам — бац! — слинял от своих друзей с чемоданчиком. А в чемоданчике — все, что было в сейфе Компании! И еще спер воротник железный, это у марсиан какая-то древняя святыня. Лучше ему сюда не возвращаться — лишат здоровья и те, и эти.

Рик промолчал. До вертолетного поля было еще далеко. Шофер продолжал трепаться:

— Теперь у нас уйма народу собирается покупать землю. Поставят города, почву удобрят… Смотри, как на Марс будущее пришло — с Земли! Конечно, работы предстоит по горло, но когда мы прорвемся — это будет зашибец! А чего, вдруг мой пацан станет президентом? — Шофер повернул голову к молчаливому пассажиру: — Ты-то сам не хочешь отхватить себе кусочек Марса? А то

ведь космос чем кончается — седыми волосами да гравитационными бандажами…

Голос у водителя вдруг пропал, глаза вылезли на лоб:

— Эй! Да ты… Ты кто?.. Братцы, это же…

Договорить он не успел — получил армированным кулаком в ухо. Однако парень оказался крепким. Полуоглушенный, он навалился грудью на клаксон. Джип заблеял по-козлиному, водители других машин начали притормаживать и озираться.

Рик вышиб излишне разговорчивого собеседника из кабины и вцепился в баранку. Загудели сигналы других машин, джипы на полном ходу разворачивались, поднимая фонтаны красной пыли, и мчались к месту происшествия. Рик вдавил педаль газа в пол.

Цамо, не до конца выветрившийся из мозгов, подавлял все чувства, кроме рефлекса ориентирования, как у лунатика. Рик и был сейчас совершенным лунатиком — летел на полной скорости, включив сигнал и предоставляя встречным самим решать, каким образом убраться с дороги.

И люди решали, слава Богу, успешно. Некоторые, правда, так поздно, что машина проносилась

на волосок от них. Второго сумасшедшего под стать водителю, которому все равно, стоит кто-то на его пути или нет, не нашлось.

Рик, пробив ограду, ворвался на вертолетную площадку. К этому времени по всему космопорту уже жужжали зуммеры и суетились встревоженные люди, однако пока никто не знал, что именно произошло.

На площадке трое механиков как раз прогревали двигатель небольшого быстроходного коптера. Туда Рик и рванул на всей скорости. Из-под передка пикапа, как три спугнутые куропатки, брызнули в стороны обезумевшие механики. Рик выпрыгнул на землю, дав несущемуся автомобилю свободу самостоятельных действий. Из-за вертолета вышел хозяин, приблизились и недовольные механики. Раздалась брань. Рик набычился, сжимая самородный кастет. Двое из парней с первого удара полетели на землю; третий так обалдел, что добровольно упал без чувств. Хозяин вертолета только взглянул на это и был таков. В общем, прежде чем кто-либо успел появиться в стартовом секторе, Рик взмыл в воздух.

Он постарался сразу набрать максимальную скорость, целя туда, где вдали виднелась гряда

невысоких сопок. Вдогонку вылетело шесть или семь машин. Рик включил телеэкран, слушал и похохатывал, хотя ничего смешного вроде бы не говорилось. А передавали вот что: его исчезновение с «Мэри Доу» было обнаружено, и капитан по этому поводу взывал к небесам; шофер джипа пришел в себя настолько, что сумел внятно объяснить, кого он подвозил, а главный диспетчер давал общий вызов другим портам в связи с угоном вертолета.

Сообщения о происшествии шли то в адрес Патруля, то направлялись Хью Сент-Джону. Рик никогда раньше не наблюдал, чтобы на Марсе реагировали так оперативно. Водитель был прав — к «этому типу Уркхарту» люди питали чувства определенного сорта.

Рик не выключал коммуникатор, чтобы оставаться в курсе событий; на экране разгоряченные люди наперебой требовали, чтобы он ответил. Рик вырубил питание передатчика и отвечал каждому в частном порядке.

Преследователи висели на хвосте, но обогнать Рика никто не решался. Внизу проносились изрезанные каньонами лысые сопки, похожие на зубы великана, больного кариесом.

Между светлыми бровями Рика пролегла глу-

бокая складка. Ситуация сложилась патовая — преследователи не могли достать беглеца, а тому не хватало скорости, чтобы уйти. Координаты Рика уже были растранс-лированы по всему Марсу, и очень скоро следовало ждать появления полиции, а заодно наверняка и людей Сент-Джона. Аэродромы, где можно дозаправиться, без сомнения, предупреждены и посадки не дадут. Да, похоже, идея с вертолетом оказалась не совсем удачной…

Все эти мысли проносились у беглеца в голове, пока тот внимательно изучал ландшафт. Однако панике Рик не поддавался; он холодно просчитывал варианты.

В эфире зазвучала марсианская скороговорка — суда планетарной полиции сообщали друг другу свои координаты. Стало ясно, что он взят в кольцо.

Вдалеке, за линией сопок Рик заметил красное облачко, выползавшее из пустыни. Беглец издал ртом что-то похожее на торжествующий смех и навалился на рулевой рычаг. Маленькое воздушное суденышко, описав крутую дугу в полнеба, с воем работающего на пределе мотора устремилось к песчаному вихрю и через момент в нем исчезло.

Глава 12

Коптер забрался в самую глубину смерча — одного из тех яростных вихрей, которые возникают из ничего, когда сталкиваются лбами два одиноких вольных ветра и затевают богатырскую борьбу.

Вот и сейчас они схлестнулись над холмами, швырнув свои пылевые мантии в лицо друг другу. Любой летательный аппарат, менее устойчивый в воздухе, нежели геликоптер, был бы размазан о землю в первую же минуту. Но маленькая воздушная машина отважно противостояла натиску стихии, то уворачиваясь от мятущихся потоков, то следуя туда, куда они ее влекли, но неизменно «держась в седле». Автопилот показывал себя неплохим наездником в этом авиародео. Рик выбрал параметры курса и зафиксировал ручки управления, затем нашел на полочке спаскомплект, надел ремни, плотно обмотал лицо тряпкой и нырнул в люк.

Тело спеленали грозящие удушить, плотные, словно скрученные простыни, струи песка. Песок залез во все швы одежды, царапал глаза под

зажмуренными веками, набился в нос и скрипел на зубах.

Рик еще раз рванул кольцо парашюта — что-то уж слишком быстро он падает. В грохоте ветра никак нельзя было услышать, надувается спасательный баллон или же вместо этого с телом человека несутся к земле обрывки оболочки из синтешелка. О том, чтобы посмотреть, здесь следовало забыть.

Наконец ремни обвязки начали подтягивать под грудью и под ягодицами, скорость падения уменьшилась. Рик почувствовал, как покрывается холодной испариной, словно парашютист-новичок. Подумав о парашюте, он вздрогнул и возблагодарил провидение, озарившее кого-то идеей использовать для спасения в воздухе надувающийся сверхлегким газом баллон, который через три секунды после активации мог удержать вес человека.

По расчету, коптер уже должен был выйти из «маскировочной завесы» и лететь за сопки, уводя преследователей прочь. Теперь есть какое-то время, чтобы затеряться среди холмов — если, конечно, в ближайшие секунды ветер не расплющит его о подвернувшуюся некстати скалу.

К счастью, надувной шар выбросило на грани-

цу песчаной бури. Заметив, что стало светлее, Рик размотал тряпку и, прикрыв глаза ладонями, стал подглядывать в щелки между пальцами. Внизу проплыла изрезанная вершина, смутно различимая, будто дело происходило под водой; затем впереди возникло что-то большое и по виду твердое.

Рик поджал ноги и скоординировался, чтобы принять удар. Посадка получилась жесткой, не более. Рик дернул шнур выпускного клапана, отчаянно цепляясь за шершавый камень. Ветер тащил баллон, а с ним и того, кто к нему пристегнут, и скоро пальцы Рика были ободраны в кровь, но он удержался.

Наконец оболочка «погасла». Рик отцепил ремни, и похудевший шар-спасатель, громко хлопая крыльями лишней ткани, полетел вдогонку за уходящим смерчем.

Неожиданно стало светло и тихо. Тут и там лежали сугробы красного песка. Небо очистилось — ни облаков, ни воздушных машин. Рик находился в месте рождения лабиринтного каньона. Здесь это был просто большой овраг, зато дальше пологие откосы превращались в отвесные стены многометровой высоты. Там, внизу, плутая по полутемным извилистым коридорам, вы могли

прийти куда угодно. Точнее, никуда. А еще точнее, к смерти — от жажды, голода и отчаяния.

Рик приметил, в какой стороне солнце, и начал спуск. Он без особых приключений достиг дна оврага и выбрал коридор каньона, ведущего в том направлении, куда, как считал, нужно идти. Двигался он осторожно, стараясь не шуметь, часто останавливался и прислушивался. Ему кое-что рассказывали о ритуалах местных обитателей.

Здесь жило племя Шана и еще какой-то народ, поселившийся в этих краях раньше. «Раньше» на Марсе значит не меньше десяти тысячелетий. Где-то впереди, у подножия холмистой гряды стоял город Валкис. Вся местность была исконно марсианской.

Каньон извивался, непрестанно меняя направление. Было жарко и сухо; язык стал, словно большой ком ваты. Рик проклинал нерасторопность механиков, не успевших залить в коптер воду к его прибытию. В ногах пульсировала боль. Тишина… Над головой, словно со дна могилы, виднелась узкая полоска неба. Остатки цамо порождали дикие мысли, казалось — вот сейчас на голову начнут сыпать лопатами землю.

Резкий поворот. Через расселину в левой стене каньона, как через окно, можно было разглядеть

город у подножия холма, прижавшийся к берегу канала, что медленно нес мутные воды.

Скверный город Валкис. Барахолка, на которой сбывали краденое; место, где скрывались разыскиваемые преступники; отстойник порока. Если кто попадал сюда — особенно женщины, — о тех больше не слыхали. Но было здесь и кое-что хорошее: аэродром с двумя—тремя замаскированными ангарами, где стояли суда, которые за честные деньги не купишь. Роскошные машины с таким мотором, что даст сто очков вперед лучшей полицейской технике.

Рик внимательно осмотрел подступы к взлетному полю. Теперь можно позволить себе немного отдохнуть и с наступлением темноты спуститься с холма на промысел. А потом... Ну да ладно, еще есть время подумать.

Он оглядывался по сторонам в поисках укромного места, чтобы поспать, и вдруг почувствовал, что окружен. Рик не слышал ничего, кроме звуков дыхания и шарканья обуви по камням да скрипа кожаной сбруи, но этого было вполне достаточно.

Люди появились сразу спереди и сзади. Высокие, с грубыми лицами и жестоким взглядом, они держали в руках копья, на поясе у каждого висел

нож. Звериной силой веяло от незнакомцев. Варвары Шана…

Стороны некоторое время молча изучали друг друга. Наконец крупный мужчина мотнул подбородком в направлении города:

— Ты хочешь попасть в Валкис, землянин по имени Рик?

— Откуда вы меня знаете?

— Тебя знают все. Ведуны присылали свой разум в каждую деревню и показали, как выглядит человек, соединивший Землю и Марс.

— Да, я иду в Валкис. — Рик подумал, что пока не стоит выяснять, в каком виде его представили ведуны.

— Жители Валкиса — наши братья. Мы приведем тебя туда.

Глаза Рика блеснули.

Люди с копьями начали приближаться, безмолвные и торжественные. Рик медленно поднял руки и привалился спиной к крутому откосу.

— Видите, я безоружен. Я устал. Будьте поласковее, и я стану вести себя хорошо.

Они были ласковы. Слишком ласковы для варваров с огрубелыми душами, полными первобытной ненависти. Интересно, что означали слова о братьях?

Немного погодя, во время спуска по ущелью, голому и каменистому, Рику пришло в голову, что за торжественностью шани скрывается какая-то затаенная, но сильная эмоция. Похоже, они очень обрадовались, увидев «землянина по имени Рик».

В город вошли, когда уже наступали быстро густеющие сумерки. Ноги Рика были в таком состоянии, что шани большую часть пути несли его на импровизированных носилках из копий, застеленных шкурой. Создавалось впечатление, что они желали, чтобы пленник отдохнул и набрался сил. Руки у него были связаны.

Судя по тому, сколько народа высыпало на улицы, торчало на плоских крышах каменных домов и выглядывало из ворот, глазея на кортеж, появлению гостя предшествовало некое телепатическое сообщение. Жители Валкиса, в отличие от варваров, были мелкорослыми, юркими, все как на подбор с крысиным личиком. Мужчины носили пестрые накидки; у женщин в ушах, в черных косах и на щиколотках висели колокольчики.

Не было ни речей, ни насмешек, ни проклятий. Рик шествовал, окруженный своей свитой, а марсиане смотрели на него изумрудными и

топазовыми раскосыми глазами, не имеющими белков — одна радужка, — и не произносили ни слова. С последним лучом солнца, высветившим запад, раздался барабанный бой.

Звук шел спереди, из центра города. Барабан пробил шесть раз, бодро и властно, и смолк. По этому сигналу толпа, высыпавшая на улицы, двинулась следом за эскортом все так же молчаливо, лишь легкомысленным смехом звенели колокольчики на ногах.

Барабан ударил снова: шесть толчков сотрясли воздух. Внезапно раздалось звучание арф — странных двухрядных музыкальных инструментов, распространенных везде в зоне Нижних Каналов. Звук арф оказывал нездоровое, подобное наркотику воздействие на нервную систему слушателя, за что арфы и ценились. Барабан перешел на сложный, в синкопу ритм. Весь город, как один человек, судорожно втянул воздух и медленно, с шумом выдохнул.

Ричард Гунн Уркхарт твердо вышагивал, глядя прямо перед собой из-под надменно полуопущенных век. Зябли связанные руки, зато по телу катил пот. Начала подергиваться правая щека.

При входе в город Рик приметил, где расположено взлетное поле — оно лежало на севере, вниз

по каналу.

Процессия подошла к черной воде, медленно текущей между камнями, и направилась как раз к северу, где светилось оранжевое зарево факелов. Там была площадь; булыжник мостовой протерся до вмятин бесчисленными поколениями людей в сандалиях.

На площади находились музыканты: барабанщица и арфистки — старые женщины, носившие только видимость одежды; почти все тело обнажено, никакой раскраски или татуировок, даже голова обрита. Женщины в трансе плясали ритуальный танец, глаза их остекленели, худые плечи резко вздрагивали при вдохе.

Отплясав, старухи присели полукругом около огромного плоского камня-монолита, возвышавшегося на метр над землей. Камень был черным, отполированным до антрацитового блеска прикосновениями многих рук. Вниз, под монолит, вели ступени.

Рик стрелял глазами по сторонам, пытаясь найти путь для спасения, и не находил. Слишком много людей; надо выждать, пока не развяжут руки и не снимут с ног путы, позволяющие только идти, но не бежать. Варвары Шана ни на секунду не предоставляли пленнику малейшей возмож-

ности для побега.

Когда повели вниз по каменным ступеням, Рик припомнил, что ему рассказывали о местных божествах — хотя, конечно, какое доверие байкам «бывалых»? Валкис хорошо хранил свои секреты. Как бы то ни было, слухи о том, как здесь обращаются с пленниками, среди космолетчиков ходили, и не очень приятные…

После долгой прогулки в темноте по подземному коридору Рика вывели в крытое прямоугольной крышей вытянутое помещение — видимо, храм. Крышу, точнее навес, поддерживали разлапистые каменные колонны.

Первое, что отметил Рик, — здесь было жарко. Марс — холодное место, а тут под землей царила жара, словно на Венере. На круглых каменных тарелках, установленных между рядами колонн, горели огни; за ними присматривали такие же, как наверху, обритые ведьмы.

Помимо жары здесь было вдобавок влажно, как в бане. Откуда-то доносилось клокотание кипящей на раскаленных камнях воды, которая поступала, по всей видимости, из канала по трубе. Удушливое облако пара стояло в воздухе, заставляя и людей, и даже камни обильно потеть. Музыка доходила едва слышным эхо.

Толпа, нахлынув в храм, оцепила широкое воронкообразное отверстие посередине зала. Рик заглянул туда — воронка оказалась глубокой, порядочно глубже его роста, и, слава Богу, пустой и не грязной. Внизу в круговой стене были устроены четыре отверстия или ниши, завешенные алым шелком.

Сопровождающие поставили Рика на краю дыры, и кто-то — о, чудо — впервые за все время заговорил.

Перед Риком вырос человек — может быть, мэр города, или главный жрец, или одновременно и то и другое, оглядел с ног до головы. Человек этот излучал чуть ли не физически ощутимую ауру ненависти.

— Смотрите на него, — прошептал человек. — Смотрите!

Каменные стены храма подхватили его свистящий шепот и разнесли эхом по всему помещению.

— Тень над Марсом! Мрачная тень чужого правления, тень смерти для нашего мира и наших людей. Вор и лжец, человек, надевший на нас ярмо! Не будь его, не было бы объединения.

Над толпою пронесся звук, будто волк облизнул свои зубы.

Рик вызывающе засмеялся:

— Это очень плохо для вас, правильно я угадал? Как только у нового правительства найдется свободная секунда, оно выметет вас отсюда, точно выводок тараканов. Ясно теперь, отчего вы такие грустные. Старый порядок, когда царило беззаконие, был для вас намного удобнее.

Человечек отступил на шаг и с дьявольской точностью ударил Рика ниже пояса.

— Развяжите его и опустите в яму. Опустите ласково.

И снова шани были очень, очень нежны…

Глава 13

Слегка запыхавшийся от вежливого с ним обращения, Рик сидел в воронке на корточках, переводя дух. Сверху глазели сотни окруживших яму людей. Кольцами вился пар.

Снова наступила тишина. Тишина сейчас была злобной тварью, затаившейся и выжидающей.

…Тяжелая, удушливая жара, словно в джунглях; воздух — мертвый, неподвижный, едкий от запаха пота… — Но что там еще за вонь? Жирный, темный запах перегноя, почвы, удобренной органикой. Запах, совершенно чуждый Марсу с его разреженным сухим воздухом и каменистым грунтом, на котором росли только кактусы да ломкая колючка.

А потом накатили волны аромата…

Аромат пробивался сквозь грубые запахи, поднимался, взлетал над ними, подобно тому, как единственная нота скрипки выделяется на фоне басов. Слабый, как будто доносился издали, он все равно щекотал ноздри, словно духи, которые применяют девушки с улицы Тридцати трех удовольствий, если только нанести их на душу,

а не на тело. Он сулил все чувственные услады, которые только известны, а с ними — множество неизведанных, и в этом не было ничего ни грубого, ни извращенного… Может, сами ангелы трепещут крыльями в любовном экстазе и распространяют сладострастие, слетающее с концов их серебряных перышек?

Алые занавеси висели неподвижно; из-за них никто не появлялся. В «зрительном зале» царила тишина, все затаили дыхание. Рик сердито сжал губы и украдкой взглянул на лица, пялящиеся сверху, — они выражали жадное ожидание. Марсиане, окружившие колодец, смотрели не мигая, полуоткрыв рты, лишь время от времени кто-нибудь сглатывал слюну, будто в предвкушении чего-то жутко увлекательного. Они знали, чего ждут

Томительно шло время. Рик терялся в догадках. Неожиданно снова задергалась правая щека. Он встал, вызывающей походкой переместился в центр колодца, затем не торопясь, чтобы все видели, насколько он хорошо владеет собой, сунул в рот сигарету, прикурил ее и задул пламя спички длинной струей выпущенного Дыма.

Это произвело впечатление намного более сильное, чем он ожидал. Табак на Марсе расти

не мог в силу климата и почвы, а посему курение оказалось для здешних, не приобщенных к межпланетной цивилизации людей вещью совершенно ошеломляющей.

Некоторые из марсиан зашлись в кашле. Табачный дым тяжко повис во влажном воздухе, и непривычные глотки сводил спазм. Рик криво ухмыльнулся и усилил «газовую атаку».

Неожиданно из публики раздалось громкое: «Ох!» — и все снова стали напряженно пожирать глазами яму, словно сцену невиданного театра. К сигарете это отношения явно не имело.

Рик обернулся и увидел Майо. Девушка стояла невдалеке от него — похоже, вышла из-за одной из портьер. На ней был изорванный темно-зеленый балахон, на потном лице засохли потеки крови. Майо глядела на него, и вся ее душа, казалось, выходила наружу через этот взгляд…

Губы Рика беззвучно раскрылись. В первый миг он остолбенел, затем двинулся вперед — сначала нерешительно, потом быстро, чуть ли не бегом. Он протянул к Майо забинтованные руки и почувствовал слезы на своих щеках.

— Люблю тебя, Рик, — прошептала Майо и отступила за портьеру.

Рик с возгласом «Майо!..» сорвал шелковый

занавес. Ниша была пуста. Камни отразили ему в лицо его собственный крик. Он ударился о стену.

— Майо!!! — изо всех сил крикнул он и услышал сверху хохот, подобный тявканью стаи гиен.

Рик, наполовину присев, глядел, рыча, на публику. Глаза его горели огнем сумасшествия. Вот, оказывается, чего они так жадно ждали!

«Майо, Майо! — стенала душа Рика. — Куда ты исчезла и как, почему ты ушла от меня?..»

Края колодца двоились в глазах. Проклятая жара! Да еще этот запах…

«Возьми себя в руки, Ричард Уркхарт! — услыхал он собственный голос — Соберись! Иначе будешь выглядеть дураком».

Рик раскачивался из стороны в сторону, словно моряк на палубе, уходящей из-под ног, но не замечал этого. Неожиданно оказалось, что между пальцами торчит дымящаяся сигарета — бинты сжали кисть таким образом, что сигарета не выпала, когда он инстинктивно бросил ее, рванувшись к Майо. Рик затянулся. Табак что-то делал с мозгами — то ли прочищал их, то ли наоборот. По крайней мере, отбивал этот сладкий аромат.

Краем глаза Рик заметил какое-то движение и, резко обернувшись, обнаружил, что у второго

проема возникла Кира. Она стояла на цыпочках, расправив крылья. Огромные глаза сияли, на лице была улыбка. В руках Кира держала Обруч Руха.

Марсиане наверху издали тонкий вой — это было их выражение ненависти. Пронзительная нота вызвала резонанс внутри Рика. Обруч Власти начал расти, он был уже больше Киры, больше ямы, в которой сидел Рик; он стал размером с Марс. Это был сам Марс!

— Я знаю пророчество. Твоя тень накроет нашу планету, — говорил голос Киры. — Жизнь для Марса, а не смерть… Твоя жизнь. Ты такой живой!..

Рик почти не понимал слов. Кровь, стучащая в висках, заглушала звуки. Кира, Майо да и все остальное утонуло в горячем потоке желания… Марс, власть, богатство… Ричард Гунн Уркхарт из корабельной крысы превращался в царя над всеми.

Рик засмеялся. Он хохотал над марсианами, этими занюханными «марсиками», издевался над ними, изрытая самые обидные прозвища на всех известных ему диалектах трех миров. Тусклые железные заклепки Обруча поблескивали красным, как кроличьи глаза. Умирающий Марс

ждет своего конкистадора!

Рик протянул руку — схватить Обруч Власти… Тот проскользнул между пальцев. Кира, улыбнувшись, исчезла за портьерой.

И снова Рик с воплем сорвал занавес, где никого не оказалось, лишь голый камень глухо стонал под ударами его кулаков. И опять зрители гоготали.

Рик вернулся в центр, как будто водил в игре и снова не успел «осалить». Он не плакал и не проклинал тех, кто смотрел сверху. Он глядел на них пустыми глазами, и лица казались темными фресками под куполом собора, со сверкающими алмазами глаз и перламутровой инкрустацией оскаленных зубов. Рик смотрел на них и чувствовал страх.

Аромат перебирал обонятельные нервы мягкими пламенными пальчиками. Он был пленителен. Он слал волны удовольствия. В особенности он прельщал тем, что вызывал страх. В Рике заговорило животное чувство. Инстинкт шептал: «Это приманка… Где-то тут ловушка! Берегись!..»

Рик попытался поднести ко рту сигарету. Это не удавалось, и вдруг он осознал, что стоит на четвереньках, и ощутил ужас. От яростной затяжки окурком, медленно тлеющим в сыром воздухе,

отвратительно закружилась голова, зато он смог опять подняться на ноги.

Когда Рик встал, то увидел перед третьей портьерой обнаженную девушку, зеленоокую распутницу с волосами цвета меди, кудрями, ниспадающими на белые плечи. Тайная усмешка пробежала по ее ярким губам. Девушка отодвинула занавес, и взгляду Рика предстала улица Тридцати трех удовольствий в свете фонарей, с такими знакомыми дверьми, с человеческим теплом и безопасностью, с голосами, ссорами, музыкой и запахом вина. Улица, на которой Ричард Гунн Уркхарт был просто Рик — Космическая Крыса. Никаких пророчеств, ни врагов, ни великой судьбы, и единственным, что его ждало завтра, было похмелье. Вот он, выход!

«Возвращайся и стань снова обычным Риком, — прозвучало у него внутри. — Забудь про Марс и Обруч Власти. Забудь женщину по имени Майо. Налижись от души и забудь! Хватит приключений, грозящих только гибелью. Прежде всего — собственное спасение!»

Девушка вскинула голову и двинулась к занавесу, оглянувшись через плечо. Рик последовал за ней; он просил обождать, неуверенно пошатываясь и борясь с детским желанием заплакать.

Девушка насмешливо встряхнула кудрями и скользнула в пятнистую тень, Рик рванулся следом.

Он услышал взрыв сумасшедшего хохота и в тот же миг врезался лбом в стену. Ошеломленный ударом, он лежал на каменном полу. Девушка, улица — все исчезло, перед глазами была все та же пустая ниша.

Рик не поднимался. Он зарыдал, разинув рот и пуская слюни, как беспомощный младенец.

Марсиане затихли. Они снова ждали.

Волшебный аромат успокаивал. Он ласкал, словно женские руки, руки матери. В мозгу возникла картина четвертой двери. За нею он найдет покой. Именно оттуда исходил манящий запах. Можно отодвинуть портьеру и войти туда — в темноту, покой и одиночество. Там он уснет. Там сможет забыться…

Медленно-медленно Рик поднялся на четвереньки и пополз к последней двери. Сверху не доносилось ни звука — марсиане следили за ним, не дыша.

…Что-то пыталось растолкать засыпающий мозг Рика. Знакомая едкая вонь, она перебивает чудный аромат. Зачем?.. Рик не хотел пробуждения. Он продолжал двигаться к заветной двери.

Наконец Рик добрался до портьеры и отодвинул ее. Аромат пахнул на него, и оттуда же, неожиданно сильный, донесся жирный дух перегноя.

Прошлый опыт заставил Рика вытянуть руку и пощупать впереди, чтобы убедиться, что там нет стены. Проход действительно существовал. Рик вполз, и последнее, что он услышал снаружи, прежде чем сзади закрылась алая занавеска, был хохот наверху, подобный волчьему лаю во время весеннего гона.

Ползти было легко. Рик почти скользил по наклонному туннелю. Наконец-то он уснет и все забудет…

«…Проклятье, отчего так болит между пальцами?» — эта мысль пробилась сквозь снотворное облако, окутавшее мозг. Рик пытался отбросить ее как лишнюю, но боль кромсала и колола ладонь и никак не прекращалась. Элементарный рефлекс заставил его поднять руку, и снова едкая вонь ударила в нос; он увидел маленький красный огонек в темноте.

Окурок, почти догорев, заставил тлеть бинты. Рик вытряхнул уголек и прижал обожженную руку к животу. Боль слегка привела его в чувство, и сразу возвратились секундной давности воспоминания — загадочная пытка в яме, марсиане,

глазеющие сверху… Вскипевшая тут же злость помогала боли.

Рик неожиданно ощутил, что аромат стал сильнее, и с ужасом понял, что происходит. Это наркотик, и он снова собирается овладеть его мозгом!

Рик медленно соскальзывал вниз. Он уперся ногами и спиной в противоположные стены тунеля и стал вглядываться в глубину. Там, далеко, стали различимы фосфоресцирующие блестки. Наконец он рассмотрел — это были цветы!

Белые цветы, нежные и прекрасные, колеблющиеся на стеблях, словно легкий ветерок шевелил их. Бесконечно красивые, бесконечно ароматные, они звали его к себе?..

Да, они звали.

— Приди! — звучал их шепот у Рика в мозгу. — Приди к нам и усни.

— Кто вы? — спросил он. — Откуда вы появились?

— Нас было много, когда мир переживал юность, — прозвенело в ответ в голове. — Мы росли в зеленых джунглях. Мы правили Марсом, когда человек еще не поднялся на задние конечности… Люди Валкиса нашли нас, жалкую пригоршню отростков, выживших около зате-

рянного вулканического гейзера. Они построили для нас храм, и мы сохранились.

Цветы были красивы, дружелюбны и приятно пахли. Рик соскользнул поближе к ним. Снова закружилась голова.

— Как я увидел Майо? Что это вообще было?

— Мы создаем изображение тех вещей, которые главенствуют в мозгу человека, которые ему более всего желанны.

Рика пронзила неожиданная догадка, и тут же мысль потерялась.

— А зачем? — сонно спросил он.

— Иди к нам, — ответили цветы. — Приди и усни.

Усни…

Запах чернозема стал слышен явственнее, и животный инстинкт подсказал Рику, чем удобрена земля, в которой растут цветы.

Он отчаянно уперся ногами в стену туннеля, чтобы остановить скольжение. Он боялся и теперь знал причину этого страха. Но было слишком поздно, наркотик «забирал», и Рик уже не мог сопротивляться. Он снова отключился.

И вновь обожженная рука, задев о стену, оборвала дремоту.

«…Сигаретой обжегся… Табак… Наверху он

немного помог… Хоть чуть-чуть! Сам наркотик, табак, наверное, разрушает действие другого наркотика. Надо попытаться!»

Рик нащупал и вытащил пачку. Забинтованные руки неуклюже дрожали. Он выронил сигареты, пачка скользнула вниз и исчезла в цветах.

— Иди сюда, — снова заговорили цветы. — Приди и усни.

Он стал шарить по карманам — лихорадочно, задыхаясь. Наконец обнаружил вывалившуюся сломанную сигарету. На этот раз Рик был осторожен, чтобы не уронить ни ее, ни спички.

Он наполнял себя дымом, еще и еще. Затошнило, но, по крайней мере, появилась возможность противостоять аромату настолько, что Рик начал соображать; соображать в той мере, чтобы пуститься в обратный путь наверх по туннелю, дюйм за дюймом, вдавливая подошвы в камень, цепляясь ногтями за малейшие неровности, сжимая и разжимая мышцы спины, словно змея — сегменты своего тела. Либо он выберется наверх, либо погибнет.

Цветы сердились. Они были голодны. Они посылали облака дурманящего аромата, но резкий вонючий дым перебарывал его. Рик добрался до горизонтального участка, заканчивающегося

портьерой, и лег, дрожащий и выдохшийся. Сигарета догорела. Он изо всех сил стал шлепать себя по лицу, терзать ожог на руке. Все что угодно, лишь бы заставить мозг проснуться.

Из помещения не доходило ни звука, лишь слышалось потрескивание огня в кострах. Рик высунулся из-за портьеры. Зрители исчезли — им больше нечего было ждать. Из гуннеля никто никогда не возвращался.

Рик вышел на середину ямы и стал разглядывать ее стены. Старухи, ухаживающие за огнем, тоже не появлялись, они, должно быть, нежили дряхлые кости у костров, вспоминая дни, когда в их ушах и косах звенели маленькие колокольчики, зазывая разгоряченных парней в сумрак спальни…

Воронка была сложена из камней бесконечно давно. Блоки местами осели и немного разъехались. Поскольку запах цветов не оказывал действия на зрителей, значит, ядовитые выделения остаются ниже краев ямы. Только бы успеть выбраться из нее, пока…

Рик полез наверх, кусая губы, чтобы не дать мозгу снова впасть в забытье. Спустя тысячу лет показался край. Рик вывалился наружу и лежал, задыхаясь, весь в холодном поту; его трясло.

Постепенно голова прояснилась.

Храм был полон тишиной. В воздухе среди испарений, казалось, витали духи зла. Старухи дремали подле костров, морщинистая кожа на спинах подергивалась, словно от прикосновения невидимой руки. Рик крадучись пошел в мерцающей полутьме, прячась за дальним рядом колонн.

Он достиг лестницы, ведущей на площадь, и осторожно поднялся по ступеням — ни бритых ведьм, ни их музыки. С близлежащих улиц доносились звуки грубой жизни Валкиса, но площадь, предназначенная только для религиозных отправлений, была безлюдна.

Рик скользнул в темную воду канала и поплыл на север. Тут и там вспыхивали огоньки; на песчаных отмелях плескались ночные купальщики. К счастью, никто пловца не заметил.

Достигнув аэродрома, Рик выбрался на берег. Взлетное поле было пустынно. Да и что тут делать ночью? Обломком железа Рик взломал замок ближайшего ангара и угнал машину — небольшой красавец коптер со стремительными обводами и сверхмощным мотором.

На Марсе оставалось единственное место, куда Рик хотел попасть. Он направился туда со скоро-

стью кометы, спешащей на встречу с Солнцем.

Рик летел в Кара-Эбру.

Глава 14

Город Кара-Эбра появился в виду незадолго до заката. Его мраморные шпили совсем утонули в наступающем море песка. Рик посадил вертолет на памятной широкой террасе, грязной и растрескавшейся, но пока сохранявшей свою совершенную симметрию, и вылез.

Не успели ноги Рика коснуться земли, как его окружили маленькие крылатые люди островного королевства. Женщин среди них Рик не увидел. Светло-желтые лица людей были суровы, в покрытых пухом руках воины сжимали стреляющие трубки.

Рик не испытывал страха. Он чувствовал, что нужен им.

— Кира в городе?

Вождь крылатых людей медленно наклонил голову. Все стояли молча, лишь печально шелестели крылья, колеблемые ветром. Песок на мраморе под ногами хранил слабые отпечатки перьев.

— Я хочу видеть ее.

Вождь снова наклонил голову:

— Она просила о встрече с тобой. А просьба умирающей должна быть исполнена. Только поэтому, землянин, ты останешься жив и сможешь уйти из Кара-Эбры.

Слово «умирающей» больно ударило Рика, пронзив его оцепенелую душу. Он застыл на месте и воскликнул:

— Кира!

Ответа не было.

Маленькие люди подталкивали его — иди. Рик повиновался.

Кира лежала на постели из мягких шкур в высокой башне, откуда виднелась даль высохшего моря. Она протянула к нему руки и улыбнулась:

— Я знала, что ты придешь.

Рик осторожно, будто хрупкие цветы, взял ее ладони в свои.

— Что произошло? Дитя, что случилось?

— Черный человек с Земли опалил ее, — произнес вождь. — Она умрет.

Пальчики Киры, слегка окрепнув, сжали ладонь Рика:

— Я летела за ними. Ты послал меня наблюдать за Майо, и я это сделала. Помешать ему я не смогла, однако следовала за машиной. Машина шла очень быстро и исчезла. Но я все равно продолжа-

ла лететь на север и в конце концов обнаружила их вертолет. Я спустилась, и тут Джаффа Шторм, выйдя из ледяного купола, увидел меня. Но я сломала машину, Рик. Камнем я испортила рычаги, и теперь вертолет не сможет подняться в воздух. А потом из глаз землянина вышли черные лучи, лучи тьмы, и я улетела.

Кира привлекла Рика поближе к себе, словно плохо его видела.

— Я пыталась вернуться в Рух, чтобы найти тебя, но не смогла лететь так далеко. Не смогла… Я знала, что ты придешь, только боялась, что это случится слишком поздно.

Рик опустился перед постелью на колени и, обернувшись через плечо, сказал крылатым людям:

— Уйдите.

Это их рассердило. Какое-то время они, не двигаясь, стояли на месте. Глаза Рика сверкнули недобрым блеском. Кира забыла, что рядом, кроме возлюбленного, находится кто-то еще. Наконец лишние удалились.

— Это на севере, — произнесла Кира. — В Полярных городах, где ледяные купола.

— Зачем я заставил тебя!.. — прошептал Рик.

Розовый свет заката упал на личико умираю-

щей, придав теплый оттенок желтоватой коже. Большие глаза Киры мягко светились.

— Не надо грустить обо мне, Рик.

Он молчал.

— Я-то ведь не грущу. Я прожила мало лет, но больше, чем получила от жизни, не смогла бы взять и за век. Я любила тебя, и мы в каком-то смысле были супругами, правда ведь? Я помогала тебе создавать новый мир, пусть даже моя помощь и была ничтожной. Много ли найдется женщин, способных похвастаться, что дали жизнь планете?

— Воистину…

— Я буду жить в новом мире. Мы рождаемся заново — наш народ верит в это. Однажды моя душа обретет новую плоть. Душа вспомнит, она скажет мне: «Я сотворила этот мир вместе с Риком». И я стану счастливой.

Кира нащупала язычок «молнии» на рубашке Рика, расстегнула, просунула ладони внутрь и прикоснулась к его груди.

— До чего сильное! Я чувствую, как оно бьется. Это Марс, Рик. Сколько жизни и сил; а мы были такие усталые…

Рик наклонился и поцеловал девушку. Затем поднял Киру, как ребенка, в люльке из своих рук,

положив ее голову себе на плечо…

Она заснула с улыбкой на устах.

Солнце ушло в песчаные волны; Фобос стоял над западным горизонтом, словно позабытый кусочек дневного светила. Деймос двигался по небу с востока к месту ночного свидания двух лун. Рик знал, что не потревожит Киру своим уходом.

Он уложил ее обратно в пуховое гнездышко. Откуда-то из забытого уголка памяти детства сам собой возник образ креста. Рик осенил девушку крестным знамением и вышел.

Маленькие люди народа Кара-Эбры стояли на ветру и молча смотрели, как вертолет Рика отрывается от земли. Лишь через несколько часов полета на север Рик вдруг понял, отчего так солоно в горле…

Он замерз; от долгого сидения сводило судорогой ноги. Стрелка указателя топлива болталась около нулевой отметки Под брюхом коптера медленно ползла пустынная местность, забытая Богом и людьми. Сейчас, во время весны, ущелья были полны талой водой, питающей каналы; по берегам ручьев, помимо мха и лишайников, росли цветы, устойчивые к суровому климату. Каменистый ландшафт с изъеденными временем и потрескавшимися от льда, ветра и воды чер-

ными скалами выглядел столь же нетронутым и диким, как лунный.

Далеко впереди словно бы парила в воздухе снеговая шапка Марса, ледовое ядро которой сохранялось в течение всего лета. Рик взял курс на Полярные города; они были нанесены на карту, но посещали их крайне редко. Если любопытный путешественник появлялся в тех местах, он неизменно поворачивал обратно, повинуясь таинственным голосам, которые возникали в мозгу и мягко, но настойчиво советовали избегать Полярных городов. Никто, кроме героев из древних преданий, не мог найти вход в ледяные купола, под которыми были скрыты города Мыслителей.

Эти купола имели идеально правильную форму и нисколько не подтаивали даже в самое жаркое лето, что дало повод считать их происхождение искусственным; выдвигались гипотезы, объяснявшие устойчивость куполов постоянным уходом за ними жителей. Прилетевшие с Земли деляги были настолько помешаны на богатстве, зарытом в девственной почве планеты, что не давали себе труда интересоваться полулегендарными городами, которые, кстати, никто и не видел-то никогда. Марсиане строго соблюдали табу, начертанные в древних книгах, а немно-

гие земляне, ушей которых коснулись слухи о куполах, сочли Полярные города мифом, нагороженным вокруг какой-нибудь природной чепухи наподобие ледника необычной формы.

Мотор вертолета начал чихать. Рик ласково упрашивал машину пролететь еще немного, чтобы добраться до сверкающего края ледяной шапки, разрезавшей безликое пространство впереди на две части. Наконец двигатель встал, и ни проклятья, ни мольбы не могли заставить его ожить. Рик взял из бардачка темные очки и принялся осматривать землю. Далеко впереди он различил три блестящие пуговки, отразившие солнечный луч. Купола образовывали правильный треугольник, соприкасаясь краями.

Рик планировал, борясь за каждый дюйм высоты, и почти долетел до места, когда увидел на земле машину Шторма. Сверху она выглядела темным пятнышком на безукоризненно белом снегу неподалеку от одного из куполов.

Посадка на широкую полосу каменистой почвы, отутюженной прошедшим когда-то ледником, прошла нормально. Рик инстинктивно выбрал место, находящееся вне видимости из куполов, хотя сомневался, имеет ли это какое-то значение, ибо был совершенно убежден в телепатических

способностях Джаффы.

Рик крался, прячась среди нагромождения камней, пока не подошел к площадке, где стоял коптер Шторма. Из оружия у Рика был лишь кусок железа в кармане. Никакого бластера не предвиделось. Так же не было и возможности скрытно приблизиться к вертолету. Рик вздохнул и пошел прямо к машине.

Косые лучи солнца освещали купола. Они были огромные, совершенно круглой формы и походили на немыслимые капли росы в солнечных лучах. Далеко позади них полнеба занимала бледно-зеленая громада полярной шапки.

Ни движения. Ни звука… Коптер казался брошенным и забытым металлическим остовом, но лишь до тех пор, пока Рик не подошел поближе, — кто-то привел в порядок тяги, клапаны и рычаги. Работа сделана на совесть, машина в рабочем состоянии. А если машина стоит, готовая к полету, то…

Рик затаился, спрятавшись позади коптера. Он так напряг слух, зрение и даже осязание, что почувствовал боль.

Все было тихо. Лишь пустынная земля и загадочные ледяные линзы, словно три гигантские черепахи, спящие и не желающие открывать

никому содержание своих сновидений… Выше — давяще безликая ледяная громада, а над ней — холодное небо цвета молока.

Рик вздрогнул. Зрачки его по-кошачьи сузились, он сжал челюсти и шагнул к ближайшему куполу.

Проходя по участку голой земли, Рик заметил следы. Они вели в обоих направлениях; отпечаток левой ноги был слабее. Следов женской обуви Рик не нашел.

Идя быстро, но без спешки вдоль цепочки отпечатков, Рик припомнил рассказы о телепатическом внушении. Никаких голосов — ни совета убираться отсюда подобру-поздорову, ни пригласительной речи — он, сколько ни старался, услышать в своем мозгу не мог. Либо предание лгало, либо что-то изменилось под этими кастрюльными крышками…

Рик все шагал и шагал по следам вдоль округлой стены купола, и ничего не происходило.

Наконец обнаружился вход: коридор с крышей, похожей на огромную рамку с медовыми сотами; только здесь соты были из хрусталя, прозрачны и пусты. Крыша могла падать вниз, врезаясь в лед и становясь неотличимой от него. Очутившийся в такой момент под ней человек либо оказывался

рассечен на куски перегородками ячеек, либо, если оставался целым, медленно погибал от голода и жажды, запертый в сверкающей тюрьме.

Рик постоял несколько секунд, раздумывая, и двинулся внутрь. Стеклянные ячейки превращали звук шагов в звенящее эхо. Несколько раз из-за игры света и перспективы начинало казаться, что ловушка захлопывается, однако ничего не происходило.

Город был заглублен в землю — сейчас Рик стоял на одном уровне со шпилями башен, — оказался невелик, всего тысяч на десять населения, и настолько же невиданно прекрасен, насколько неприятен своей красотой.

Рик бывал в пещерных городах на Луне, бродил среди фантастических произведений зодчества, оставленных на Фобосе неизвестной расой; на Венере ему довелось видеть затонувшую империю на дне серебряного моря. Но это зрелище побивало все остальные.

Здания были сделаны из единственного материала — прозрачного пластика, который улавливал солнечный свет и дробил его на разноцветные лучи, от чего стены играли радугой, будто бриллиантовые. Само по себе это уже производило впечатление, но главное заключалось

в архитектурных формах.

Откуда бы ни происходили Мыслители и кто бы они ни были, их мозг и представления о геометрии явно отличались от человеческих. Кривые и углы, очерчивающие контуры зданий, раскачивали взгляд, выталкивая его по тошнотворно стремительной траектории в болезненную, чуждую вселенную. Архитектоника форм, их подсознательный смысл вводили разум в состояние шока. Так, наверное, выглядел бы овеществленный сон Душевнобольного художника-сюрреалиста. Злокачественно-притягательное зрелище…

Сзади раздался стремительный мелодический перезвон. Рик резко обернулся и увидел, что вход заперт. Никаких кнопок или рычагов нигде не было заметно, оставался единственный путь — вперед. Рик начал спускаться по прозрачным ступеням.

Город был мертв, это явно ощущалось. Слишком долгой была тишина, улицы устали ждать пешеходов. Скошенные стены неохотно отражали звук шагов, им не нравилось, что кто-то заставляет их будить эхо.

Глаза Рика потемнели. Он неожиданно для самого себя остановился, наполнив легкие:

— Майо!

Крик раскололся на миллион осколков, которые, прилетев обратно, ударили в уши визгливым хохотом.

Путь лежал в дальний конец города, где, как Рику удалось разглядеть еще от входа, сверкали, взлетая ввысь, ступени, ведущие во второй купол. Рик шел туда и размышлял: что если Шторм намеренно позволил ему пройти внутрь, а сам ускользнул другой дорогой?

Именно в этот момент он услышал музыку. Музыка выплыла из тишины, странным образом сочетаясь с игрой света, и поэтому одновременно была и слышна, и видна. Гармония ее была сродни архитектуре окружающих зданий. Нормальный разум (нормальный, по крайней мере, в человеческом понимании) такое сочинить никак не мог. Музыка шла отовсюду, звучал сам воздух. Рик убеждал себя, что это работает городская система радиотрансляции. Мозг его съежился, забился в угол, пытаясь найти убежище от навязывающего свою логику мотива.

Краски стали ярче, они пульсировали, укрывая цветным туманом призрачные улицы, ускользая с краев видимого спектра куда-то дальше; с чувствами, нервами, даже с кишечником про-

исходило что-то непонятное Музыка хлестко стегала мозг немыслимыми звучаниями и ритмами. Внезапно Рик почувствовал, что в силах понять символику здешней архитектуры и куда ведут умопомрачительные кривые…

После этого он почти потерял способность воспринимать обстановку. Какая-то очень упрямая часть сознания перепрыгнула через острова кошмара, разраставшиеся в голове, и безостановочно кричала что-то Этот вопль пронзил смертоносную плеву цветомузыки и потащил разум обратно с самого гребня пропасти, обрывающейся в чуждую вселенную…

…Рик стоял, сбросив всю одежду, и обнимал хрустальную, безумной формы колонну, которая — он только что понял — подпирает собою солнце.

Рик отпрянул от столпа вселенной, ощутив тошноту, цепляясь за это чувство, как за спасительное средство от помрачения ума. «Стой! — приказал себе он. — Это штучки Джаффы! Он сидит и нажимает кнопки, затевая представление, к которому ребята, раньше жившие тут, были привычны. Шторм, гадина, сидит, давит на рычажок да смотрит тебе в мозги и ржет до упаду, наблюдая, как извилины лопаются. Хочешь, чтобы он лопнул

от смеха?»

Рик сосредоточился. Слова «Джаффа Шторм» еще имели для него значение, и они сочетались со словами «поймать и убить».

Напрягая жилы, обливаясь потом, он собрал все силы, которые еще остались, воедино, чтобы оградить мозг от разрушительного действия цветомузыки, и двинулся к ближайшей стене купола. Он смотрел себе под ноги и старательно считал, сколько сделал шагов.

«Если моя догадка неверна и не Джаффа Шторм управляет концертом — какая это будет потеря!. Но — стоп! Нельзя думать об этих вещах».

Рик добрался до стены, нетвердо держась на ногах и продолжая считать. Далеко отсюда он увидел ступени и заторопился к ним по стеночке. Неожиданно «концерт» стих.

Рик сидел на верхней ступени, пережидая, пока его кончит трясти. Предстоял спуск во второй купол.

Глава 15

Здесь не было никаких зданий — ни жилых, ни общественных. В центре находилась гигантская конструкция из металла и пластмассы; огромная махина тихонько гудела и излучала слабое свечение. Вокруг стояли концентрические ряды мягких лежанок, накрытых похожими на гробовые прозрачными крышками, под которыми находились люди. Люди то ли были мертвы, то ли спали.

Рик и здесь не смог обнаружить присутствия Шторма или Майо. Он поискал глазами вход под следующий купол и двинулся туда между гробами.

Существа под крышками, собственно, не были людьми. И форма их тела, и плоть, из которой они состояли, — все свидетельствовало, что это создания другого мира. Существа лежали совершенно неподвижно, и Рик не заметил у них дыхания. Однако тела выглядели теплыми и живыми; признаки распада или гниения отсутствовали.

Рик предположил, что это и есть Мыслители и что им принадлежит город, сквозь который он

прошел. Похоже, они не имели пола, поскольку обнаженные тела были совершенно одинаковыми. Совершенство их форм соответствовало совершенству зданий, которые они построили, и так же отвращало.

Рик, не задерживаясь, направился прямо к арочному переходу, ведущему в последний купол. Страх в душе его отсутствовал — надо идти до конца, будь что будет. Он поискал какое-нибудь оружие, но ничего подходящего не нашел и, посмотрев на свои забинтованные руки, стал подниматься по ступеням.

Ни убежища, ни укрытия… Да, собственно говоря, какой смысл прятаться, когда имеешь дело с телепатом? Единственное, чего хотел Рик, — чтобы все скорее кончилось. А для этого ему нужен был Шторм. Рик шел наверх и не думал о том, что может погибнуть.

В третьем куполе размещалась огромная лаборатория или склад приборов. Подробно разглядеть помещение Рик не успел — перед ним вырос Джаффа Шторм с бластером в руке.

Рик остановился. Лицо Шторма расплылось в дружеской улыбке.

— Где Майо? — спросил Рик.

Шторм мотнул головой, показывая внутрь.

— Там. Она цела и невредима, но помочь тебе не сумеет; да и себе тоже. Дикая кошка! — Он смерил Рика взглядом черных глаз. — Жаль, что ты не будешь иметь удовольствие наблюдать, как я ломаю ее!

Рик молчал, расслабленно опустив руки вдоль обнаженных бедер. Лицо его было пустым, глаза полуприкрыты. Он стоял посередине хрустальной лестницы на уровне ног Шторма.

— Понравилась музычка? — спросил Джаффа.

Рик не ответил. Шторм засмеялся:

— Не стесняйся. Я знаю. Я слежу за твоими мыслями каждую секунду.

Он указал на спящих под гробовыми крышками:

— Забавные вкусы у этих пташек. До сих пор не могу понять, кто они и откуда здесь появились, — никак не проникну в их мозги. Похоже, они разумом своим не здесь, а переместились в царство мысли. Тела, как я понимаю, искусственные.

Шторм оборвал монолог и стоял, изучая Рика, словно хотел впитать в себя каждую мелочь его облика.

— Я хочу навсегда запомнить тебя. Ни к одному человеку я не питаю такую ненависть. Наверное,

потому, что ты почти так же силен, как я, и это пугает. А я не привык бояться. Испытывать страх неприятно.

— Ты потерял Марс, — произнес Рик. — Я отобрал его.

— Не-ет… — Шторм заговорил медленно. — Нет, не отобрал. Ты нарушил мои планы, это верно. Ты чуть было не убил меня, это тоже так. С твоей стороны было очень неглупо — догадаться в последний миг, что я читаю твои мысли и готов к встрече. Я был чертовски занят на работе и не мог дотянуться до выключателя, пока не стало слишком поздно сделать что-либо, кроме как отскочить в сторону. Меня ранило осколком, а дезинтегратор оказался разрушен. — Джаффа, не сдержав злобы, выругался. — Поэтому я хочу придумать способ лишения тебя жизни, которым мог бы удовлетвориться по-настоящему.

Рот Рика скривился в ленивой полуухмылке:

— Тебе не убить меня. Шторм. Это моя дорога, а не твоя.

Шторм секунду глядел на него, широко раскрыв глаза, и закатился смехом:

— Во имя Юпитера, неужели ты веришь?

Рик кивнул:

— Ты знал это, когда я еще только шел сюда.

— Да, верно. Я занимался одной маленькой летучей тварью — как ее бишь, Кира? — а после переключился на тесный контакт с твоим мозгом. — Он хмыкнул. — Между прочим, Сент-Джон и его приятель неплохо на тебе выехали, согласись! Я всегда говорил тупоголовому Фаллону: «Эд, ты их недооцениваешь».

При упоминании Киры глаза Рика помертвели. Ни к какой человеческой эмоции не отнести чувство, которое он испытал в этот момент, стоя неподвижно подле ног Джаффы.

— И все-таки ты потерял Марс.

— Нет, сынок. Между мной и тобой есть одно маленькое различие, но оно будет стоить тебе целого мира. Я тренировал свой мозг. Он работает на меня, а не наоборот. Когда я узнал, что ты собираешься сделать, объединяя марсиан и землян для выступления, то понял, что твои шансы выиграть высоки. И тут я сказал своему мозгу: «Работай!»

Меня все время интересовало, кто такие Мыслители. Марсианским ясновидящим, которые могли бы узнать правду, запрещено шпионить, согласно их родовым табу. Земляне не обладают способностями к перемещению в ментальном пространстве. Все, кроме меня. И мне плевать

на запреты.

Я обнаружил, что мысленный барьер — атака на мозг, которой подвергался каждый, кто подходил к куполам, есть не что иное, как телетрансляция, правда, основанная на несколько ином принципе. Передатчик был автоматическим и работал уже Бог знает сколько времени. Я взял и выключил систему — чтобы тебе было удобнее.

Преодолев эту преграду и попав сюда, я понял, что Мыслители просто-напросто покинули планету. Они живы — я чувствую их мозговые вибрации, но эти волны исходят из какого-то иного мира. По-видимому, Мыслители достигли такой точки в своем странном развитии, что единственной незавоеванной областью является для них область чистого разума.

Но они оставили здесь результаты своих достижений в материальной сфере — целый арсенал оружия и такие машины, о которых человек может только мечтать. Дезинтеграторы, усилители мысли, энергоизлучатели, по сравнению с которыми электронный разрядник — детская игрушка. Не напрасно их назвали Мыслителями. Черт побери, хотел бы я знать, кто они такие! Хотя, наверное, догадываюсь. Они были до нас,

а человек, появившись на планете, начал вытеснять их обращенную на самое себя культуру. Тогда они построили купола и этот немыслимый город, окружили себя устрашающими табу и жили спокойно, занимаясь своими делами.

Их цивилизация прошла через период научных поисков и изобретений, который длился, может быть, миллион лет. Изобретения ради изобретательства. Мыслители никогда не допускали человека к своим достижениям и пользовались только тем, что требовалось им для комфортной жизни, например этой громадой. — Джаффа показал на гудящий механизм в центре второго купола. — Устройство, которое согревает их, снабжает энергией — непосредственно, как если бы они были электроутюгами, — и поддерживает жизнь в телах, пока разум свободно разгуливает по времени и пространству.

В черных глазах Шторма блеснуло странное пламя, и он задумчиво прошептал:

— Хотел бы я присоединиться к ним… Пусть ненадолго…

Рик внезапно прыгнул в ноги своему врагу. Он ждал момента, когда мозг Шторма переключится с наблюдения за мыслями Ричарда Гунна Уркхарта на что-нибудь другое, и понял, что это

мгновение наступило.

Луч бластера ударил мимо и лишь слегка обжег спину Рика, который, ухватившись за штанины комбинезона Джаффы, рванул его на себя изо всей мочи. Шторм упал спиной на ступени, сверля ледяной купол лучом бластера.

Рик, почувствовав сцепление подошв с гладкой поверхностью ступеньки, толкнул свое тело вперед и вверх, навалившись всей тяжестью на противника, стараясь не дать ему вздохнуть, и вцепился в бластер.

Падение причинило Шторму боль, но не вывело из строя. Он сопротивлялся, используя свободную руку и колени, норовил попасть в пах тяжелыми ботинками. Рик никогда не страдал от недостатка силы, тем не менее Шторм оказался сильнее. Он бил так, что у Рика искры из глаз сыпались, однако не мог отцепить его руку от предмета спора.

Рик извивался обнаженным телом, напрягал мышцы, принимая удары, и не выпускал оружие. Сейчас на целом свете существовала только одна важная вещь — бластер. Рик нашел большой палец руки Шторма и упрямо гнул его, пока не вырвал палец с корнем из сустава. Кровавый ошметок повис на сухожилиях. Шторм издал вопль, подобный ржанию раненой лошади, и это было

все. Бластер перешел к сопернику.

Рик хотел отпрыгнуть, чтобы воспользоваться оружием, но в этот момент ботинок Шторма ударил его прямо в живот. Рик скатился вниз по ступеням и лежал, задыхаясь; внутренности выворачивало наизнанку. Бластер, отлетев в сторону, уехал по хрустальному полу.

Шторм поднялся. Он посмотрел на изуродованную руку, вынул носовой платок и перетянул рану, помогая себе зубами. Затем привалился к стене, и его тоже начало рвать.

У подножия ступеней Рик, всхлипывая, безуспешно пытался подняться на четвереньки. Шторм нашел взглядом бластер. Оружие лежало далеко, гораздо дальше, чем Рик был способен доползти за несколько минут, и Джаффа спокойным шагом спустился в лабораторию.

Там, в углублении машины, достаточно тяжелой, чтобы невозможно было раскачать ее и перевернуть, лежала связанная Майо с кляпом во рту. Однако сейчас слова ей и не требовались — глаза высказывали Джаффе все.

— Можешь послать своему другу поцелуй на прощанье. Точнее, тому, что от него скоро останется, — прошипел Джаффа.

Он отыскал небольшой приборчик среди груды

оборудования, которое собирался погрузить в коптер после того, как покончит с Риком. Аппарат выглядел совершенно безобидно — щиток с призмой, помещенной в центре треугольника из слабо светящегося металла.

Шторм не знал принципа работы этой штуки. Возможно, треугольник улавливал космические лучи, а призма концентрировала их. Главное, он знал результат действия. Шторм осторожно взялся левой рукой за щиток, поставил палец на рычажок управления и пошел обратно вверх по ступеням.

Рик уже подбирался к бластеру, оставалось проползти каких-то два—три метра. Шторм смотрел на его старания и ласково улыбался, а затем нажал рычажок. Вокруг призмы возникло слабое, как паутинка, свечение. Джаффа направил призму на бластер; металл рассыпался в пыль, и бластер исчез.

— Рик, Рикки! — тихонько окликнул Шторм.

Рик повернул голову. Огромная машина в центре зала жужжала, Мыслители смотрели свои космические сны и не желали обращать никакого внимания ни на голого человека, корчащегося на полу их усыпальницы, ни на черного гладиатора, стоящего на хрустальных ступенях их города.

— Ты не сможешь убить меня, — прошептал Рик.

Шторм беззвучно рассмеялся и снова нажал рычажок. Рик увернулся. Откуда нашлись силы, он не знал. Просто надо было увернуться или умереть, а Рик не был готов к последнему. Он откатился в сторону. Паутинный луч прошел мимо, прогрызя извилистую канавку в полу. Рик увидел, что находится у внешнего ряда гробов, и спрятался за ближайшим. Саркофаги стояли прямо на полу без просвета снизу и обеспечивали укрытие. Джаффа, конечно, мысленно не терял свою жертву, однако прицелиться не мог.

Рик начал игру в прятки; Шторм принял ее. Он полосовал саркофаги лучом прибора, и те разваливались, а заодно распадались на части и туловища Мыслителей. Никто из них не пошевелился — слишком далеко, видимо, находились сейчас их умы, чтобы беспокоиться о происходящем с телами.

Рик играл свою роль, странным образом сочетая безрассудную отвагу и точный расчет. Он оставался за гробом до тех пор, пока луч не подходил смертельно близко, и тогда он откатывался или скользил по хрустальному полу всякий раз в другом направлении, так что появлялся на виду

лишь в некоторые доли секунды. В эти моменты Шторм мог поразить цель, стреляй он с правой руки. С левой же — нет. По крайней мере вначале.

Рик знал, что удача не может оставаться с ним бесконечно. Он чувствовал себя ощипанной курицей — голый, в руках нет ничего, даже камня…

Тут глаза Рика блеснули. Он начал перемещаться по кругу, чтобы вернуться к его началу, где стояли наполовину разрушенные саркофаги. Шторм неспешно следовал за жертвой. Он не злился. Игра ему понравилась.

Наконец Рик добрался до того места, куда метил. Пластиковая крышка разломанного саркофага отлетела в сторону. Туловище Мыслителя было развалено точно пополам. Рик не увидел ни крови, ни внутренностей, ни брюшной полости; тело на срезе походило на губчатую резину. Рик вытащил из гроба за ноги нижнюю половину туловища.

Долгое мгновение он выжидал, сосредоточенно сдвинув брови. Шторм стоял прямо, слегка улыбаясь, и рисовал лучом рельефный узор на боковой поверхности укрытия Рика.

Саркофаги были установлены таким образом, что, если Рик выглядывал сверху или справа, он мог видеть фигуру Шторма целиком. Если же

высунуться слева, то угол соседнего гроба загораживал ноги охотника.

Рик метнул свое малоприятное оружие. Задница Мыслителя была легче, чем такая же часть человеческого тела, но достаточно увесистой.

Шторм рассмеялся, легко увернувшись, не спуская глаз с саркофага, за которым прятался Рик, и неожиданно выстрелил, целясь выше правого угла гроба. В это самое мгновение над противоположной стороной укрытия показались голова и плечи Рика. Он швырнул верхнюю часть искусственного туловища в голову Шторма и сделал это левой рукой.

Джаффа на миг потерял равновесие. Неуклюжий метательный снаряд был не таким тяжелым, чтобы сбить с ног, — Шторм лишь отшатнулся, ударившись спиной об один из саркофагов. Но, обвив мертвыми руками Джаффу за шею, как будто в нечеловеческой плоти еще жили рефлексы, искусственное тело Мыслителя помешало ему.

Рик рванулся. Никогда в жизни он не двигался так быстро. Ушибы, боль, накопившаяся усталость — ничто не имело сейчас значения. Он летел вперед.

Рик прыгнул на врага еще до того, как мертвая плоть отпустила объятия и свалилась на пол.

Шторм выстрелил, но луч прошел мимо, и в этот мгновение, ударив Джаффу ребром ладони по запястью, Рик вышиб смертоносный аппарат, а затем наложил свои забинтованные руки на то место, куда показывал при разговоре с Хью Сент-Джоном из телефонной будки.

Он не отпускал рук, полузакрыв глаза от счастья, словно кот, придавивший добычу, очень долго, когда в этом уже не было необходимости. Шторм умирал нелегко, но все-таки он умер.

— Инстинкт, — доверительно прошептал Рик, глядя в черное лицо своего партнера по игре в «кошки-мышки». — Понимаешь, я левша. Ты не знал об этом. Ты заранее представлял все, что я собирался сделать… Да только я левша! Вот ты и выстрелил не туда. Подвел инстинкт.

Собеседник молчал. Он больше не мог ничего ответить.

Глава 16

Итак, Шторм был мертв. Рик не сказал об этом Майо, когда развязывал ее. В такой момент слова не нужны. Они обняли друг друга, Майо всплакнула, да и Рик тоже…

Наконец мир прекратил раскачиваться вокруг них. Рик поднялся и пошел по лаборатории осматривать машины. Неплохой механик, он смог сообразить, для чего предназначено большинство устройств — в пределах разумного, конечно. В кармане черного комбинезона, снятого с Джаффы, оставалось курево. Рик с отсутствующим выражением на лице достал сигарету и зажег ее.

— О чем ты думаешь? — спросила Майо.

Он не ответил. Девушка встала и медленно подошла к собранной Штормом коллекции механизмов.

— Он подробно рассказал мне о том, что произошло. Хью и Эран Мак смогут хорошо управлять планетой. Все будет в порядке, если дать им делать то, о чем они мечтали.

Рик молчал.

Майо подобрала из кучи маленькую трубку и

наставила на Рика.

— Ты не завладеешь Марсом. Я не позволю тебе играться с ним!

Рик постоял, глядя на девушку глазами, в которых не отражалось ничего, кроме бесстрастной холодности.

— Вчера я был в Кара-Эбре, — произнес он, словно беседовал сам с собой. — У Киры.

Майо озадаченно замерла, оружие дрогнуло в ее руке.

Рик, глядя на нее, расхохотался:

— А ты крепкий орешек, милая! Видит Бог, я допускаю, что ты в самом деле готова выстрелить. — Он отвернулся, пустив струю дыма под сверкающий купол. — Как мы отсюда выберемся?

— Я следила за Штормом и знаю, где находится пульт управления. Можно даже снова включить отпугиватель, если захотим. Но все же, Рик, что ты намерен делать?

— Ты мне доверяешь?

— Нет.

Рик вернулся к ней.

— А теперь? — спросил он через некоторое время.

— Еще меньше. О Рик, прошу тебя, не…

Он закрыл ей рот своими губами.

— Я ведь ничего не сказал, правда? А сейчас давай убираться отсюда.

В глазах Майо мелькнуло сомнение, но все же она согласно наклонила голову. Улучив момент, когда Рик не глядел в ее сторону, девушка сунула стреляющую трубку в карман своей одежды.

— Как поступить с этой кучей? — спросила она. — Здесь все чрезвычайно опасные предметы.

— Они очень долго были безопасными, побудут в таком состоянии еще немного. Переложим тяжесть проблемы на плечи Мака и Сент-Джона, и пускай они потеют.

— Так ты собираешься с ними встретиться?

— Угу. — Рик извлек из своего кармана энергоизлучатель, которым Шторм пытался его убить — маленькую призму в сверкающем треугольнике. Сосредоточенно хмурясь, он повертел приборчик в руках и присовокупил к остальному смертоносному барахлу.

— Где пульт, золотце?

— Нашим колпаком управляют вон оттуда. Или, может быть, тебе хочется выйти тем путем, которым пришел?

— Ну нет! Через город я не пойду.

Майо пошла открывать ворота, а когда вернулась, Рик обнял ее рукой за плечи, и они двинулись прочь из заколдованного города.

Некоторое время они таскали топливо из машины Джаффы в свой коптер и наконец поднялись в воздух. Неожиданно Рик заметил, что Майо тихонько плачет.

— Что случилось?

— Я думала о Кире. Шторм рассказал и об этом. Он способен на такое… Хорошо, что ты смог побыть с ней, когда…

— Да. Она умерла счастливой.

Несколько раз их машину пытались преследовать, но не могли тягаться в скорости. Рик впал в суровую задумчивость и рявкал на Майо всякий раз, когда та открывала рот. В конце концов девушка прекратила попытки заговорить и уселась, закрыв глаза, с горькими складками в уголках рта.

Рик врубил передатчик и вызвал Компанию. Оператор связи вылупился на него и лихорадочно защелкал тумблерами; через пару секунд показалось лицо Сент-Джона. Из-за его плеча выглядывал марсианин.

Увидев Майо, они оба чуть не влезли в экран. Особенно усердствовал мистер Хью. Рик мрачно

наблюдал за их суетой.

«Парень совсем помешался на ней, — подумал Рик. — Кровь, небось, уж еле теплая, а он… Ландыш весенний!»

Ричарда Уркхарта будто не существовало. Только когда Майо поведала о Шторме, о Полярных городах и о том, чем там Рик занимался, мистер Сент-Джон изволил обратить на него внимание.

— Рад вашему возвращению, — неуклюже изрек Сент-Джон.

— До чего изящно, — съязвил Рик. — Вы, как и раньше, ведете себя со мной вполне раскованно.

— Мы делали то, что нам казалось правильным…

— Отличное оправдание! — огрызнулся Рик. — И все сразу становится хорошо. Какая разница, как вы обходитесь с человеком, главное, что это кажется вам правильным. Правильным для кого? Только, ради Бога, не произносите слово «Марс», а не то я изобью вас до полусмерти, как только приземлюсь.

Сент-Джон застыл с полуоткрытым ртом. Мак за его плечом ухмылялся и покачивал головой. Его глаза сияли.

— Я никогда не считал вас цыпленком, — вступил в разговор марсианин. — Молодец! Вернулся

домой — и сразу на верхний насест! Скверно, что Майо с вами. Насколько было бы проще, если б мы могли расстрелять вашу машину прямо над посадочной площадкой.

— Угу. Это одна из причин того, что я взял ее с собой. — Колокольчики в ухе марсианина слабо звякнули, и Рик невольно вжал голову в плечи. — Вы бы лучше попросили ребят из полиции не мельтешить перед носом. Я иду на посадку.

— Лучше садитесь на летное поле, — вмешался Сент-Джон. — Изуродуете вертолет, если попытаетесь сесть на территории. Мы пришлем за вами авто.

— А почетный эскорт?

— Будет и эскорт. Вооруженный.

— Я пришел к вам с миром, — произнес Рик. — Но вам следует побеспокоиться насчет того, с чем я буду уходить.

Сент-Джон кивнул, одарив его ледяным взглядом. Экран померк. Майо откинулась на спинку кресла и снова закрыла глаза.

— Рик, — тихо сказала она. — Я люблю тебя. Я пойду за тобой всюду, буду помогать абсолютно во всем, за исключением единственной вещи. Подумай об этом. Подумай как следует, прежде чем предпринимать что-либо.

— Я уже давно ничего другого не делаю, только думаю, думаю!..

После этого они не разговаривали. Рик направил машину на взлетное поле Компании, откуда некоторое время тому назад поднимался на корабле, разбомбившем все планы Шторма. Их ждал автомобиль с эскортом из джипов, набитых функционерами марсианского правительства. Рик покорно подвергся вежливому, но тщательному обыску. Оружия при нем не обнаружили. Майо щупать не стали.

Автомобиль плавно несся к комплексу строений Компании. Рик глядел на далекие башни Руха, высящиеся там, где со дна моря вздымались утесы; его глаза были холодны и бездонны, как кусочки янтарного льда.

Члены правительства, в большинстве своем рыхлотелые кабинетные политики, проводили их в здание, которое Сент-Джон занял вместо не существующего ныне административного корпуса. Хозяин встретил процессию у дверей и попросил эскорт удалиться. Те не хотели. Они пожирали Рика глазами, точь-в-точь как марсиане из Валкиса, но по другой причине. Внешне это выглядело так, будто их возмущает кощунственное похищение Обруча Власти, однако в

действительности они беспокоились, что теперь произойдет с новым объединенным правительством и как это повлияет на их положение.

В конце концов они ушли, оставив Рика и Майо наедине с Сент-Джоном и Эран Маком. Марсианин занял излюбленное место на подоконнике с сигаретой в зубах, монотонно теребя ногтем мизинца колокольчики, и смотрел на Рика сквозь дым немигающим желтым ястребиным глазом.

Сент-Джон заключил Майо в объятия. Рик раздраженно отвернулся, не желая видеть их лица, и дал возможность обменяться тихими словами, пока устало устраивался в большом кресле и закуривал. Неожиданно он почувствовал себя старым, как сам Марс, и таким же изношенным.

— Не найду слов благодарности, — наконец обратился седовласый политик к Рику. — Удивительная ситуация — я всем сердцем признателен — и одновременно желаю, чтобы вас здесь не было. Я боюсь вас, боюсь того, что, может быть, придется сделать.

— Что ж, по крайней мере, вы честны.

— Лукавить нет смысла. — Сент-Джон уселся за стол, доверху заваленный бумагами, и вздохнул, глядя на кипу документов. — Формирование нового правительства из того… гм-м… материала,

которым мы располагаем, — непростое занятие. Я уже несколько раз был в Кахоре, а Мак истоптал все ноги, курсируя к штаб-квартире марсиан и обратно. Я решил остаться здесь, потому что тут находится средоточие основных проблем; думаю, что таким образом их будет легче решать. Кроме того, Компания тоже требует хлопот. Боже, что за дела творил Шторм!

Рик с наигранной ленью взглянул на Сент-Джона:

— Понятно… Скажите, у вас уже имеется признание со стороны межпланетных властей?

— Пока нет. Но, без вопросов, мы его получим, учитывая обстоятельства.

— То есть учитывая все обстоятельства, кроме одного, — поправил Рик.

Сент-Джон медленно поднял голову:

— Именно из-за этого вы и возвратились, так, что ли?

Рик аж подпрыгнул.

— О небо! — взревел он. — А за чем иным, как вы думаете, стоило сюда еще тащиться? Кто заварил всю эту кашу, в конце концов? Кто надрывался в проклятой шахте, получая зуботычины от инженеров и десятников? — Он выбросил вперед руки; бинты соскочили, обнажив свежие рубцы. — Ска-

жите, кого пришпилили к стене в Тронной зале, вас или меня? Это на вас Бейдах надел Обруч Власти или все-таки на кого-то другого? Это вы убедили марсиан и землян выступить вместе, чтобы пролитая кровь сделала их братьями? Вы совались в Воровской квартал, рискуя получить нож в спину, и наконец, это вы подняли корабль и обрушили на голову Джаффе Шторму?!

От его крика дрожали стекла, лицо было полно слепой ярости, жилы вспухли на лбу и на висках. Неожиданно Рик замолчал и стал бегать взад и вперед по комнате. Когда он заговорил снова, слова выходили только сдавленным шепотом.

— Черт побери, я отдал слишком много, Сент-Джон, вы понимаете? Кровь и пот, страх смерти… А вы в это время сидели… и мечтали. И если вы с Эран Маком думаете, что могли избавиться от меня, ударив по башке и всучив пятьдесят тысяч кредиток, то вы просто идиоты!

Он гневно рассмеялся и встал так, чтобы видеть лица обоих.

— Вы довольны, святой Джон? А вы, Мак? Наступило тягостное молчание. Эран Мак невозмутимо курил, загадочный, словно марсианское море.

— Нет… я полагаю, — наконец отозвался Сент-Джон.

— Вопрос не в том, удовлетворены ли мы, — произнес Эран Мак, — а в том, можем ли мы сделать что-то для того, чтобы стать довольными.

Рик усмехнулся.

— Расскажи им, что там лежит под полярными колпаками и как с этими вещицами намеревался поступить Шторм, — обратился он к Майо.

Майо рассказывала Сент-Джону и Маку, но глаза ее, как и глаза марсианина, были прикованы к лицу Рика.

Рик дал время обдумать информацию. Новость очень не понравилась, мысль обо всей этой мощи уничтожения напугала обоих правителей. Сент-Джон протянул было руку к кнопке телеэкрана, но отдернул ее.

— Не стоит. На вашем месте я бы пока не заходил в доверии к марсианам так далеко, — сказал Рик со смешком. — Конечно, хорошо, что в распоряжении есть такая сила. Но мне нет надобности использовать ее.

— Напоминаю, вы здесь пленник, — быстро вставил Эран Мак.

— О да, безусловно. Я им был и на «Мэри Доу». Человек, пройдя через некоторые вещи, становится равнодушным. Я уже сказал, что не нуждаюсь в этом оружии.

Он стоял позади Майо и, неожиданно обхватив ее одной рукой за шею, другой вытащил трубку, которую та спрятала. Затем отпустил девушку, сделал шаг назад и навел трубку на кресло. Тонкий розовый язычок показался из отверстия и лизнул несчастную мебель. Кресло испарилось, оставив после себя горстку пыли.

— Это называется «дезинтегратор», — менторским тоном произнес Рик. — Вот теперь самое время включить телеэкран. Всепланетную сеть, поняли? Расскажите, что на самом деле произошло в ночь после победы.

Майо медленно встала, глядя на Рика помертвевшими глазами.

— Вы отдаете себе отчет, к чему это приведет? — растягивая слова, вопросил Сент-Джон.

— А как же! Ваши утки окажутся жареными. Бескорыстные спасители планеты не могут летать с такими обгорелыми перышками. Ну-с, господа хорошие?

— Погодите немного, не стоит спешить, — попросил Сент-Джон. — Люди борются тем способом, который приносит победу. Верите вы или нет, но мы с Маком вели себя честно. Не забывайте про пятьдесят тысяч, которые лежат на вашем счету.

— На моем счету ни гроша. Я за них купил ключ от наручников на «Мэри Доу».

Эран Мак свистнул:

— Выходит, это так много значило для вас! — Он слез с подоконника и выпрямился. — Что же вы хотите взамен Марса?

— А что вы можете мне дать вместо планеты? — парировал Рик.

Сент-Джон, Эран Мак и Майо не отрывали глаза от Рика. Тот стоял, сдвинув брови, упрямо сжимая челюсти, надувшись и пряча взор. Он боялся посмотреть в лицо Майо.

Сент-Джон вздохнул и медленно, будто состарившись на сто лет, протянул руку к кнопке телеэкрана.

— Стойте! — вдруг резко воскликнул Рик. Троица замерла, глядя на капризного хозяина планеты. А у того проступил на лице пот и дрожали руки.

— Подождите… Вчера в городе Кара-Эбре умерла девушка по имени Кира… Она умирала и улыбалась; она сказала, что оживет вновь на возрожденной планете и вспомнит, что помогла сотворить новый Марс. Помогла мне сделать это! А ведь я, видит небо, действительно создал новый Марс! Я собрал разрозненные горстки пыли и

слепил единый мир! Я — и никто больше! Никто другой не смог этого сделать.

Рик замолчал и провел ладонью по глазам.

— Не знаю, почему я был таким упрямым. Не знаю также, оживет ли Кира вновь и, если оживет, вспомнит ли обо мне. Но если да… Майо, подойди сюда.

Девушка приблизилась; в ее глазах зажегся свет.

— Послушай, Майо. Ведь в пророчестве именно это и имелось в виду! Моя тень над Марсом останется навсегда, ибо я слепил Марс воедино собственными руками. Я много думал, Майо. Я мог бы стать властелином мира; во всяком случае, мог бы, дьявол побери, попытаться сделать это. Выдоить планету досуха. Но… Есть ведь еще и другие миры, я пока что молод, и… — Рик прижал девушку к себе. — Разве это имеет значение, Майо? Лучше обладать тобою, чем Марсом. Я раньше говорил, что ты — моя часть, и если не будет тебя, ничто остальное, что бы я ни приобрел, мне не нужно. Сказать еще одно? Все время, пока я пробивался сюда, я думал на самом деле не о Марсе. Я думал о тебе.

— Я знала, что у тебя есть душа, только ты должен был ее найти… — прошептала девушка.

Рик приблизил свои губы к ее губам.

— Бог с ней, с моей душой. Я нашел тебя. — И он крепко сжал объятия.

Сент-Джон и Эран Мак деликатно отвернулись.

— Другие миры… — бормотал Рик. — Всегда есть неизведанное. Пояс астероидов и даже сам Юпитер-Корабли с каждым годом становятся все мощнее, и будут нужны первопроходцы. Если только ты не захочешь остаться здесь, без меня…

Она мягко прикрыла ему рот рукой. Рик вырвался, смеясь:

— Я, наверное, сумасшедший. Смотрю на Сент-Джона, сидящего за заваленным макулатурой столом и уже заработавшего мешки под глазами от всякой там политики, хартий, вымогательств на якобы общественные нужды, и радуюсь, что мне не нужно всем этим заниматься. О таких вещах я тоже думал. Прокладывать первый след — почетно, зато строить дорогу по свежей колее — тяжелая, но скромная работа, и этим можно позволить заниматься кому-то другому.

Он шагнул вперед, не выпуская Майо из объятий.

— Хорошо, ребята, расхлебывайте свое горюшко. Но не думайте, что свободны от шантажа. Я хочу расколоть вас на самый лучший корабль,

оборудованный по последнему писку, с соответствующей командой, и на эксклюзивные торговые права в зоне Пояса. И вот еще что…

Рик покраснел и понизил голос:

— На тот случай, если Кира вернется… Пусть путь будет хорошим. Постарайтесь, когда будете строить, ладно? Я хочу, чтобы ей было приятно вспомнить обо мне и отметить, что моя тень над Марсом — добрая тень.